



**ВВЕРХ**

**Шаг за шагом**

Император стареет, а его наследник больше думает о кутежах и молоденьких аристократках. Аристократы плетут интриги, торговые корпорации хотят свой кусок власти, а простолюдины готовы поднять бунт... Для провинциального дворянина, чей магический дар смехотворно слаб, самое время для того чтобы прибыть ко двору и начать идти вверх. Медленно, но неуклонно. Шаг за шагом.

---



«После наполненного подлинной радостью трудового дня невыразимо приятно присесть, вытянуть ноющие ноги и отдохнуть. Подобного удовольствия лишены те, кто не знает благородного земледельческого труда, простой жизни на лоне природы...»

— Тьфу ты, дурость какая! — заросший бородой до бровей мужик собрался было отшвырнуть рукопись, но в последний момент удержался и аккуратно положил её на лавку. Сидящий рядом с ним похожий на него почти как две капли воды, но отличающийся гораздо менее буйной растительностью на лице мужик хохотнул:

— И вот во всём они так, — он взлохматил пятернёй густую бороду, — вот это вот барыня называет «истинно народной, почти варварской бородищей». Подравнивает каждый день почти меня Никола-брадобрей, а барыня говорит что это борода. Смех один.

Сосед по лавке его явно не слушал, он продолжал бурчать по поводу только что прочитанного в рукописи:

— Попробовал бы барин не каракули свои выводить, в креслице сидючи, а отпахать от зари до зари в поле, как я сегодня! Я вот зимой, бывает, неделями с печи слазию только чтобы пожрать, так мне отдыхается не хуже, чем сейчас. Даже лучшее.

— Известное дело, — поддержал его второй мужик, похлопав по плечу. Вслед за этим он извлек из-за голенища сапога небольшую бутылку и протянул её другу. Тот молча принял дар. Бутылочка казалась в его огромной ладони такой хрупкой, что дух захватывало. Казалось, вот-вот она хрустнет от неловкого движения, и вино вперемешку с кровью брызнет между пальцев... Но нет. Он спокойно поднёс горлышко ко рту, хлебнул, поморщился.

— Баловство одно. Квас вкуснее, а самогон бодрее. Давай-ка лучше его и отведаем.

Разбавить благородный напиток простонародным у них не получилось. Двое мужиков сидели на скамье, расположенной за забором самого крайнего дома, по местному обычаю смотрящего окнами во двор. Таким образом, их укрытие было спрятано от лишних взглядов. Помимо того, отсюда открывался замечательный вид на равнину, полого спускающуюся от расположенной на вершине холма, к реке, протекавшей неподалеку. Равнина была единственным пригодным для земледелия местом среди дремучего леса. Вообще-то, лес можно было б и свести, купцы не раз предлагали барину неплохие деньги за право вырубки, да и места для разведения полей-огородов стало бы поболее, можно было б и деревеньку расширить... Однако, барин упорствовал.

На той стороне речки начинался лес, от опушки вела дорога, она ныряла в брод, выныривала с другой стороны и понемногу, неспеша, добиралась до деревни. Сейчас брод скрепя колесами преодолевала телега. Сидящие на скамейке мужики наострили уши.

— Похоже, добрался-таки купчишка, — предположил один.

— Похоже да, — ответил другой, — не взяли его разбойнички.

— Податься бы к ним, там воля, — мечтательно протянул тот, что был получше подстрижен. Второй повернул к нему голову, посмотрел пристально.

— Ты, Игнат, похоже, подхватил барскую заразу. Слишком долго в их усадьбе живёшь. Забыл, каково в лесу? Летом гнус, зимой мороз. Зверьё рыщет, голодное и злое. Ты и сам в лесу от голода и неуютя быстро в зверя обратишься, как те разбойники. Помнишь косматого, которого мы изловили в том годе? Зверь зверем.

Запищал комар, Игнат хлопнул себя по щеке, взглянул на раздавленного кровопивца.

— М-да. Ты прав, брат. Пошли, что ли, поболтаем с купчиной. Он медленно едет, лошаденка устала совсем, похоже. Если быстрым шагом пойдём, догоним его у развилки, до того как он успеет к барской усадьбе свернуть.

— Давай на посошок, и в путь.

На ходе допив и уворованное одним у барины вино, и собственноручно изготовленный вторым самогон, они догнали купца. Тот, завидев направляющихся к нему людей, натянул поводья. Лошадь тут же остановилась.

— Поздорову, мужики! — поприветствовал он их. Мужики в ответ слегка поклонились. Не так, как обычно в Империи крестьяне кланяются аристократам — до пояса, а скорее просто обозначив жест почтения к представителю купеческого сословия. В конце концов, купцом мог стать оборотистый и предприимчивый крестьянин, а вот аристократом можно было только родиться.

— Чего везёшь? Только для барской усадьбы товар, или и нам чего перепадёт? — заинтересованно спросил бородач. Было видно что его так и подмывает подойти поближе, приподнять плотную ткань, которой накрыта телега и рассмотреть, что там. Однако, делать он этого не стал. Держит себя в руках, как и принято среди лесовиков.

Купец повернулся, отдернул ткань.

— Вот поглядите. Это не вашего барины сын, часом?

Мужики подошли и внимательно оглядели юношу, который спал в телеге. Чёрные прямые волосы, острый выступающий нос, небольшого роста, хотя крепкий.

— Так это ж Вадим Олегович, сын барский! — сказали они в один голос.

Купец вернул ткань обратно, цокнул языком и лошадь, несмотря на видимую усталость, побрела по направлению к усадьбе, стоящей на второй вершине холма, более крутой, чем та, вокруг которой расположились дома селян. Мужики побрели рядом, словно бы просто потому что им по пути, но на самом деле их разбирало любопытство. Вадим, хоть и младший сын барины, одет был просто, как они сами. Купец выдержал паузу, после чего начал говорить словно бы нехотя, с ленцой:

— Еду я, значит, к вам. Самострел с топором держу под рукой, поскольку беспокойно у вас тут. Как к Еловой балке подъезжать, там поворот крутой, и если к вам ехать, под горку резко принимает. Знаете где это?

Мужики синхронно кивнули.

— Ну так вот, я как подъезжать к повороту начал, остановился. Показалось мне, что колесо как-то странно скрипеть начало. Оно и так скрипит постоянно, колесо-то. На то оно, колесо, и есть, скрипеть, но везти.

— Прям как мы, — вставил бородач. Купец пропустил комментарий мимо ушей и продолжил рассказ:

— Ну натянул я повод, лошадка встала, я спрыгнул на землю, начал колесо рассматривать. И тут слышу — крики да ор. Ругается кто-то, да явно не один человек. Я самострел взял, топор за пояс сунул и тихонько пошёл поглядеть, чего там происходит. Смотрю, стоят в кружок пяток разбойничьих рыл и орут друг на друга. В-основном, конечно, только двое орали. Зрение у меня острое, я пригляделся, спорщики один в один похожи. Да не так, как вы. Вы хоть, сразу видать, близнецы, но разнитесь. Одежда разная, бороды, опять же. У тебя вот нормальная борода, а вторая, уж, не взыщи, братец, но тебя медведи в лесу при встрече пугаются наверное.

При этих словах Игнат довольно улыбнулся, провел по своей аккуратно постриженной

бородке ладонью и посмотрел на брата с превосходством. Тот сплюнул и выругался. Купец помолчал, дожидаясь, когда всплеск братской любви минует и продолжил:

— Так вот. Те двое были один в один. И одежда, и лохматые головы — всё одинаковое. Я аж не поверил глазам, поближе решил подкрасться. Я в свободное от разъездов время охотничая понемногу, так что тихо ползать умею. Подобрался к горлопанящим лиходеям так близко, что можно стало слова разобрать. Уяснил я из их разговора для себя следующее: сидели разбойничьи людишки в засаде. Кто-то из городка у излучины, откуда к вам со столбовой дороги ответвлениице начинается, докладывает о путниках. Обо мне, значит, тоже доложили. Ну они в секрет и сели. И тут, на моё счастье, момо них от вашей деревни человек шел. Они решили его по-быстрому обчистить. Для них, злодеев, и простая одежда уже добыча, а на парне, сами видите, костюм простой, но добротный. Выскочили они, значит, всем скопом, навалились, а потом смотрят: нету парня. Зато их главаря аж два стало. Вот эти два космача и спорили кто из них настоящий главарь, а кто подменьш. Надо сказать, в разбойники от большого ума не идут, они, по опыту знаю, дурни редкостные. Но этот их главарь оказался не промах. Сумел в разговоре доказать что он это он, а кто напротив стоит — тот ненастоящий. Припомнил что-то что только он да его подельники знают. Ну, как выплыла наружу правда, так они всем скопом на подменьша и накинулись, бить его начали. Мне парнишку жалко стало, да и смекнул я, что раз подменьш, стал быть, барин. Спасу его, мне награда и выйдет.

— Так и как же ты его спас, один против целой банды вышел? Силён, нечего сказать.

— Не так уж и силён, — купец усмехнулся в бороду, — У меня стрела есть, наговоренная. Купил на ярмарке. Товарец сами понимаете, не вполне законный, но по вашей глуши без такого не поразъезжаешь. Так что урядники на это смотрят сквозь пальцы. Ну, пальнул я, значит, громовой стрелой, они все и попадали, как говаривают городские барышни: без чуйств. Я подскочил, парнишку этого на плечо забросил и ходу.

— Так как же ты его узнал среди разбойников? — не поверил бородатый крестьянин.

— Ну ты даёшь, братец! — хлопнул его по плечу Игнат, — Он же оборотень. Наследственный дар у наших барьев. Если из них дух вышибаешь, они сразу прежний вид принимают.

Телега подъехала к развилке.

— Ну что, Игнат, и ты, торговый человек, пойду я. Мне налево в деревню, вам направо, в господский особняк. Так что пойду я.

— Бывай, — ответил ему купец, — скажи своим, что сегодня я переночую на господском дворе, а завтра, как покажу товар барину, да стрясу с них награду за вырученного сынка, к вам поеду. Есть у меня что показать. Да и у вас, думаю, найдётся для меня товарец какой.

Они солидно, по-мужски пожали руки, и крестьянин пошёл в сторону деревни.

— Ты полезай ко мне, на козлы, — сказал купец, пододвигаясь, — тут места на двоих хватит.

— Благодарствую, — Игнат сноровисто вскарабкался на телегу и уселся рядом с купцом.

— Хочу предупредить тебя, торговый человек.

— О чём же? У барина денег нету, товар в долг просить будет?

— Нет, барин хоть и прижимист, но средства имеет.

— Потому и имеет, что прижимист, — отметил купец.

— И то верно.

— Так о чём же предупредить хотел?

— Как бы тебе сказать... — Игнат прислушался к сопению лежащего в телеге парня, удостоверился, что тот по-прежнему спит, — Вадим-то не сказать чтобы любимый сын у барина. Много он за него не даст.

— А я-то всё думаю, с чего молодой барчук пешком по лесу от вас уйти собрался. Думал, что он из этих, как их... Романтичный. Приключеньев захотел.

— Это тоже. Словом, на большую награду я бы на твоём месте не рассчитывал.

— Ну что ж. Чего-нибудь всё равно даст. Да и за потраченную мной на разбойников громовую стрелу он мне заплатить обязан. Да и барчук наверняка кое-какими средствами располагает. Надавлю на жалось, на благородство — раскошелится как миленький.

Игнат одобрительно хохотнул.

В это время его брат подходя к деревне остановился, повернулся и посмотрел на светящиеся в темноте окна барской усадьбы.

— Ишь ты, освещение у них. Простые люди спят, умаявшись в работе, а эти не спят. Ну ничего, мы свою меру ещё возьмём.

У ворот, ведущих в гостиницу остановился экипаж, той своеобразной ценовой категории, про которую честно можно сказать только одно — дешёвle некуда. Можно сказать — неподобающе дешёвый экипаж. Разумеется, дешёвый в том смысле, который понимали в Александровской Слободе. Здесь всё было невероятно, умопомрачительно дорого, а как ещё может быть в относительно небольшом городке, сплошь состоящем из особняков наиболее знатных и могущественных семейств Империи? Хотя, следует признать, запредельная цена номера в этом заведении никак не означала высокого качества обслуживания. Этой захудалой гостинице до блеска роскошнейших отелей вроде «Прудов» или вечно соперничавшего с последним «Серая» было так же далеко, как и, скажем, одеянию провинциальной горожанки до парадного платья Императрицы.

К экипажу тут же подскочил служка и принялся было выгружать багаж.

— Прошу вас не беспокоиться, я вполне способен управиться самостоятельно, — остановил его тихий, какой-то неуверенный баритон, явно в недавнем прошлом срывающийся в юношеский фальцет.

Слуга от удивления едва не выронил сумки, но сумел совладать с собой и аккуратно опустил их на мостовую. Он давно работал в Слободе и успел уяснить, что аристократы всегда ведут себя непредсказуемо. Наверняка делают это для того чтобы пускать простолюдинам пыль в глаза. Он встретился взглядом с говорившим. Светлые глаза, но точнее определить из цвет слуга бы не взялся — если бы вообще ему пришла в голову подобная мысль. Он отвернулся, и навсегда исчез из жизни Вадима Тушкова, а именно так звали только что прибывшего в Слободу молодого человека. Несколько недель назад после очередного побега, окончившегося гораздо провальнее обычного — что признавал даже папа — он получил, наконец, благословение родителей на отъезд к императорскому двору. Благословение его обрадовало, а вот сумма, полученная вместе с ним, напротив, огорчила. Денег едва хватило на то чтобы добраться до Слободы и сейчас Вадим дрожал при мысли о том, что случится, если ему не хватит средств оплатить хотя бы один день. В Слободу постоянно пребывали дети провинциальных аристократов, что негласно поощрялось, ведь управление огромной Империей требовало великого множества талантливых молодых людей. Разумеется, большинство вновь прибывших никакими талантами кроме магических не обладало, но среди огромного количества пустой породы попадались алмазы. Коими и прирастало величие Империи. Вадим искренне надеялся, что он не пустая порода. Не алмаз, конечно, на столько его самомнения не хватало. Хотя бы полудрагоценным камнем оказаться, всё лучше, чем тихо загнивать и спиваться в родном имении.

Он подхватил сумки, довольно тяжелые, хоть и не столь неподъёмные, каковыми они и были в начале пути. Матушка расстаралась и выдала ему с собой столько провизии, что большую часть пришлось выкинуть. Войдя в холл отеля Вадим осмотрелся. Оказалось, это был вовсе не благородный холл, а самый что ни на есть кабак. Большой зал, вдоль стен множество столов, занятых едящими, пьющими, галдящими, спорящими до хрипоты и распеваящими песни людьми. Многие из них, похоже, были заняты весёлым времяпрепровождением уже не первый день. Никто не обратил на вошедшего ровным счётом никакого внимания, и он проследовал к видневшейся в дальнем углу стойке.

— Прошу номер, — обратился Вадим к опершемуся на стойку мужчине.



Тот смерил его профессионально цепким взглядом и ответил с легким поклоном:  
— Номер сорок два. Четвертый этаж. Две монеты в день.

Вадим вытащил из кармана две монеты, выложил их на стойку, забрал ключи от номера и пошёл вверх по лестнице. Он очень надеялся что ему удалось изобразить что он просто выгреб из кармана завалившуюся там мелочь, а не отдал только что все оставшиеся у него деньги.

Он мог бы поклясться семейным погостом, что с улицы насчитал в здании только три этажа. Получается, ему отвели место на чердаке. Надо признать, мужчина у стойки действительно умел безошибочно определять платежеспособность клиента.

Догадка оказалась верной. Не без труда преодолев шесть пролётов Вадим оказался на чердаке. Именно на чердаке, поскольку сколько не называй помещение между верхним этажом и скатом крыши мансардой, оно от этого чердаком быть не перестанет. Узкий коридор, по бокам дверцы. Вадима неприятно удивило малое расстояние между дверями. Он не без труда рассматривал в полумраке цифры, накорябанные на дверях. Вот и дверь с надписью «42». он отпер её полученным ключом и вошёл. Поставил сумки на пол и с трудом преодолел желание завалиться на кровать. Он заставил себя аккуратно снять одежду, повесить её на плечики и развесить на вбитых в стены крючках. Только после этого позволил себе растянуться на кровати и расслабиться.

Никогда раньше он не забирался так далеко от дома. Собственно, он кроме ближайшего городка не бывал после окончания лицея. Родители не отпускали его в самостоятельные путешествия, а сами по большей части сидели дома, лишь несколько раз в год выбирались к кому-либо из соседей. Вадим вымотался. И вот сейчас, достигнув цели, он наконец мог расслабиться.

Повернувшись набок он уснул.

Разбудил его деликатный стук в дверь:

— Господин, вы ужинать будете?

Желудок среагировал быстрее разума, радостно заурчав в ответ на предложение. Вадим испуганно покосился на дверь. Не услышал ли его слуга? Стоит сейчас, наверное, прикрыл рот рукой и давится от смеха. Он сел на кровати, та отчаянно закрипела. Слуга за дверью, видимо, по звукам скрипящих досок понял, что был услышан, и удалился, негромко топая по полу.

Может быть, не стоит позориться и спускаться в общий зал? У него ведь нет ни копейки. Однако, есть хочется отчаянно. Вадим решил, что стоит спуститься вниз и попытаться завязать знакомство с кем-нибудь, узнать новости, да и вообще, не затем же он прибыл в Слободу, чтобы сидеть сычом в маленькой комнатухе под крышей!?

Он неумело вычистил щёткой свой единственный приличный костюм. Облачился в него и спустился в общий зал. Там царила та же атмосфера, которую он застал вчера по прибытии в отель. За столами сидели многочисленные аристократы, старающиеся казаться значительнее и богаче чем они есть, а оттого заказывающие блюда и напитки чья цена в обычное время была им не по карману. Их жены и дочери блистали нарядами, за которые отцам семейств наверняка пришлось выложить немалую часть своего дохода.

Вадим решил, что не стоит здесь задерживаться, и вышел на улицу. Он пересек двор, и оказался на улице, идущей к центру Слободы. Тротуары отделены от проезжей части газоном, засеянным низкорослой зеленой травой, по моде, введенной островитянами. Хоть Остров и был заклятым врагом Империи, но мода на всё островное царила в среде высшей

аристократии Империи, и, по слухам, на острове ситуация была зеркальной. Там ценилось всё связанное с Империей, в особенности, с тёмной магией.

По тротуару неспешно прогуливались пары, иногда Вадиму встречались имперские гвардейцы, зорко поглядывающие по сторонам. Всё-таки совсем рядом с благородной и чинной Слободой располагался Посад, более известный как Гнилушка — темный антипод императорского двора, без которого двор не мог бы существовать. Слугам требовалось где-то жить, и если личная обслуга аристократов жила в их особняках, то разнообразные извозчики, грузчики, мусорщики и прочие имели право работать в Слободе, но не имели права в ней жить. И, хоть внешняя граница Слободы была защищена сильной магией, но и в барьере находились лазейки. Злоумышленники ухитрялись проникать в Слободу и учинять здесь свои козни. К примеру, Вадим читал не так давно в купленной на постоялом дворе газете, что не далее как в прошлом месяце в особняк князя Милованского ворвалась банда в масках, обездвигила барона и его супругу и разграбила особняк. Оставалось непонятным, каким же образом им удалось одолеть столь мощного мага Льда, каковым слыл князь. Он умело применял свой дар в битвах на востоке, нанося противнику немалый урон, но не смог защитить свой дом. Поговаривали, что барон был попросту пьян во время нападения, что для старого воина было вполне допустимо. Некоторые же считали, что к барону ворвалась не просто шайка, один из нападавших сам имел магический дар. Вадим не мог взять в толк, что могло толкнуть родовитого человека на столь низкое занятие.

Тем временем окончательно стемнело и на улицах начали зажигаться фонари. Большая часть их были либо масляными, по старинному обычаю, либо с магическим огнем. У одного из фонарей, сияющего непривычным взглядом Вадима слепяще-белым светом, он даже остановился. Про такие он только слышал, видеть не доводилось. Тоже островная штука.

Он побродил по улицам ещё немного, и аппетит превратился в голод. От особняков и ресторанов потянуло запахами тонких вин и изысканных блюд, и он поспешил назад. Ему хотелось забиться в свою комнатку и свернуться клубочком. Он не думал о том, что станет делать после того как доберется до Слободы. Ему казалось, что главное — преодолеть путь, а в конце все решится само собой. И вот он здесь. Входит в гостиницу, где в его распоряжении самый дешевый номер, и тот завтра придётся покинуть. Вадиму становилось мучительно стыдно от понимания, что завтра он окажется с багажом на улице без копейки денег. Ему рано или поздно придётся обратиться к кому-нибудь за помощью, с тем чтобы ему заняли денег под гарантии фамилии. Родители примут его назад и он вновь окажется в своей затерянной в дремучих лесах деревушке, теперь уже — навсегда.

Послышался громкий хлопок разорвавшегося воздуха, Вадим вздрогнул и отскочил. Его испуг был встречен взрывом смеха. Он выпрямился. Что ж, он с детства привык к насмешкам стихийных магов. К сожалению, присущий его семье тёмный дар не помогал в схватках, но он знал, как будет действовать потом.

Из-за стола, за которым собралась компания подшутивших над ним молодых людей, поднялся человек. Он обратился к Вадиму:

— Дорогой друг, с прибытием в Слободу! Вы, я вижу по реакции на невинную шутку, человек здесь новый. Прошу, присоединяйтесь к нашему столу!

— Благодарю, но не воспользуюсь.

— Не обижайте отказом! В конце концов, что может помешать одному благородному человеку угостить другого благородного!?

Вадим не нашелся чем возразить на столь веский довод, пришлось принять

приглашение.

— Прошу простить за нашу шутку, мы устроили небольшое состязание.

— Если вы состязались, чей хлопок будет громче, полагаю это был победитель.

Замечание Вадима было приятно всеми за тонкую шутку и встречено очередным взрывом хохота. По приказу восседавшего во главе стола седоусого мужчины служанка принесла ему блюдо, бокал и он приступил к застолью. Из разговора он уяснил что оказался за одним столом с семьёй Бреговичевых. Они проживали в центральных землях и сейчас прибыли в Слободу дабы пристроить своего сына Григория на службу. У отца семейства имелся давний друг, с которым они вместе служили, прошли множество битв, но впоследствии их пути разошлись.

— Вы не представляете себе, молодой человек, насколько выбор невесты влияет на судьбу, — заговорщическим шепотом сказал седоусый старик, когда его супруга с дочерью отлучилась в дамскую комнату, — Я женился на красавице, да-да, не смейтесь!

— Я и не думал, — сдержанно ответил Вадим. Он уже немного осоловел от съеденного, и готовился к следующему подходу, попивая вино.

— Да, моя жена была красива, как адов пламень. Весь полк по ней с ума сходил. И если бы кто мне тогда сказал, что надо смотреть не только на грудь невесты, но и на грудь её отца, я бы тому в морду дал — и зря.

— Грудь отца? — не понял глубокой метафоры вадим.

— Ордена, друг мой, ордена. Не те, которые дают простолюдинам для придания им способностей, а те, что свидетельствуют о заслугах перед Императором. Грудь моей невесты была прекрасна, но грудь её отца — пуста. Тогда как грудь отца невесты моего приятеля была увешана орденами. И вот результат: я — провинциальный отец семейства, тогда как он — обитает в особняке в хорошем районе Слободы. Теперь я вынужден идти к нему на поклон, дабы просить пристроить своего непутевого отпрыска.

Вадим посмотрел на Григория, развлекавшегося тем что катал шарики из хлебного мякиша и швырял их в гостей отеля. Ему даже не хватало сообразительности воспользоваться своим умением направлять воздушные потоки, чтобы отвести от себя возможные подозрения.

Старик горестно вздохнул.

— А вы, Вадим, достойный молодой человек. Я вывел это умозаключение из нашего разговора о политике Империи относительно южных варваров. Должен отметить, миссия молодого князя Плечеева, о которой писали в газетах, вызвала двоякое отношение в высших кругах, и вы придерживаетесь разумной точки зрения.

Вадим благодарно поклонился.

— Вы ведь, — продолжил старик, — прибыли в Слободу с той же целью, что и все молодые люди, желаете сделать карьеру, покорить мир и так далее?

— Я не столь честолюбив, — Вадим немного растерялся.

— Не стоит стесняться честолюбия, молодой человек. Это нормальное качество для благородного. Я хочу предложить вам сопроводить завтра меня и моего сына, когда мы поедem к моему другу — барону Эйзенхаузену. Если я смогу уговорить его взять вас, вы присмотрите за Гришей?

Вадим поднёс к губам бокал, пригубил немного. Внутри он был полон ликования. Он чувствовал себя словно персонаж приключенческого романа. Юный провинциал, без средств, уже завтра должен был оказаться на улице, и тут ему предлагают протекцию! Он

оставил бокал и произнес внушительным тоном:

— Я согласен на ваше предложение.

— Ну и отлично! Официант, шампанского сюда!

На лице супруги обрадовавшегося старика Вадим заметил гримасу неудовольствия.

Утром он проснулся со слегка гудящей головой и некоторой сухостью во рту, но в прекрасном расположении духа. Он умылся, причесался, и вышел во двор. В общем зале аристократы пили кофе, но он не мог себе этого позволить, а потому принялся прогуливаться по двору, якобы заинтересовавшись лошадьми. Вскоре его окликнул седоусый господин Бреговичев. Он расположился на веранде с чашечкой кофе. Они немного побеседовали о ценах на лошадей, политике, погоде и прочих приличных для пустопорожнего светского разговора вещах, после чего старик предложил проехать к его другу. Григорий выглядел помятым, он вчера явно неплохо отдохнул. Когда карета раскачивалась в поворотах, он заметно бледнел.

Вскоре они въехали в ворота особняка. У Вадима дух захватило от роскоши здания и разбитого вокруг него парка. Особняк в два этажа, с колоннадой и широкой мраморной лестницей, он был именно таким, каким рисовал себе в мечтах свой будущий дом Вадим, когда смотрел на звездное небо, лежа на сеновале.

Их встречали, стоя на крыльце, хозяева: рослый и крепкий блондин, ровесник старика Бреговичева и его жена — невысокая женщина, тоже блондинка, но если муж был роскошен и внушителен, то она была просто бледной немочью. Вся какая-то тусклая. Вадим понял, о чём говорил старик относительно того что жениться надо имея в виду не грудь невесты, а грудь её отца.

Старики обнялись, Брегович представил своего сына и Вадима, последнего назвал своим знакомым.

— Так вы тоже их центральных губерний, молодой человек? Опора и надёжа Империи, не то что эти выскочки с запада или восточные варвары!

Хозяин дома выглядел действительно как истинный уроженец коренных земель Империи. Косая сажень в плечах, голубые глаза и курносый нос.

— Чем управляете, молодой человек? Вода или Ветер?

Вадим. Посмотрел ему в глаза и тихо, но отчетливо произнес:

— Я оборотень.

Воцарилась тишина. Все смотрели на Вадима с ужасом, и только жена хозяина — с интересом. Хозяин дома окаменел лицом, выпятил подбородок, расставил ноги пошире и, похоже, собрался разразиться речью, после чего приказать спустить собак на выродка, посмевшегося явиться ко двору приличного человека, ну или самолично отхлестать Вадима кнутом, после чего заковать в кандалы, вывалить в смоле и перьях, а то и четвертовать. Вадим смутно представлял себе, на что имеет право столбовой дворянин в пределах своих владений. А уж если совсем точно, он не имел понятия, на что упомянутый дворянин на своей территории права не имеет. Хоть Вадим и сам дворянин, это не сильно меняет дело. Его могут попросту вызвать на поединок и убить. Или опозорить. Неизвестно ещё, что хуже, хотя Вадим умирать не очень хотел.

— Сашенька, — подала голос жена хозяина дома, тихонько тронув его за локоть, — а можно этого парнишку мне отдать, в услужение? Он вроде смирный.

— Дворянина в услужение? — удивлению присутствующих не было предела. Вадим

тоже был поражён до глубины души. От удивления он даже не понял, кто именно это сказал. Возможно даже, он сам и сказал.

— Да, отчего нет? Я дворянка. Будете мне служить. Не полы мыть в покоях, само собой.

— А что, душенька моя, он будет делать-то? К тому же он тёмный... — хозяин дома всё ещё не мог уяснить себе, что, собственно, вообще происходит! И он был в этом не одинок.

— Оставьте это мне, дорогой. Вы идите в зал, там кушать подадут. Дела свои обсудите мужские, которые моему женскому уму недоступны. А я парнишку себе заберу.

— Может быть, всё же плетью его со двора прогнать? Тёмный же, — продолжал сомневаться хозяин. У Вадима вдоль позвоночника пробежал холодок. Похоже, барон не шутил.

— Ну что ты, у тебя же сердце. Идите уже, выпейте хересу и примитесь проигрывать друг другу в карты несусветные суммы денег.

— Ха, — предложение баронессы очевидно упало на благодатную почву, — Что же, Николай, вспомним молодость, а? Помнишь, как ты меня тогда по крепостью обмишурил, эта, как её...

— Эргенч, по-моему. Или Иргенч.

— Да и ладно. Пошли. Это сын твой, значит? Хорош, весь в мать. Красивая женщина была, да. Впрочем, я на тебя зла не держу, Николай.

Он продолжал говорить что-то, увлекая за собой отца и сына Бреговичевых. Вадим остался стоять на крыльце с багажом в компании баронессы, разглядывающей его с откровенным любопытством. Они были наедине, если не считать служанок баронессы.

— Как тебя зовут? — в отсутствие мужа голос у баронессы сильно изменился. Да и сама она изменилась. Преобразилась из блеклой серой домохозяйки в женщину небольшого роста, но тем не менее привлекательную, да к тому же смотрящую на него сверху вниз. Он собрался было исправить это недоразумение, поднявшись на пару ступенек, но был остановлен бритвенно-острым взглядом баронессы.

— Вадим Егорович Тушков.

— Говоришь, ты оборотень? Стало быть, волком обращаешься в полнолуние и рыщешь по окрестностям?

— Описанное вами существо называется «волколак», и его не существует.

— Я запуталась. Так ты оборотень или нет?

— Разумеется, оборотень. Я могу обретать вид другого человека. Это слабый дар, он сродни способности к отведению глаз. При отведении человека перестают замечать, а в моём случае люди, смотря на меня, видят того, кого я пожелаю.

— Кого угодно?

— Только того, кого я раньше видел. И очень ненадолго.

— Это должно быть очень интересно. Следуй же за мной, оборотень.

Баронесса пошла внутрь здания. Сразу за парадным входом был вестибюль, и, в отличие от виденного Вадимом в отеле, это действительно был вестибюль, а не общий кабацкий зал. Отделанные малахитом панели покрывали стены, мраморные колонны поддерживали высокий сводчатый потолок, повсюду можно было видеть статуи и картины. Что-то подсказывало вадиму, что это не копии. Из примыкающего справа к вестибюлю помещения раздавались громкие голоса, хохот и звон бокалов. Встреча старых друзей, похоже, шла полным ходом. Баронесса же свернула в противоположную сторону. Пройдя через дубовые двери, инкрустированные благородным орнаментом, они оказались у подножья винтовой

лестницы, далее Вадим увидел коридор со множеством дверей.

— Там, наверху, расположены мои покои. Мы с моим супругом живем порознь, так гораздо удобнее. Ты будешь жить вот там, — баронесса указала на одну из дверей, — и отдай, наконец, свой багаж кому-нибудь. Мне, конечно, без разницы, но если ты потащишь свои чемоданы с собой по лестнице, ты наверняка упадешь с сердечным приступом, а я не для того тебя спасала от моего мужа.

— А зачем же вы тогда меня спасали?

— Честно говоря, сама не знаю. Вы, тёмные, всегда тёмные лошадки, уж прости за неловкий каламбур. Стихийные дары определены, опасности идущие от них известны. Ваши же дары... Они очень многочисленны. А ещё вы загадочны, а мне скучно. Так что, будешь мне рассказывать, кто ты, кем были твои предки, что знаешь про темную магию. И будешь носить мою сумочку и зонтик, развлекать меня беседой и выслушивать мои капризы, когда у меня плохой настрой.

Баронесса резко остановилась и вновь уставилась на Вадима сверху вниз.

— Или можешь вернуться туда, откуда приехал. Что выбираешь?

Вадим улыбнулся.

— Я согласен.

— Замечательно, — баронесса улыбнулась, — в таком случае, иди в свою комнату, устройся поудобнее. Не торопись особо, минуты три свободного времени я тебе, так и быть, дам. Ну а как твои три минуты выйдут, пулей на кухню, проследи чтобы мне приготовили мой обед. Не переносу лук, проследи чтобы его не положили в суп. И чтобы мой любимый сыр не вздумали руками лапать, я им специально перчатки купила. Ну, что стоишь?

Вадим развернулся. Сделал шаг и кубарем покатился с лестницы. Он от растерянности попросту забыл, что стоит на ступенях. Достигнув пола, он тут же поднялся на ноги, отряхнулся и виновато посмотрел на баронессу. Точнее, на то место, где она стояла, когда он начал своё эпическое падение. Она не стала досматривать его позор до конца и ушла, за что Вадим был ей безмерно благодарен.

А вот слуга, только что вышедший из комнаты, где оставил багаж Вадима, даже не пытался скрыть презрительную ухмылку. Похоже, барон набирает в дом слуг себе под стать: рослых, румяных, широкоплечих. Вадим, как истинный уроженец дремучего леса, оставшегося от древних бескрайних лесов островка посреди распаханной и окультуренной центральной равнины, был невысок. Однако, он никогда об этом ранее не думал, ведь всю жизнь провел среди подобных себе и искренне считал свой рост нормальным. В этом доме одного с ним роста была только баронесса.

— Ты чего встал тут?

Вадим понял, что стоит столбом посреди коридора, у двери в свою новую комнату. Здоровенный мужик с охапкой свечей под мышкой ожидал, когда он уступит дорогу, коридор был узок. Вадим скрылся за дверью. У него ведь всего три минуты! Он тут же выглянул назад в коридор:

— Любезный, а где тут кухня располагается?

— До конца этого коридора и налево, если ты из наших. Ну а коли ты из господ, то через большой зал, а дальше на запах.

Вадим усмехнулся. Надо же. Мужик даже не смог вот так сразу определить, к какому сословию Вадим принадлежит. Похоже, баронесса намеренно поселила его в крыле для слуг. Что ж, отступить некуда. Надо терпеть и упорно идти к цели. Дед, помнится, как-то называл это качество лесовиков на древнем, ныне забытом наречии. Вадим помнил что они с братом очень смеялись над этим словом, уж больно оно неприличное было. Похоже на «сиськи».

Он осторожно выглянул из-за угла в вестибюль. Из противоположного конца особняка по-прежнему доносились голоса отмечавших встречу старых друзей. Вадим вышел и,

стараясь ступать как можно тише, направился в сторону, противоположную от входа, разумно предположив, что именно там и должна располагаться кухня. Ведь не привозят же продукты и вывозят неизбежные отходы через парадный вход? Вадим с трудом мог представить себе что через роскошно отделанный вестибюль шагают дюжие мужики, навьюченные окороками, мешками с мукой или вязанками дров. Он уже учуял возбуждающие аппетит запахи, идущие с кухни, как из-за колонны с гиканьем выскочил молодой мужчина, очень похожий на барона Эйзенхаузена и размахивая руками понесся на Вадима. Он инстинктивно отшатнулся и сделал несколько шагов назад, тут же попавшись в чьи-то объятия, удушающие не только силой мышц, но и вонью винного перегара и пота.

— Попался! — Вадим понял, что его схватил молодой Бреговичев, — Я же говорил тебе, друг, что это животное, и потому охотиться на него надо, как на животное.

Вадим дернулся было, но Гриша сдавил его шею ещё сильнее. Перед глазами поплыли тёмные пятна. Он задыхался.

Юный барон Эйзенхаузен рассматривал Вадима словно диковинного зверя.

— А знаешь, — сказал он приятным баритоном, — действительно похож. На оленя. Вот один в один, какого я на последней охоте заколол. Так же шумно дышит, крутит глазами бессмысленно.

Он приблизил лицо прямо к лицу Вадима. Посмотрел прямо в глаза. В них не было ни охотничьего азарта, ни спортивного интереса, ни пьяной удали. Одна незамутненная ненависть.

— Ну что, олешка? Ты попался. Есть мы тебя не будем, конечно, но вот заколоть из спортивного интереса это запросто. Молись своим скотским богам, паршивец.

Он начал медленно вытягивать из висящих на поясе ножен длинный горский кинжал. Действительно ведь заколет, мелькнуло в голове у Вадима.

— Ваша матушка не обрадуется, — сказал он первое, что взбрело в голову. Эйзенхаузен улыбнулся.

— Да, матушка будет недовольна, но я, пожалуй, переживу. Мы пока в засаде сидели, слышали как ты с лестницы навернулся. Ты неуклюжий, как и положено запуганному зверьку. Отнесём тебя под лестницу, да там и сунем острие под ребро. Скажу матушке что ты попросил у меня кинжал посмотреть, да и бежать ударился. Вестимо — нищий лесовик, увидел камушки на рукояти, на такие в твоей глуши годы прожить можно, если продать с умом.

Валим почувствовал как волосы у него на затылке встали дыбом.

— Смотри, Василь, а у него прям как у собаки волосы-то на загривке поднимаются! — сказал Григорий, — Ну как действительно в волка сейчас обратится?

— Не бывает никаких оборотней, это сказки. А если и не сказки — тем лучше. Мой клинок парадный, отделан серебром. Баловство, конечно, но на один удар его хватит. Ну что, олешка, готов?

Вадим увидел за плечами Василия Эйзенхаузена движение. Это были слуги, они несли какие-то коробки.

— Василий Александрович, вам не требуется помощь? — послышался негромкий, очень спокойный и какой-то очень уверенный голос.

Так как лицо Василий находилось прямо перед глазами Валима, он мог наблюдать, насколько тон его голоса не соответствует выражению глаз. Когда он смотрел на Вадима — они были полны холодной, устоявшейся, непоколебимой ненависти. Сейчас же в них



клокотала ярость, а вот голос напротив, был ровным и даже чуточку почтительным.

— Нет, Савелий, помощь мне не требуется, — он сделал знак Григорию, и хватка на шее Вадима тут же ослабла.

К ним подошел мужчина с безупречной осанкой и такими шикарными бакенбардами, что сразу было ясно: это личный камердинер важного вельможи.

— А это теперь твой коллега, — сказал Василий и положил Вадиму руку на плечо.

Подошедший мужчина мельком взглянул на Вадима, и сказал:

— Что ж, раз Инесса Евгеньевна так решила, так тому и быть. Я как раз иду к ней привезли заказ. Вы пойдёте со мной, молодой человек?

— Нет, баронесса просила меня сходить на кухню.

— Что ж, я выделю вам сопровождающего, особняк большой, и планировка в нём весьма путанная, спасибо архитектору. Осип, любезный, изволь сопроводить юношу в его походе.

— Не стоит. Я найду дорогу.

— Как будет угодно.

Савелий поклонился и пошёл дальше. Вадим направился в сторону кухни, и пройдя с десяток шагов не удержался от того чтобы повернуться. Григорий и Василий стояли у колонны и делали вид что болтают. Они будут ждать его на обратном пути. Похоже, они всерьёз намеренны сделать то что обещали. Пока не протрезвеют ничего не поделаешь.

На кухне царил суета, которую Вадим мог сравнить лишь с сопровождающим папино день рождения кавардаком, помноженным на переполох, учиненный однажды пробравшимся в курятник хорьком. Заправлял всем, похоже, дородный мужчина в белоснежном колпаке, стоящий на небольшом возвышении у пышущей жаром печи. Никто не обратил внимание на вошедшего Вадима, все что-то нарезали, обжаривали, снимали пенку и шипели от боли в обожженных пальцах. Вадим пробрался сквозь суету к командующему парадом толстяку и громко крикнул, стараясь перекрыть шум:

— Меня послала баронесса!!!

Толстяк посмотрел на него сверху вниз, похоже в этом доме так делают все, и спросил:

— Ты кто?

— Её новый личный помощник, — ответил Вадим сочтя разумным не вдаваться в ненужные подробности. Повар поджал губы, картинно воздел руки, зацепив при этом потолок и осыпав Вадима известью, и возопил:

— Да сколько же продлятся мои страдания!!! Зачем я сделал это, кто вторгся в мой разум и довёл меня до мысли пересечь порог этого проклятого дома...

Отец Вадима иногда вел себя похожим образом, потому он знал что следует делать в подобных ситуациях. Прежде всего, не надо слушать что говорит этого болезный. Таким людям просто надо иногда проораться, посетовать на жизнь. После того как выпустят пар, с ними можно иметь дело.

Он терпеливо ждал некоторое время, и, наконец, дождался. Повар снизошёл до него:

— Так чего тебе надобно, говоришь?

— Баронесса просила чтобы в её блюде не было лука, а так же...

Повар махнул на него рукой:

— Да знаю я. Вон, тех троих возьми с собой, они отнесут её сиятельству всё что нужно.

У входа в кухню на лавочке ожидали трое лакеев. Вадим подал им знак, они подхватили блюда, накрытые серебристо поблескивающими клошами, и пошли. Кухня располагалась в

цокольном этаже, лестница была широкой и пологой, для удобства подачи блюд. Вадим попросил идущего последним лакея задержаться.

— Давай я сам отнесу, а ты иди на кухню.

— Что вы, как можно?

— Можно. Новые времена, свобода, равенство, братство, слышал про такое?

Слуга выпучил глаза, но после несмело улыбнулся. Вадим принял у него блюдо, дождался пока тот спустится назад, прикрыл глаза и сосредоточился. Он привычно восстановил все детали его внешности, воссоздал перед внутренним взором всю его фигуру, со всех сторон и в полный рост. Потянулся мысленно к чему-то запредельному, для описания чего не смог бы подобрать слов и открыл глаза. По собственному опыту он знал, что ему самому кажется этот процесс занимает минуты, но на деле не проходит и пары мгновений. При должной тренировке можно успеть перекинуться пока человек моргает. Так он и сделал тогда, в лесу, когда его окружили разбойники. Он быстрым шагом устремился наверх, догнал остальных лакеев. Они пересекли вестибюль, Григорий и Василий по-прежнему стояли там в ожидании Вадима. Что ж. Вскоре им это надоест, захочется выпить и они уйдут.

Войдя в покои баронессы Вадим снова удивился роскоши обстановки. Похоже, дела семьи Эйзенхаузен шли весьма неплохо, раз они могут себе позволить такое. Хотя, во многих ли богатых домах он бывал до этого?

Покои, в которых баронесса принимала пищу, были хоть и роскошно обставлены, но весьма невелики, так что лакеям приходилось поочередно входить, выставлять блюдо на стол, и покидать помещение. Вадим, скрытый под личиной одного из лакеев, был последним в очереди и когда вошёл, выставил перед баронессой поднос, намереваясь произвести эффект, подгадав возврат своего истинного облика под момент, когда она моргнёт. Однако ж, помешала его извечная неуклюжесть. Когда он наклонился, намереваясь поставить поднос, то, что лежало на нём, скрытое под клошем, скользнуло на одну сторону, поднос перекосило и Вадим не смог удержать его в руках. Поднос упал с весьма приятным для уха мелодичным звоном, а вот его содержимое, истекающая жиром уточка, шмякнулась о пол, обдав подол платья баронессы потоком ароматного соуса.

Баронесса, как и положено воспитанной женщине, не стала говорить с набитым ртом. Он медленно прожевала, а после буднично сказала:

— Иди на конюшню, скажи чтобы тебя выпороли как следует. Только без увечий и уж тем более не насмерть, вас ведь не напасешься.

Она сказала это так, что Вадим чуть было действительно не пошёл с повинной головой на конюшню принимать наказание. Спohватившись, он принял свой прежний облик. Вот тут баронесса не смогла удержать себя в рамках приличий и ойкнула, словно деревенская девчонка.

— Никогда прежде не видывала подобного фокуса.

Вадим учтиво поклонился.

— Наш дар в настоящее время редко встречается.

— А раньше, надо понимать, вас было побольше.

— Так говорят семейные предания.

— Интересно. За дверью силит Савелий, вели ему подать второй прибор. Со мной пообедаешь, тут мне одной всё равно многовато. С моим ростом много есть вредно, становлюсь похожей на пуфик. Неровен час, кто-нибудь перепутает, и ноги на меня

положит.

Вскоре они чинно обедали. Баронесса молчала, внимательно разглядывая Вадима. Тот ужасно смущался, и от того был ещё неуклюжей, чем обычно.

Наконец, когда они приступили к кофе, баронесса сочла возможным начать разговор:

— Мне интересно, насколько правдоподобно ты имитируешь внешность. Тебя можно отличить от оригинала?

— Вы только что могли видеть всё своими глазами.

— Ты всерьёз полагаешь, что я помню в лицо своих лакеев? Не хаами, а то точно на конюшни отправлю.

— Что ж, — Вадим отставил чашку, прикрыл глаза и вызвал в памяти образ Василия. Он не мог увеличить или уменьшить свой рост, но ведь когда сидишь за столом, это не так заметно.

На этот раз баронесса не ойкнула. Она продолжила пить кофе мелкими глотками. Вадим сказал голосом Василия:

— Матушка, вы ведь смогли бы отличить меня от чародейского морока, наведенного мерзким тёмным магом!?

Баронесса захохотала.

— В чувстве юмора тебе не откажешь! Ладно, повышаю тебя до шута. И прими свой настоящий облик уже, ты меня смущаешь. Кстати, о смущении. Ты превращался когда-нибудь в женщин?

Вадим залился румянцем. В принципе, уж румянец-то он вполне мог скрыть, но зачем пока раскрывать все карты.

Баронесса немного наклонилась вперёд и спросила тихо:

— За девками в бане подглядывал, небось?

— Нет, что вы, баронесса, как можно, — игривым тоном ответил Вадим. Инесса вновь расхохоталась. Когда она смеялась, то не была похожа ни на бледную тень могущественного мужа, ни на владычицу жизни и смерти своих слуг... Сколько же у неё масок? И кто тут ещё оборотень, спрашивается?

— Ладно, пошутили и будет. Убедил, ты умеешь притвориться так, что родная мать не отличит. Твои способности будут полезны. Что ты знаешь о жизни в Александровской Слободе? Только не надо цитат о средоточии могущества и добродетели, которые всем вколачивают в лицах.

— Я никогда не питал иллюзий насчет добродетели Александровской Слободы, но не ошибался же я, думая, что здесь сосредоточена вся власть?

— А ты не дурак. Да, здесь действительно сосредоточена вся власть. Вот там, — она указала рукой так, словно могла по мановению руки сделать стену прозрачной, — стоит гора. Ну как гора — холмик, честно говоря. Только холмик, на котором построен дворец Императора превращается в гору. И это истинное средоточие власти. Люди, населяющие Александровскую Слободу, делятся на две категории. Первые ведут светскую жизнь, отплясывают на балах, крутят романы и посещают модные салоны. Вторые делают тоже самое, но не с целью развлечения, а чтобы получить власть.

— Зачем же им власть?

— Нет, ты всё-таки дурак. Власть, мой юный шут, нужна чтобы получить ещё больше власти, и так далее — до бесконечности. А теперь я задам тебе важный вопрос. Ты прибыл в Слободу чтобы присоединиться к первым или же ко вторым?

— Если выбор ограничен только этими двумя категориями, то я, пожалуй, выберу вторую.

— Прекрасный выбор. Ладно, с обедом покончено, — она взглянула на часы, — мой муженёк и его гости уже перепились вдрызг, и до вечера в себя не придут. Ну а мы пока прокатимся, пожалуй. Надо привести тебя в подобающий вид, а то опозорюсь я с тобой. А потом составишь мне компанию. Мы кое-куда съездим, и ты кое-что для меня сделаешь.

Вадим встал и поклонился.

— Не уточнишь, что именно должен сделать для меня? — спросила у него баронесса, пристально глядя в глаза.

— Вы знаете на что я способен, и коли считаете, что справлюсь, значит — справлюсь. Вы заинтересованы в том чтобы я выполнил задание, а следовательно снабдите меня необходимой для этого информацией. Так что расспрашивать вас считаю неуместным.

— Всё-таки не дурак... Только лучше будет, если все тебя будут считать дураком.

Вадим снова поклонился.

Следующие несколько часов для Вадима прошли мучительно, но он отнесся к этому стоически. Что, в свою очередь, послужило предметом множества шуточек для юных белошвеек. Одна из них, слишком смелая или слишком глупая, попыталась пошутить над баронессой и её юным спутником, точнее — о вероятном характере их отношений. Кажется, она потеряла работу.

Все то время, что баронесса таскала его по швейным ателье и конторам портных, Вадим чувствовал себя одной из тех кукол, что во множестве имелись у сестренки и которых она постоянно одевала в разнообразнейшие наряды. Так и баронесса сейчас наслаждалась процессом преображения неотесанного провинциала из лесной деревушки в салонного щёголя. Попутно с этим она экзаменовала его на предмет умения вести непринуждённую светскую беседу, и вот с этим возникли проблемы.

— Пойми, Вадим, — втолковывала она ему, — не надо обрушивать на собеседника шквал фактов, логических доводов и рассуждений, это не поможет одержать победу в споре. Собственно, и одерживать победу не надо. Важна игра, легкие полунамёки, хитроумные провокации...

— А зачем мне всё это уметь? Я ведь не собираюсь тонкими уловками выуживать информацию, я просто приму облик нужного человека и разузнаю всё что нужно.

— Хм... — баронесса с сомнением осмотрела Вадима, после чего заявила решительным тоном:

— Значит, я представлю тебя как своего племянника, вернувшегося из дальнего морского путешествия, за время которого ты очерствел душой и стал неотесанным грубияном. Но одеть по-человечески тебя всё-таки надо.

И она продолжила играть с ним, словно с куклой. После они ненадолго вернулись в особняк, где оставили попечению Савелия невероятное количество коробок с купленной баронессой одеждой, обувью и почему-то небольшим пуфиком, который ей очень понравился. Вадим с трудом убедил баронессу, что процесс переодевания всё же следует произвести в одиночестве, и они сели в парадный экипаж с баронской короной на дверце. Григорий, Василий и барон, похоже, нашли в себе силы продолжить борьбу с зеленым змием.

Начало темнеть, и Вадиму во второй раз представилась возможность насладиться видами вечерней Александровской Слободы. Всего-то второй вечер, ещё и двух суток не прошло, а он уже катит в баронской карете на великосветский раут, где должен вмешаться в опаснейшую игру с высочайшими ставками...

— Простите, Инесса Евгеньевна, а что, собственно, мне предстоит разузнать?

— Вы знаете, Вадим, после того как я вам всё расскажу, пути назад не будет. Это Александровская Слобода, и нравы здесь похлеще обычаев самых отпетых разбойников Гнилушки.

— Я понимаю.

— Уж надеюсь, что понимаешь. Я буду называть тебя на ты, и ты тоже можешь звать меня просто «Инесса», но только в наедине, и это ничего не означает кроме простого удобства в разговоре. Это ясно?

— Более чем.

— Хорошо. После недавних событий, о сути которых тебе знать не положено, Рароговичи и Витеничи попротихли, хотя не думаю что надолго. Однако ж, Слобода есть Слобода, и если нет большой войны, мы начинаем воевать друг с другом. Император Андрей, да будет его век долог, стар и многие начинают задумываться о том, кто унаследует престол. Его старший сын, Роман, в своё время обрел дурную славу, что для высокородного юноши дело, в сущности, обычное. Но Роман перешел все границы. Темная история вышла, не будем об этом. Главное, что тебе надо знать: Роман вышел из игры. На первое место в очереди на престол выдвинулся его младший брат, Константин. Юноша в меру ветреный и легкомысленный. Что для наследника качества нужные. Наша держава была огромна и в те далекие времена, когда на престол взошёл Андрей, но он, в силу недюжинных способностей и умения подбирать умных советников, как-то ухитряется управлять делами государства практически единолично. Что удивительно, у него получается вполне успешно, однако, и сейчас я скажу вещь, за которую и на дыбу попасть можно, Император находится на пределе. Любое дальнейшее усложнение структуры Империи, и он попросту перестанет справляться.

— Ему ради блага Империи нужно научиться делиться властью?

Баронесса посмотрела на Вадима. По её лицу пробежали полосы света от уличных фонарей, а глаза казались омутами, наполненными первобытной тьмой.

— Вот так всегда бывает, ищешь соратников в лицах, академиях. Ищешь среди высокородных мужчин и женщин, и всё не то. А тут откуда ни возьмись, как чёртик из табакерки, выскакивает безродный юноша и всё сразу понимает. Удивительно.

— Мне лично более удивительным представляется факт что вы со мной делитесь этой информацией.

Баронесса фыркнула. Вадим почувствовал, что у него перехватило дыхание. Словно в пургу, когда идёшь против ветра, воздух словно исчезает, и ты не можешь сделать вдох.

Инесса немного подалась вперёд. Вадим к своему стыду почувствовал, что смотрит на её грудь, а не в глаза.

— Из всех даров природы, — прошелестела баронесса, — наименее оцененным является воздух. Человек может жить без еды, воды, тепла довольно долго. Но без воздуха умираешь быстро. И я, маг Воздуха, не занимаюсь дуростью вроде ураганов или воздушных копий. Мой брат может буквально разорвать человека на куски порывами ветра, я так не умею. Но я могу лишить тебя возможности дышать. Дыши же, Вадим.

Вадим шумно вздохнул. Перед глазами плясали темные круги, в голове шумело. Баронесса легонько коснулась его волос.

— Ты дышишь ровно до тех пор, пока я позволяю. Через определенный промежуток времени наложенное мной заклятие срабатывает, и ты начнёшь задыхаться. Если, конечно, я не продлю отсрочку. Так что, ты теперь мой, Вадим Тушков. Но не переживай, вылизывать мне туфли я не заставлю. И щедро вознагражу за верность. Так что, полагаю, с этим всё ясно

и мы можем перейти к делу?

— Да.

— Ну и хорошо. Так вернёмся же к нашим делам, и быстро, поскольку вот-вот наша остановка.

Собственно, карета уже остановилась. У крыльца особняка с подсвеченным фасадом выстроилась целая очередь из карет. Очередь продвигалась медленно, поскольку хозяева лично встречали каждого приехавшего, церемонно раскланивались и перекидывались несколькими вежливыми фразами.

— Империя вскоре прирастёт новыми территориями, к тому же быстрыми темпами растёт население, осваиваются внутренние районы. Домидов строит заводы быстрее, чем Министерство Сборов успеваеет их считать. Отсюда вывод: прежняя система, при которой вся власть сосредоточена в руках Императора, и он прислушивается лишь к узкому кругу советников, немногим младше него самого, больше не является благом. Это путы, сковывающие Империю. Но и менять систему, как того требуют экстремисты, ни в коем случае нельзя. Мы же не хотим уравнивать с нами простолюдинов!?

Вадим кивнул. Эта мысль казалась ему дикостью.

— Вижу, ты согласен. Итак, оставить всё по-прежнему невозможно, но и менять ничего нельзя. Так что же остаётся делать? Остается Константин. Он предстательно выглядит, умеет себя вести, и у него на уме сплошь романы, вечеринки, танцы и охота. Всё это делает его замечательным кандидатом на престол. Он будет царствовать, а править будут другие люди. Даже группы людей. Их интересы не всегда совпадают, но коллектив лучше справится с управлением огромной машиной Империи, чем один, пускай гениальный, но всё же — человек. Ты ведь знаешь историю, когда мы чуть не продули военную кампанию в горах из-за того что у Императора прихватило желудок?

— Нет, не слышал.

— Расскажу как-нибудь. Основное ты понял, я надеюсь?

— Не совсем. Император стар и вскоре... ну, понятно. После него на престол взойдёт Константин, который будет номинальной фигурой, а править будут семьи. В чём же проблема?

— А проблема, Вадим, в том, что в последнее время Константин вдруг заинтересовался политикой. И тебе предстоит выяснить, отчего такая перемена.

Дверь кареты распахнулась и баронесса расцвела в улыбке. На застланной коврами земле стояли мужчина в строгом костюме и женщина в несуразном на взгляд Вадима, но наверняка за пределами дорожного платья. Женщины рассыпались в комплиментах. Обнялись, не прикасаясь ладонями к телу и чмокнули воздух у щёк друг друга. Мужчина же протянул Вадиму руку для приветствия.

— Граф Девалаев, Александр Петрович, а это моя супруга, Елизавета Дмитриевна Добро пожаловать. У нас вечера проходят просто, дворцовый этикет можно оставить за порогом дома — в разумных пределах, разумеется.

— Тушков, Вадим Егорович.

— Мой племянник, — прибавила баронесса.

— О времена, о нравы, — со смехом сказала графиня, — раньше мужчины приводили своих юных «племянниц», а теперь и дама это можно делать? Дорогая, ты по-прежнему законодательница моды!

Баронесса одарила графиню улыбкой, которая запросто могла бы убить хомяка или

нанести серьёзное ранение твари побольше размером, взяла под руку Вадима и потащила его вверх по ступеням. Войдя в особняк, она приняла с подноса бокал шампанского, шлепнула по руке Вадиму, протянувшему было руку с той же целью. Не отпуская его локоть, он принялась казалось бы беспорядочно ходить по залу, здороваясь со всеми и одновременно шепча на ухо Вадиму:

— Наши хозяева конченные интриганы и совершенно аморальные личности. Она спит с кучером. Он, впрочем, делает тоже самое. Так втроём и живут. Но при их доходах, можно быть сушим дьяволом, слова тебе никто не скажет.

— Как и великому князю Константину, я полагаю?

— Именно. При дворе можно всё...ну, почти всё. Роман в своё время всё-таки хватил лишку. Так вот, за закрытыми дверями своего дворца аристократы вольны творить что угодно, главное заводить детей и соблюдать внешние приличия, Его Величество в этом отношении до смешного строг. Но вот чего он не любит, так это политических амбиций. Можно интриговать, но не по-крупному. Иначе всё кончится плохо. Время от времени аристократы забываются и Его Величество со своим цепным псом Плечеевым преподают двору урок. Последний кончился плачевно для князя Друбецкого, хотя исход тех событий лично мне весьма на руку, ведь я всё-таки женщина. Однако, это не твоё дело. Смотри, вот твоя цель: великий князь Константин.

Вадим похолодел. В этот момент он со всей ясностью осознал, почему его, увязавшемуся за ищущими милости барона Эйзенхаузена провинциалами взяла под крыло баронесса. Ей просто нужен одноразовый инструмент. Наверняка её интрига неизмеримо сложнее, чем то, что она рассказала Вадиму, и сейчас она делает ход. Не конем ли слонем, а пешкой. Не той пешкой, которая дойдёт до конца поля и станет ферзём, а та, которую отдадут на убой. Чтобы сковать противника, отвлечь внимание или для иных соображений, недоступных пониманию пешки.

— Я пока пойду, а ты займись делом, разузнай, что за муха укусила наследника, — прошептала баронесса, и у Вадима на мгновение перехватила дыхание.

Она ушла, немного излишне покачивая бёдрами, а он повернулся к великому князю, непринужденно беседующему с двумя господами в военных мундирах и одним в гражданском. Вадим выдохнул. Ничего не поделаешь, надо пытаться. Он поискал взглядом официанта. Высмотрел подходящего — с пустым подносом он шёл к стене, отдернул тяжёлую портьеру, за которой скрывалась дверь, вошёл, а через минуту вышел с полным подносом. Вадим неспешной походкой прошёл к колонне, встал за ней, осмотрелся, убедился, что его никто не видит, и обернулся официантом. Подошёл к скрытой за портьерой двери, вошёл. Там он увидел ряд столов, на которых стояло множество фужеров. Человек в костюме с закатанными рукавами открывал бутылку шампанского. В одном углу стояло ещё несколько ящиков, а в противоположном громоздилась гора пустых бутылок.

— Ты же только что приходил? — удивленно спросил у Вадима человек, и с негромким хлопком мастерски откупорил очередную бутылку.

— Так ведь они пьют как кони, — не моргнув глазом ответил Вадим, подхватил поднос и вышел.

Он направился к беседующему великому князю и встал рядом с почтительным видом. Князь скользнул по нему равнодушным взглядом, протянул руку и взял бокал, его спутники тоже не отказались. Вадим вернулся за колонну, поставил поднос на пол и перекинулся в облик Григория Бреговичева. Выпил залпом бокал шампанского для запаха и вальяжной



походкой вернулся к беседующим. Проходя мимо он словно бы невзначай задел под локоть одного из них, одетого в мундир, и тот облился шампанским.

— Что вы себе позволяете!?! — вскричал он.

— Не расставляйте локти, — как можно нахальнее ответил ему Вадим, — а коли желаете уладить вопрос, то извольте завтра утром быть у парка, возле особняка барона Эйзенхаузен. К вашим услугам.

Сказав это он удалился, для правдоподобия немного пошатываясь.

— Чёртовы провинциалы! — донеслось ему вслед.

Завтра утром Григория ждет сюрприз. Что ж, это будет ему уроком. Хорошо бы, конечно, сына баронессы покарать за дерзость, но Инесса не одобрит. Он снова занял позицию за колонной. Разумеется, выбор того, кому предстоит облиться шампанским был не случаен. Этот человек был одного с Вадимом роста, так что можно легко принять его облик. Вадим подождал, пока слуги уведут его жертву в мужскую комнату, принял его облик и подошёл к великому князю. Конечно, это глупо, ведь если рассудить здраво, каким образом этот господин успел бы в считанные мгновения сменить рубашку, причём на абсолютно такую же? Однако, люди редко рассуждают здраво. Потому Вадим в обличие неизвестного господина подошёл к великому князю Константину и его собеседникам.

— Досадное недоразумение, господа. Итак, что я пропустил?

— Мы обсуждали непомерные финансовые запросы нашего общего друга, — недовольным тоном произнёс человек в гражданском костюме.

— Финансы! — военный вложил в это слова такую бездну презрения, что Вадиму стало немного неудобно, — вы же теперь практически аристократ, сударь! Опомнитесь!

— Всего лишь барон, к тому же — без способностей, — парировал человек в костюме.

— А если будете графом? — учтиво осведомился великий князь.

— Это сделает меня магом?

— Вас вряд ли. Могу, как стану Императором, вам с полпуда орденов отвесить, если вас устроить такая компенсация. А вот ваши дети могут обрести способности.

Человек в костюме вперил взгляд в Константина.

— Вы не ослышались. Мой друг способен оказать такую услугу, в обмен на всемерную поддержку наших с ним начинаний.

— Хотелось бы услышать это от него лично, — робко сказал человек.

— Пока он не может раскрыть своё инкогнито, и потому контактирует только со мной.

— Хорошо. Я обещаю полную поддержку, и берусь убедить моих коллег так же поддержать вас. Вы можете твёрдо обещать мне, что мои дети станут аристократами не только по названию, но и по сути?

Константин замолчал, вскинув подбородок. Всё-таки императорская порода чувствуется, подумал Вадим.

— Думаю переговорить с ним на этой неделе, — твердо сказал великий князь.

Вадим, всё время разговора краем глаза наблюдал за дверью, за которую слуги увели облитого шампанским военного. Дверь начала открываться, и Вадим поспешно распрощался со всеми, сославшись на проблемы с желудком.

Смешавшись с толпой он принял свой прежний облик, после чего нашёл баронессу и рассказал ей обо всём что удалось разузнать.

— Значит, мои догадки оказались верны. За внезапно открывшимися у кутилы Константина политическими амбициями стоит кто-то могущественный. Молодец, ты справился. А вот дуэль ты зря устроил.

— Не было иного способа подобраться к великому князю.

Баронесса улыбнулась.

— Ладно, поверю тебе, пожалуй.

Следующее утро в особняке Эйзенхаузен выдалось хмурым. Завтрак подали в столовой, которую к тому времени слуги успели привести в более-менее приличный вид. К тому моменту как Вадим вышел к завтраку, никаких следов вчерашней попойки уже не было, баронесса и её муж сидели за столом и мирно завтракали, Григорий и Василий выглядели помято и понемногу кушали куриный бульон. Если они и помнили вчерашнюю ссору с Вадимом, то вида не подавали.

Едва Вадим уселся и ему подали яичницу, как дверь в столовую распахнулась и вошёл мужчина в застёгнутом на все пуговицы мундире. Он быстро окинул взглядом помещение столовой, поклонился баронессе, сказал:

— Я прошу прощения за то что вы сейчас увидите, Инесса Евгеньевна, но вопросы чести превыше всего, кроме верности трону. Итак, — он повернулся к Григорию, — Я во всеуслышание объявляю вам: сударь, вы бесчестны. Лишь присутствие дамы препятствует мне, в противном случае я обошёл бы с вами как вы того и заслуживаете: прогнал бы со двора пинками.

— Вы забываетесь! — рявкнул барон.

— К вам, барон, у меня нет претензий. Вы известны как человек чести. Я полагаю, вы принимаете за своим столом этого...человечишку, — он указал на Григория, взвешивающего не происходящее с огромным удивлением, — который сам бросил мне вызов и не явился к назначенному времени для решения вопроса чести!

Теперь пришла очередь барона удивляться.

— Это когда же ты успел, Гриша?

Тот наморщил лоб, сиюсь вспомнить всё произошедшее вчера, но это, похоже, было выше его сил.

— Полагаю, вы плохо помните вчерашнее, — тихим, робким голосом сказала баронесса, — произведенное вами опустошение в нашем винном погребе тому причиной. Я видела вас вчера на приёме у графа Девалаева, как и вас, Алексей Викторович. Думаю, там вы и повздорили?

— Именно так, сударыня, — человек в мундире вновь поклонился баронессе.

— Позвольте, — Василий встал и выпрямился во весь свой немалый рост, — Григорий вчера весь вечер провёл со мной, мы не покидали дом!

— Хотите сказать что я лгу!? — военный побледнел от гнева, — в таком случае вам придётся принять мой вызов.

— Охотно!

Барон ударил кулаком по столу:

— Не в моём доме! Езжайте за город и убивайте там друг друга сколько влезет!

Вадим удивился, насколько буднично произошло дальнейшее. Григорий, Василий и человек в мундире спокойно вышли, словно на прогулку. Он услышал цоканье копыт: троица просто погрузилась в карету и поехала на поединок. Вернутся не все, магические дуэли среди великосветской молодежи хоть и были запрещены, но тем не менее, происходили постоянно.

Барон, демонстрируя самообладание, спокойно доел свой завтрак, после чего обратился к жене:

— Похоже, ехать на беседу с господином Ничацким придётся тебе. Василий будет занят, а мне нужно ехать во дворец, сама знаешь.

— Конечно, дорогой.

Барон мрачно глянул на Вадима.

— Твоё экзотическое увлечение продлится долго?

— Дорогой, я ведь не мешаю тебе развлекаться?

Барон отставил столовый прибор, встал, поклонился баронессе и вышел. Они остались вдвоём, не считая слуг, но им баронесса приказала оставить столовую и закрыть за собой дверь. Дождавшись, когда они выйдут, она сказала:

— Знаешь, какое качество необходимо для того чтобы достичь успеха при дворе?

— Таковых несколько, — ответил Вадим. У него было чувство, что судьба только что мягко взяла его за шкурку и сейчас потащит куда-то.

— Перечисли самые на твой взгляд важные, будь добр, — сказала баронесса, оперевшись подбородком на сложенные ладони.

— Знатность рода, богатство, манеры, умение поддержать беседу, умение заводить друзей.

— Да, это всё важно, даже очень. Но ты забыл упомянуть самое важное качество, а именно удачливость. Тебе она присуща в полной мере.

— Не уверен в этом. Я постоянно влипаю в неприятности. Могу подвернуть ногу на ровном месте, а если с крыши падает сосулька, будьте уверены — она попадет в меня. Если мне вздумается пройтись босиком, я непременно наступлю на пчелу или гвоздь.

— Это мелочи. Похоже, тебе не везёт в мелочах, но это компенсируется везением в делах по-настоящему важных. Вот смотри: я раздумывала, как бы отвлечь моего дражайшего сына и не допустить его на переговоры с главой торговой гильдии господином Ничацким. Сына воспитывал супруг, а он отчего-то уверен в том что правильно воспитанный мужчина не должен разбираться в покупательной способности денег. Он бы, вне всякого сомнения, провалил переговоры. Ну а наши финансы пребывают в плачевном состоянии. В последнее время это становится нормой. Роскошные особняки в Александровской Слободе скрывают в себе нищету, если это не особняк Домидова, конечно. И вот тут появляешься ты. Ухитряешься вчера подслушать разговор великого князя, и одновременно выводешь из игры моего сына. Честно говоря, мои планы в отношении тебя были другими, но теперь всё изменилось. Поедешь со мной на разговор с купцами. Если тебе покажется необходимым что-то сделать — делай.

Она собралась было встать, Вадим набрался храбрости и спросил:

— Сударыня, вашего сына сегодня могут убить.

— Ну и что? — она казалась искренне удивленной, — рожу ещё, я не такая уж и старая.

Между нами, это был бы хороший исход. Последний указ Его Величества даровал некоторые права женщинам. Я могла бы управлять состоянием, если сын будет мал, а супруг умрёт. Возможно даже, однажды мы увидим на престоле не Императора, а Императрицу. В конце концов, такое уже бывало. Заканчивай есть, переодевайся и вели подать карету.

Она порывисто вышла из столовой. Вадим доел яичницу, выпил кофе и отправился искать кого-нибудь, кто может распорядиться насчёт кареты. Долго искать не пришлось, слуги выстроились с той стороны двери. Они смотрели на Вадима, явно ожидая распоряжений.

— Ээээ, госпожа баронесса велела подать карету к парадному входу.

Ближайший к нему слуга повернулся и посмотрел на плечистого парня в ливрее, стоящего чуть поодаль. Тот нарочито небрежно, вразвалочку, пошёл к выходу.

— Это кучер? — спросил Вадим, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Так и есть, ваше благородие, — ответил один из слуг. Остальные продолжали стоять, уставившись на Вадима. Он почувствовал себя неудобно и сбежал от их взглядов в свою комнату. Там он пока одевался увидел в окно подкатившую к крыльцу карету. На козлах сидел кучер. Вадим внимательно всмотрелся в него, фиксируя в памяти каждую деталь внешности. Похоже, он тут на особом положении, его облик может пригодиться.

У Вадима в памяти хранились несколько обликов людей, но все они были из его родной деревни, и сейчас были бесполезны. Ну кому в Александровской Слободе нужен ключник или пасечник? Здесь ему предстоит обзавестись коллекцией посерьёзней.

Одевшись он вышел в вестибюль, дождался когда спустится баронесса и вместе они уселись в карету. Экипаж покатило по улицам Слободы, время от времени останавливаясь, чтобы баронесса могла перекинуться парой слов с пассажирами других карет с баронскими, графскими и княжескими гербами на дверцах. Похоже, баронесса Эйзенхаузен имела огромные связи. Мужчины и женщины, с которыми она беседовала, бросали любопытные взгляды на Вадима. Он чувствовал себя в высшей степени неудобно.

Остановилась карета у запредельно высокого с точки зрения Вадима семиэтажного здания, выстроенного в восточном стиле.

— Это «Сераль», — объявила баронесса, хотя Вадим и так догадался.

Отель казался немного неуместным в окружении выстроенных в классическом стиле особняков высшей аристократии Империи, но всё равно производил неизгладимое впечатление на дремучего провинциала, каковым являлся Вадим. Баронесса откровенно забавлялась от его растерянного вида.

— Прикрой рот, Вадик, не надо столь вопиюще бравировать своим провинциальным шармом.

Они вошли внутрь, баронесса тут же устремилась к стоящему у сводчатой двери служителю. Вокруг царил восточный нег, журчали фонтаны, по толстым коврам бесшумно скользили слуги в восточных нарядах, на низких диванах возлежали солидные господа, то ли решившие начать отдых с утра, то ли не завершившие вчерашние отдохновения. Служитель, к которому шла баронесса, словно вчера прибыл с Острова и не считал нужным переодеться. Типичный островной тёмный костюм, шляпа-котелок и даже брюки подвернуты, открывая взгляду лакированные ботинки.

— На седьмой, — бросила ему баронесса. Он с поклоном открыл дверь, и Вадим увидел небольшую комнату, стены которой покрывали зеркала. Он вошёл вслед за баронессой, слугитель закрыл дверь, что-то загудело и комната поползла вверх.

— Интересная магия. Как он это делает? — спросил Вадим у баронессы, опершейся на поручень и обмахивающей себя веером.

— Это не магия, дурачок. Эта комната вроде коробки, висящей на стальных канатах. Нас поднимает какая-то шпукovina, которую привезли с Острова. Там много подобных вещей. Железные дороги, например.

— У нас ведь тоже есть железные дороги.

— Целая одна, от Слободы до старой столицы. Поговаривают, что собираются строить ещё две, до северной и до приморской столиц. Императору угодно ездить в свой летний дворец с комфортом, а не трястись в телеге, как предки завещали.

Они с гудением продвигались вверх и Вадим с некоторым беспокойством думал о том, что случится, если стальные канаты не выдержат. Интересно, с какой периодичностью их меняют?

Гудение прекратилось, дверь им открыл служитель, как две капли воды похожий на того что был внизу. Баронесса вышла, Вадим следовал за ней. Их никто не встретил, но, похоже, баронесса сама знала куда идти. Она шла по коридору не достаивая взглядом таблички на дверцах кабинетов, остановилась возле одной. Вадим замер рядом. Она повернула к нему голову и посмотрела удивленно. До Вадима дошло, что от него требуется, он постучался и открыл перед баронессой дверь.

В кабинете их ожидал низкий столик с разбросанным вокруг него множеством подушек. Баронесса опустилась на подушки напротив толстенького господина, попыхивающего кальяном и пускавшего аккуратные колечки. Вадим сел рядом с баронессой.

— Рад приветствовать вас, Инесса Евгеньевна, — сказал господин тоненьким голосом, почти фальцетом, — до меня дошли слухи, что ваш сын дерётся с каким-то офицеришкой?

— До вас слухи доходят быстро и неизменно правдивыми, Орест Лейбович.

— Что ж, раз вы подтверждаете, слух перестает быть слухом и становится новостью. Осмелюсь заметить, хорошей новостью. С вами дела вести много приятнее, чем с вашим супругом и сыном. А кто этот молодой человек?

— Это Вадим, — не вдаваясь в подробности ответила баронесса.

— Что ж, Вадим так Вадим. Разумеется, он посвящен в наши дела, и при нём можно говорить совершенно свободно, раз вы привели его сюда?

— Разумеется.

— Тогда приступим к делу. А дела ваши идут не лучшим образом, прошу заметить.

— Разве вам приходится иметь дело с аристократами, чьи дела идут хорошо?

Господин захихикал. Вадим вспомнил, о чём говорила ему баронесса и спросил:

— Дела друга великого князя тоже идут не очень последнее время?

Господин затынулся, кальян забулькал. Он смотрел на Вадима, как бухгалтер на несходящийся квартальный баланс.

— Интересного вы мне молодого человека привели, баронесса. Как думаете, он долго проживёт? Мне стоит запоминать его имя или нет необходимости?

— Думаю, стоит.

— Хм. Вы умная женщина, Инесса Евгеньевна, и до сих пор не ошибались, по крайней мере я такого не припомню. Что ж, я пожалуй отвечу молодому человеку. Друг великого князя деловой человек. У него большие планы. Ну а где возникают большие планы, там всегда возникает потребность в больших деньгах. Потребность во вложениях, сулящих прибыль в случае успеха мероприятия.

— И вы сочли это вложение перспективным? — как можно спокойнее спросил Вадим.

Господин выпустил клуб дыма и сказал:

— Я нет. И не будем об этом. Нам следует обсудить график ваших платежей, баронесса.

Оценка урожайности ваших поместий в этом году позволяет предположить что...

Вадим перестал его слушать. Великий князь Константин, гуляка и кутила, любитель женщин и охоты, наследник престола, внезапно заинтересовался политикой. За ним стоит неизвестный кукловод, которого финансируют люди, подобные господину Ничацкому. Похоже, в Империи назревает дворцовый переворот. Если вдуматься, за людьми, подобными господину Ничацкому, маячит будущее. Железные дороги, огромные заводы, всё то, что нынешний Император, поклонник старины и ненавистник быстрых изменений, не любит. То, чему он противится. Похоже, его уход собираются ускорить. Так, стоп, заводы это Домидов. Домидов, тот самый. Негласный предводитель тёмных семейств. Абсолютно лояльный Императору. Или нет? Многовато неизвестных, многовато....

Размышления Вадима прервала баронесса. Похоже, они с господином Ничаевым пришли к соглашению, и теперь пришла пора уходить. По сигналу Ничаева им принесли лист бумаги с гербом Империи и письменные принадлежности. Быстро был составлен какой-то документ, они его подписали и баронесса поднялась с подушек.

— Мы уходим, — объявила она Вадиму. Они спустились вниз на странном приспособлении, сели в карету и вернулись в особняк.

В особняке царил переполох. Прямо в вестибюле на диване лежал Василий с перемотанной головой. Над ним хлопотал лекарь.

— Где Григорий? — спросил Вадим, чувствуя, что волосы на затылке начали подниматься как у учуявшего опасность пса.

— В подвал отнесли, — ответил Савелий, — погода жаркая стоит, так что пускай лучше там, в холодке полежит. Вы его родителей знали? Барон сейчас в своём кабинете им письмо составляет. Да, недолго продержался. Забрала его Слобода.

Вадим пошатнулся. Пришлось ухватиться за дверной косяк. Отец Григория, Вадим ведь даже имени его не помнит! А что будет с матерью? Сын уехал в Слободу делать карьеру, и погиб в дуэли в первый же день. А ведь во всём этом виноват он и только он — Вадим Тушков, проклятый оборотень, он принял облик Григория и намеренно нахамил, спровоцировав дуэль. Да, Гриша и сам не подарок, но то что он делал с Вадимом это ведь просто пьяная шутка. Неудачная, грубая и оскорбительная, но всего лишь шутка. За такое на смерть не посылают!

— Тяжело тебе, Вадик?

Инесса стояла ближе, чем позволяли приличия, и смотрела ему прямо в глаза.

— Знаю, тяжело, — её голос был тихим и почти ласковым, — сама такое пережила. Но тебе надо раз и навсегда решить для себя, в игре ты или нет. Кровь и смерть — неизменные спутники игры. Ты можешь вернуться к себе в деревню и жить тихой, благодатной жизнью. Или останься здесь, но тогда с чистой совестью можешь распрощаться раз и навсегда.

— И зачем это всё? Ради денег? Власти?

Голос его предательски дрожал, как тогда, в детстве, когда он впервые увидел, как крестьяне забивают и разделывают свинью. Год после этого сало есть не мог.

— Деньги и власть, Вадик, это лишь инструменты. Главный приз в игре — возможность сделать эту страну такой, какой ты считаешь правильным. Исправить то, что можно исправить. Чтобы не было дуэлей этих дурацких. Чтобы пьяные дураки деревни в карты не

проигрывали друг другу. Чтобы правили те, кто к этому лучшие способности имеет, а не те, кто родился в правильной семье. Чтобы женщины имели право править. Ты слышал о революционерах, которые хотят спалить весь мир, а после на обломках строить новый?

— Это тут при чём?

— При том, что менять над многое, но либо это сделают они, предварительно разломав всё, что есть сейчас, и хорошее, и плохое. Либо это сделаем мы. Да, кровь на руках и у нас будет. Да, мы несовершенны. Да, во многом ошибёмся — это неизбежно. Но либо мы — либо они.

Вадим посмотрел в глаза женщине, чей сын сейчас истекал кровью по его вине. Подумал об остывающем в подвале теле Григория.

И кивнул.

Спустя некоторое время Вадим спустился к завтраку, за которым собралось всё благородное семейство Эйзенхаузен. Это происходило редко, и потому когда баронесса вчера во всеуслышание объявила о созыве семейного совета, её муж и сын одновременно поморщились, выражая своё неудовольствие.

— А зачем ты это говоришь при нём, мама? — Василий покосился на Вадима, по успевшему укорениться обычаю стоявшему позади кресла баронессы, — К тому же, зачем собираться за завтраком? Я завтракаю много позже вас.

— Я думаю, Вадим должен присутствовать на скажем так, семейном совете, — спокойным тоном сказала баронесса, не отрываясь от книги.

Барон закашлялся и едва не выронил трубку, а Василий смерил Вадима тяжёлым взглядом, ясно говорящем о том, что эту ночь кому-то не пережить. Вадим начал перебирать в уме пути отхода. Есть один лаз через подвал, он слышал от слуг. Похоже, пришла пора им воспользоваться. Ну что такое нашло на баронессу? Всё и так складывается просто замечательно. Он и без участия в семейных завтраках влез в дела дома Эйзенхаузен настолько, что уже и сам был не рад.

— Дорогие мои, а вы знаете, как ловко Вадик разобрался с нашими финансами? Он, как оказалось, в этих вопросах чрезвычайно силён!

— Кому могла взбрести в голову столь странная идея, учить молодого человека благородного сословия таким вещам, — пробурчал барон, — однако, я всё больше убеждаюсь, что вы из диких мест, Вадим Егорович.

Вадим удержался от ответа. Дело было в том, что в его родной деревне благородным приходилось управляться с хозяйством, ведь оно было невелико, и к тому же расположено в непосредственной близости от усадьбы. Аристократы же из Александровской Слободы жили в полном отрыве от хозяйства. Они доверяли управление своими доходами наемным людям. Вадим немного разобрался с бумагами на столе у баронессы, и помимо всего прочего обнаружил, что семью Эйзенхаузенов явно обманывают. А ещё он обнаружил, что огромные суммы, проходящие по бумагам как займы от господина Ничацкого уходили вовсе не на покрытие долгов семейства.

— Впрочем, — барон посмотрел на Вадима, — супруга довела до меня сведения о том, как ловко вы прищучили этого мерзавца. Мне он всегда не нравился. Так что, так и быть. Я увольняю его к бесам. Лучше уж нашими финансовыми делами займётесь вы, и не на правах наёмного приказчика, а как друг семьи.

Так вот Вадим и оказался за одним столом с бароном, баронессой и продолжающим смотреть на него с презрением Василием. Похоже, этот завтрак был вовсе не приёмом пищи, а скорее некоей церемонией, обрядом посвящения. Вадим чувствовал себя не в своей тарелке, он украдкой бросал взгляды на баронессу, пытаясь уловить знак, какой же из многочисленных вилок полагается есть поданного ему морского гада, но баронесса была холодна как айсберг. Двери распахнулись, Вадим приготовился к очередной перемене блюд, но уловил выражения удивления на лице сидящего напротив Василия. Вадим повернулся было к двери, расположенной у него за спиной, как услышал властный голос:

— Прошу всех оставаться на своих местах. Любое применение магии будет расцениваться как попытка помешать работе императорской гвардии.



— Вы что себе позволяете!? — барон совершенно не выглядел почтительным и уж тем более испуганным, — Вы не имеете права вламываться в мой дом без личного разрешения Императора!

— Действительно, господа, — вмешалась баронесса, — У вас есть документ, подписанный Его Величеством?

— Мадам, — поклонился ей одетый в чёрно-желтый мундир офицер гвардии, — При всём моём к вам уважении, Его Величество не обязан облекать свою волю в письменный вид, достаточно устного распоряжения.

— И оно у вас есть?

— Да, мадам.

— Я вам не верю, и буду защищать своё жилище от вторжения, — барон, похоже, собирался слететь с катушек, Вадим решил, что как только начнется заварушка, он нырнёт под стол, а потом как-нибудь проберется в подвал.

Офицер положил перед бароном запечатанный конверт.

— Извольте ознакомиться.

Барон Эйзенхаузен принял конверт, вскрыл его и погрузился в чтение. Какое-то время в помещении царила звенящая тишина. Барон дочитал, положил документ на стол и сказал:

— Господа гвардейцы, вы вольны осмотреть мой дом и забрать то, что сочтете нужным. В рамках изложенного в данном письме дела, разумеется. Господин офицер, я надеюсь на вашу порядочность при производстве осмотра комнат моей жены.

— К моему глубочайшему сожалению, — поклонился офицер, — Именно там мы и надеемся обнаружить искомое.

С этими словами гвардейцы вышли.

— Что в письме? Это от Его Величества? — спросила баронесса сразу после того как двери закрылись.

— Нет, это князь Плечеев.

— Который из них?

— Пётр Павлович, конечно. Юноша ещё не дорос мне такие письма слать. Хотя кто знает. Говорят, мальчишка ловок и неглуп.

— Что они могут искать в моём будуаре?

— Я тоже не могу взять этого в толк, дорогая.

— Он же твой... — Василий что-то хотел сказать, но барон его перебил:

— Не смей!

— Дорогой, успокойся. Пойди, выкури сигару.

Она посмотрела на своего мужа очень многозначительным взглядом. Тот усмехнулся, встал и направился к выходу.

— Василий, будь добр, не спускай с Вадима глаз, а если он попытается встать со стула, останови его. Любым способом.

Голос баронессы был холоден, как утренний ветерок с моря, и остр, как восточный кинжал. Вадим уставился на неё с изумлением.

— Ой, да ладно тебе, Вадик, — она сверкнула зубками, — Что ещё могут гвардейцы искать в моём будуаре? Там кроме известных тебе финансовых бумаг ничего достойного их внимания нет. Приходится держать бумаги там, потому что с моего мужа станется использовать их для раскуривания сигары или малевания каракуль. Ты умный мальчик, смог догадаться, куда уходят денежки господина Ничацкого. Но при этом ты глупый мальчик, раз

решился доложить гвардейцам. Нам-то что, мы выплывем. Плечеев sentimentalный старик, он не даст замарать фамилию Эйзенхаузен изменой. А вот тебе конец. Василий, стоять!

По столу рядом с Вадимом хлестнул воздушный кнут.

— Я не собирался его убивать, мама. Просто хотел поугатать. Не смог удержаться.

Вадим поднял взгляд на Василия.

— Что, олешка, запоминаешь меня? Здесь твоя оборотническая магия не поможет.

— Иногда я запоминаю людей вовсе не за тем чтобы скопировать их облик.

Василий оскалился, Вадим не отводил взгляда. Неизвестно, чем бы это всё закончилось, поскольку открылась дверь и в столовую вошёл барон. Он прошёл к своему месту, громко топая ногами, уселся в кресло и впери́л взгляд в Вадима.

— Ну что ж, это он нас заложил, дорогая. Правда, сделал это неумело, не тем людям написал. До Плечеева всё, естественно, довели, но старик занят, так что передал дело моему знакомцу. Ну что ж, на конюшню его, и запороть насмерть? Потом отвезём за ограду, и дело с концом. Или в саду велю слугам закопать, а сверху клумбу соорудим. ты, кажется, хотела розы? Ну так вот, прекрасный повод.

— А ты уверен, что из наших слуг кто-нибудь не стучит кому-нибудь, кто сумеет воспользоваться информацией? И что случится после того, как известия о запороте насмерть аристократе, а он ведь, как ни крути, нашего сословия, дойдут до Его Величества?

— Мама, так давай я его на дуэль вызову, да и убью, делов-то.

— Сын... ты молчи лучше.

— Но, дражайшая супруга, что же ты предлагаешь делать?

— Ну не знаю. Убивать нельзя, понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда сделаем так. Вывезем его из Слободы целым и невредимым. В Посад.

— Его в Гнилушку? Остроумный выход, — Василий захохотал.

— Василий, я сколько раз тебе говорила: хотите с дружками искать там приключений, ищите, но не приносите с собой оттуда в наш дом ничего, ни дурных болезней, ни словечек. Это Посад.

— Ладно, Посад так Посад. Пошли со мной, олешка, и не вздумай брыкаться.

Он хотел ухватить Вадима за шиворот, но тот отдернулся и пошел вперёд. Благо, каким путем из Слободы выбраться в Гнилушку, он уже знал. Когда хотел повернуть к лестнице ведущей в подвал, откуда и начинался путь за ограду. Василий отдернул его.

— Ты с ума сошел, что ли? В карете поедем. Пожитки твои принесут, не переживай. Нам твоего не надо. Своего достаточно.

Пока они ехали к воротам, он вспоминал, как по пути в Слободу остановился в кабаке на ночлег. Там он немного выпил, и собирался было уже отправиться спать, как его внимание привлекла компания молодых людей. Они не носили бород, как мужики или купцы, но и аристократами явно не были. Он задержался у их стола ненадолго, послушать, что говорят. Их речи оказались опасны, и он ушел. Ах, да. Самое неприятное. Один из них окликнул Вадима:

— В Слободу едешь?

Вади кивнул в ответ. Это и оказалось роковой ошибкой.

На следующее утро он проснулся, и обнаружил, что в номере не один. На табуреточке сидел господин в мундире, а за его спиной стоял рослый гвардеец.

— Проснулись, молодой человек? Вот, водички попейте.

Он взял со стола и протянул Вадиму чашку. Вадим зачем-то понюхал и осторожно глотнул, совсем чуть-чуть.

— Вы что ж, думаете, я отравить вас собрался? Обижаете молодой человек. Нет, подозрения для меня как раз не обидны. Они постоянная часть моей работы, а вот глупость меня обижает, хотя её в моей жизни столько же, сколько подозрений. Казалось бы, привыкнуть должен, а нет. Ну что ж, вы проснулись? Могу я переходить к делу? Мне побыстрее разобраться с вами надо, а то ещё в Кергемку ехать, там беспорядки, кажется, намечаются. Вы хоть кивните, что ли.

Вадим кивнул. Он не был до конца уверен что это всё не сон.

— Ну так вот, Вадим Егорыч, младший сын владельца селения Тушково. Позвольте представиться, Сергей Данилович Ямзев. Занимаюсь я, как вы сами понимаете из мною же сказанного, беспорядками. Служу при ведомстве князя Валицына, стало быть. И я среди сотрудников нашего ведомства пользуюсь славой вольнодумца. Не считаю, понимаете ли, подавление беспорядков лучше против них средством. Лучшим средством я почитаю предотвращение оных. Для успеха предотвращения беспорядка нужно знать о нем заранее. Так что мне требуются осведомители. Вот, например, один бумажку написал среди прочего: «...означенный юноша слушал бунтарские речи и кивал согласно.» Было такое?

— Да, я кивнул, но не потому что был согласен!

— Да не переживайте вы так, Вадим Егорыч. Мы не в суде, тут переживать за свою будущую судьбу не стоит, — мужчина встал со стула и наклонился к Вадиму, уперев руки в колени. Теперь он говорил тихо, почти шёпотом:

— Будущая судьба ваша определена. Вы поедете в Слободу, как и собирались. Вы парень умный, родовитый. Причём недостаточно родовитый чтобы всё с рождения иметь и о том не задумываться. Да и в подпольщики-смутьяны вы не подадитесь. Думаете, я не знаю, что Антипка вас вчера спровоцировал? Знаю прекрасно. Его понять можно, ему план выполнять надо. Я всех всегда пытаюсь понять. И вы мне будете в этом помогать.

— Дайте хоть время подумать.

— Так незачем. Вы уже согласны, по глазам вижу. Для вас ведь это шанс оказать полезным Империи. А Империя, я вас уверяю, нуждается в полезных людях. У нас полезный людей изрядная недостача. Не родятся, понимаешь. Словно проклятие какое-то.

Вот так всё и произошло тогда, а сейчас Вадим стоял посреди утопающей в грязи улице Гнилушки. В руках небольшой чемодан. Деньги, которые он сумел накопить, ещё в карете у него отобрал Василий. Вадим думал, что тот заберет его деньги себе, но Василию нужно было не это. Вытолкнув Вадима из кареты, монеты Василий швырнул ему под ноги, в грязь. Пока чувство собственного достоинства боролась в его душе с доводами разума, монеты быстро были разобраны людьми, которым эта борьба была уже неведома. Голодранцы немедленно принялись драться между собой за добычу, и Вадим поспешил отойти в сторонку.

Начался дождь, он укрылся по навесом. В окнах домов начали зажигаться огни. В сумерках Гнилушка уже не казалась ему страшной. Присмотревшись к прохожим он отметил про себя что многие одеты немногим хуже виденных им раньше горожан. Ну и уж точно лучше крестьян из виденных им ранее деревень. Нет, надо решительно гнать прочь любые мысли, от которых потом легко прийти к решению что пора возвращаться домой. Нет, нет и

ещё раз нет. Он вырвался из деревни, он прибыв в Слободу нищим, а уже через день после этого жил в баронском особняке. Он моментально сделал карьеру. Да, она та же быстро закончилась, как и началась, но что с того? Мало ли в истории примеров, когда люди поднимались к вершинам богатства и власти с самого дна общества? И нет, ему всё это нужно не ради удовлетворения тщеславия или корысти, просто хочется приехать когда-нибудь в родную деревню на роскошной карете, и посмотреть на сидящих на крыльце их убогой усадьбы отца с братом. Да и мать порадует.

У него стало так хорошо на душе, даже этот дождь казался волшебным, омывающим душу от всего плохого...

— Этот, что ли?

— Он, у меня глаз алмаз, сам знаешь.

Вадим повернулся на голос. На него смотрели двое. Смерив его взглядом тот что покрепче сказал второму:

— Чего-то непохож он на того, кто деньгами разбрасывается.

— Да он это, говорю же! Мы с Витяней Ахматзяном подальше стояли, не успели. Я своими глазами видел, как он стоит посреди улицы, а у его ног братва ползает, монеты собирает.

Вадим поставил чемодан на землю и отступил на шаг назад.

— Берите чемодан, больше у меня ничего нет.

— Ну почему же нет, а одежда? Мы тут люди простые, жизнь у нас тяжёлая, нам безгливость иметь да разборчивы быть не по карману.

Говоря это, бандит пошёл на Вадима. Тот продолжил отступать. Бандит вытащил из сапога нож и сделал резкий выпад, целясь Вадиму в живот. Он чудом избежал раны, сделав ещё шаг назад, споткнулся и упал на спину. На него тут же навалилось несколько человек, он перестал видеть что-либо.

— Ну ты барин того, не бойсь, убивать мы тебя не станем. Коли барьёв убивать начнёшь, они ж ходить сюда перестанут, а нам это ж какой убыток выйдет. Так что не переживай, будешь завтра дамочкам рассказывать, как ты героически сражался с бандитами в Гнилушке. Может, от впечатлительной бабы и перепадёт тебе чего.

Пока он произносил речь, его сообщники успели раздеть Вадима почти догола, теперь он отпустили его и встали вокруг. Главарь критически осмотрел то, что осталось на Вадиме.

— Вы рогожку подстелили, что б костюм не изляпать, как я велел?

Сообщники ответили ему, что да, мол, всё готово. Вадим понял, что лежит не в грязи, а на каком-то куске грубой ткани.

— Это хорошо, — подытожил главарь, — значит, скидывай, барчук, бельишко, а сам заворачивайся в рогожу. Давай-давай, а то насильно снимем.

Вадим почувствовал себя почти так же отвратительно, как когда подписывал бумагу о согласии на сотрудничество, но выхода не было. Стоя на рогоже под дождём он разделся, отдал исподнее бандитам, после чего завернулся в грязное рубище. Бандиты тут же утратили к нему всякий интерес и отправились по своим делам. Вадим тоже побрёл куда глаза глядят. Ступать по грязи голыми ногами было противно и холодно, стало темно, и он, опасаясь забрести туда, где его всё-таки убьют, свернул в переулок, забился в какой-то относительно тёплый угол и уснул.

Это было худшее пробуждение в его жизни. Вчера он выбрал место для ночлега в темноте, и сейчас содрогался от омерзения. Сухие места на улицах Гнилушки, похоже, были

редкостью, и потому пользовались спросом у бродячих животных. Вадим проснулся буквально в куче кошек. Они облепили его со всех сторон, а когда он решил покинуть мурчащую кучу, недовольно шипели.

Освободившись от шипящего и царапающегося плена он встал, распрямился и осмотрелся. Солнце встало, но было прохладно. Вадим не без труда отыскал в себе достаточно душевных сил для того чтобы мысленно поблагодарить пушистых бродяжек за гостеприимство. Душевных сил, к слову сказать, оставалось чрезвычайно мало, а они требовались для оборотнической магии. Другого оружия сейчас в распоряжении Вадима не имелось, и он не мог выбраться из Гнилушки никаким другим образом. Выбраться же надо. Да, и здесь он сможет постепенно выкарабкаться наверх, а при толике везения и не так уж много времени это займёт, но вот цена, которую за это придётся заплатить...Цена за высокое положение в Слободе так же велика, но там приз побольше. Намного побольше. Так что надо пополнить запас сил.

Легкий ветерок донес до Вадима еле уловимый запах еды. Пора начинать действовать. Он осторожно подошел к тому месту, где переулок выходил на улицу, уселся там, закутался в рогожу и притворился кучей мусора, благо проделать это было нетрудно.

Прохожих было немного, но ему много и не требовалось. Подойдёт любой, относительно прилично по местным меркам одетый. Вскоре появилась подходящая модель для подражания, Вадим осмотрел его спереди, после сбоку, когда он проходил мимо, потом перебежал улицу за его спиной, не сводя взгляда, и, наконец, с другой стороны. Нырнул в переулок, припал спиной к стене, закрыл глаза и сосредоточился. Готово. Рост другой, но это ничего, ему не потребуется выдавать себя за кого-то конкретного, просто за обыкновенного человека.

Вадим пошел на запах еды и быстро оказался у входа в кабак. Вошёл. Огляделся ленивым взглядом, который он подсмотрел когда-то давно у деревенского пастуха, на удивление величавого с виду длиннобородого старика, не согнувшегося под тяжестью прожитых лет.

К нему тут же подскочил целовальник:

— Чего изволите?

— Ничего пока, не беспокойся. Я позову.

Тот немного разочаровался, но не решился ничего возразить и отправился восвояси. Вадим принялся осматриваться. Вот сейчас везение ему точно не помешает. Точнее, ничего больше его не спасёт, и придётся искать другой способ раздобыть еды. Вот оно.

От стола, напоминающего поле кулинарной битвы эпических масштабов, усеянное говяжьими костями, черепками не выдержавших бурной напора бутылок и прочих признаков бурно проведённой ночи, отвалился человек. Не без труда встав, он пошатнулся, но его тут же подхватил проворный целовальник.

— Степан Петрович, осторожнее, а не то лоб расшибёте. Из меня же потом Марфа вскочит.

— Не говори!!! — взревел человек, и принялся шарить по карманам. Что-то при этом неразборчиво мыча.

— Не извольте беспокоиться, Степан Петрович, вас все окрест знают, после долгих поисков, или пришлете кого. Пойдёмте.

Пока продолжался разговор, Вадим вроде бы от нечего делать прогуливался по залу, крутя головой во все стороны. На самом же деле он рассматривал пьяного. Готово. Образ

мужика у Вадима в голове.

Вместе с ним и целовальником Вадим вышел из кабака и остановился на крыльце, облокотившись о перила. Его начало мутить от голода. Поддержка облика, к тому же малознакомого, съедала его силы с невероятной скоростью. Он всегда много ел, старая деревенская бабка, нянчившая его в детстве, называла за это волчонком.

— Ого! Ты видел?

Вадим открыл глаза. Первым что он увидел, были его руки. По ним пробежала рябь. Он перевел взгляд на говорившего и нахмурился:

— Проходи, мил человек, — хорошо хоть, остатки сил не пришлось тратить на изображение типичной воровской хрипотцы. Голос у него и так сел уже. Запасы кончились, чары начали пожирать его собственные жизненные силы. Пора приступать к завершающей части плана. Он снова закрыл глаза, сгреб волю в кулак, и снова превратился. В глазах потемнело. Тоже плюс, ведь ему сейчас предстоит играть пьяного.

Он ввалился в кабак, направился к разгромленному столу, вокруг которого хлопотали два целовальника и начал рыться в обедках.

— Вы чего, Степан Петрович? — опешили слуги.

— Мне еда нужна. Много. С собой.

— Случилось чего?

— Случилось. Дадите, нет?

— Сейчас, за хозяином сбегая, — целовальник помоложе на вид устремился куда-то в глубину помещения. Его старший товарищ более спокойным шагом отошел в другую сторону. Вадим тяжело опустился на стул и бессильно свесил голову на грудь. Ждать пришлось недолго, подоспел младший с хозяином и старший. Последний проявил сообразительность и явился с солидного размера мешком на плече. Хозяин заведения быстро осмотрел самозванного Степана Петровича.

— Косой и его шаромыги на него наехали, — быстро заключил он, — они сошка мелкая, можно и едой откупиться. Водки взяли?

Целовальник извлёк из мешка бутыль и продемонстрировал хозяину.

— Годится, — заключил тот, — Степан Петрович, ты сам-то дойдёшь, с мешком то?

— Неа.

— Давайте-ка, помогите ему, — распорядился хозяин и ушел. Старший целовальник тут же перекинул мешок на младшего, а сам преувеличенно старательно принялся протирать стол. Разумеется, не тот, за которым сегодня ночью пировал Степан Петрович. Младший вздохнул и поплелся к выходу. Вадим пошел за ним.

Они вышли на улицу, прошли совсем недалеко, вошли в глубину ближайшего переулка, где Вадим и отпустил слугу, заявив, что стык с негодями у него назначен именно тут. Как только тот скрылся из виду, Вадим тут же вернулся в свой облик и принялся усиленно есть, отгородившись от всего мира спиной. Насытившись, он задумался, что делать дальше. Постоянно оборачиваться нельзя, в рубище ходить тоже, значит, нужна одежда. Он направился в выходу из переулка, где вновь залёг в засаду. Отметил про себя, что для подобного образа жизни, предполагающего частые контакты с землёй, его одеяние вполне подходит. Услышал сзади странные звуки, обернулся, и увидел, что переулку медленно, согнувшись едва не до земли под тяжестью мешка, идёт человек, вся наружность которого говорила о том, что это вор. Точнее, как оказалось — воришка, поскольку парень был молод, а содержимое его мешка по большей части являлось хламом, который прежние хозяева не

выкинули из-за лени. Вадима он принял за коллегу, с которым можно поговорить, обменяться новостями, а может и добытыми нелегким воровским трудом вещами. Вадиму, естественно, предложение поторговать пришлось кстати, к тому же воришка промышлял помимо прочего кражей белья, развешенного на верёвках сушиться. Подобрал что-то подходящее, Вадим переделся и вручил воришке бутылку водки. Глядя в спину спешно улепетывающему воришке, который явно стремился как можно быстрее употребить полученное сокровище по назначению, Вадим испытывал угрызения совести. Парень по сути неплохой совсем, но родился не там где надо. С юных лет спит, работает и всё остальное делает на улице. Из развлечений водка, читать наверняка не выучился за ненужностью. Возможно, в чём-то и были правы те странные молодые люди, которых он послушал тогда в кабаке, за что и попал в кабалу к имперским гвардейцам. Ладно с этим потом разберёмся. Сейчас нужно что-то дальше делать. Одежда есть, еда есть. Надо искать место для ночлега. Впереди целый день. Вадим сделал шаг на улицу, подставил лицо солнцу и ощутил, какое же это простое, но вместе с тем изысканное удовольствие, быть одним из многих, просто человеком. Не под чужой личиной, не выглядывающим из своего укрышка нищим или разбойником. Простым прохожим.

— Ты чё встал тут, рот раззявил, а?

Вадим опустил голову и посмотрел на говорящего. Похоже, ему снова посчастливилось встретиться с разбойником. Его снова ограбят, разденут, всё заново, ну что за невезение!? Может быть, действительно, домой податься!? На дворе лето, как-нибудь потихоньку добредёт...Нет.

— Извиняюсь, — Вадим вскинул подбородок. В нём заговорило что-то новое, чего раньше в нём не было. Или было, но не высывало носа из самой глубины души, — А знаете, почему я говорю именно «извиняюсь», а не «простите», или «извините»? Потому что я не нуждаюсь в вашем прощении, я извиняю себя сам.

Бандит придвинулся, навис над Вадимом.

— Пошли-ка со мной, — сказал он каким-то совсем другим тоном, не вяжущимся с его внешностью. Вадим на мгновение задержался, а после пошел следом. Если уж полагаться на судьбу, то не следует бояться идти за ней, когда она зовёт. А уж от широкой спины незнакомца прямо-таки пахло судьбой. Можно сказать, от него судьбой просто разило.

Незнакомец дошёл до стоящей у соседнего здания телеги, весьма добротной, хоть и простоватой с виду, залез на козлы и бросил через плечо:

— Полезай.

Вадим забросил в телегу мешок, после залез сам. Телега тронулась.

— Что в мешке? — спросил неизвестный.

— Меня зовут Вадим Егорович.

— А меня дядя Миша. Так что в мешке?

— Съестные припасы.

— Ворованные?

— Да, ворованные, но я не крал.

— На цинку стоял? Или это доля наводчика?

— Нет...Это сложно объяснить.

— Ну раз сложно, не объясняй. У меня от сложностей голова болит. Я человек простой.

— Чем занимаетесь, дядя Миша?

— Я, понимаешь, вроде как проводник между мирами, — голос дяди Миши стал



странным. Вадим усмехнулся.

— То есть, мне с этой телеги уже не слезть, и вскоре мы переедем через мост?

— Не, — добродушно рассмеялся дядя Миша, — я не про это. Я проводник между миром Слободы и Гнилушкой. Когда высокородные молодые дураки едут сюда поразвлечься, а потом не возвращаются домой, их породистые мамы кричат на их высокородных папанек, и те идут ко мне. Помоги, мол, дядя Миша. Ну я и помогаю.

— А сюда только молодые благородные дураки попадают?

— Нет, почему же? И старые бывают тут, и умные. Но они сначала меня ищут, а уж потом сюда едут. Никак не наоборот.

— И кто же я такой по-вашему?

— Ну смотри, ты не старый, это точно, и ты не умный благородный дурак, поскольку я тебя впервые вижу. На того, кого мне надобно в этот раз отыскать, ты тоже не похож, да я и не за этим в этот раз в Гнилушку приехал. Получается, не благородный ты, уж не взыщи. Простого ты звания, но говоришь как благородный. По странному совпадению, я вот аккурат за таким сейчас приехал. Вашего брата, на самом деле, тут немало, но в этот раз мне повезло, всего второй день минул, а тут ты подвернулся.

— Так если подобного мне люда в Посаде много, получается, не такой ты хороший проводник, дядя Миша?

— Нет, я не просто хорош в своём деле, я лучший, поскольку — единственный. Вы спиваетесь быстро, свежесть теряете, так сказать. Мне же надобен свежий. Годный, так сказать, к употреблению.

За то время, что шёл разговор, телега успела выехать далеко за пределы Гнилушки, остановиться, и последние слова дядя Миша говорил повернувшись на козлах и глядя Вадиму в глаза. Он снова напоминал бандита. Нависал, подавлял волю и хмурил брови.

— Ну и в каком же, позвольте узнать, смысле, это следует понимать, — Вадим решил, что терять уже нечего, встал на ноги и смотрел на дядю Мишу сверху вниз.

— Да ты не переживай, Вадим Егорыч. Я не убивать тебя приехал, или для ещё каких иных целей применить. Садись, выслушай моё предложение, не понравится, до Гнилушки рукой подать, до ночи далеко, доберёшься без труда.

Вадим опустил на скамью, кивнул.

— Ну так вот. В Александровской Слободе, как всем известно, проживают самые богатые люди мира. На Острове и ещё в паре мест с этим бы поспорили, но неважно. Слобода города богатый, очень богатый. Так вот, это на самом деле не совсем правда, и ты это не хуже меня знаешь.

Вадим молчал. Похоже, дядя Миша принимает его за уволенного и теперь спивающегося слугу из благородного семейства. Что ж, он не так уж далек от истины. Только вот у слуг дара магии нет. Хорошо, что дядя Миша об этом не знает. Больше Вадим не повторит ошибки, не раскроет дара. В целом будет скрытным.

— Правильно я про тебя всё понял. Это хорошо. В общем, есть кое-кто, кто не может себе позволить дворецкого, пажа, наставника для ребёнка или ещё кого из домовых слуг. Приходится мне выискивать тех, кого вышвырнули из богатых домов. Они оседают в Гнилушке. Что с ними происходит с ними дальше, и как они свои жизни заканчивают, я думаю, ты знаешь.

Вадим кивнул. Серьёзно так, со значением. Искренне.

— Ну и отлично. Значит так, если согласен, едем в Слободу. Твои новые хозяева будут

делать вид, что ты уже давно у них, и ты так делай. Пить тебе запрещено категорически. Вообще, чтобы ты там не совершил раньше, по какой причине не выгнали с прежнего дома — неважно, это в прошлом. Главное, ты не должен попадаться на глаза другим благородным. Никогда. Вообще. Да, они часто не помнят как зовут многих из их слуг, но только если это не личные слуги. Эти практически члены семьи. Если тебя увидят твои бывшие господа — будет плохо прежде всего тебе.

— Не спросите, кто мои бывшие хозяева?

— Мне незачем. Своим скажешь, если спросят.

— Кто же они?

Дядя Миша улыбнулся.

— Я, кажись, не расслышал, что ты согласился. Повтори, будь добр.

— Я согласен, — твердо ответил Вадим.

Дядя Миша неуловимым движением выхватил нож и протянул его Вадиму, рукоятью вперед.

— Возьми.

Вадим протянул руку, но дядя Миша таким же неуловимым движением спрятал нож.

— Заруби себе на носу, Вадим Егорыч. У благородных есть ихняя магия, в том их сила. Но и у дядя Миши есть кое-что. Моё дело, мой доход, хлеб на столе моих детей, платья моей жены, всё зависит от моего авторитета. Слово моё крепко. Подведу заказчика хоть раз, и моё слово порушено. Мои дети останутся без хлеба, а моя жена без платьев. Так что смотри, не подведи меня. Всё запомнил что я сказал? Могу повторить. Нет, серьёзно, могу повторить, вдруг ты отвлекся, не расслышал.

— Я всё расслышал и всё понял. Я согласен. Думаю, мы с тобой больше не увидимся.

Дядя Миша удовлетворенно кивнул.

— Да, вижу, понял. Ну слушай тогда. Твои новые хозяева — князь Михаил Валицын и княжна Наталья Валицына.

— Так они же... — Вадим осекся.

— Да. Именно они. Князь, который руководит всей полицией Империи. При этом он не такой уж богатый человек, а поддерживать должный уровень необходимо. Отец его умел это делать, князь не умеет. Сестра из сил выбивается, но свести концы с концами не может.

Вадим с трудом удержался от того чтобы почесать в затылке. Дядя Миша крикнул, повернулся на козлах, цокнул языком и телега тронулась в путь.

Они затемно подъехали к воротам Слободы. Несущие караул у ворот гвардейцы, судя по всему, телегу дяди Миши хорошо знали, и пропустили даже не попытавшись разглядеть лицо пассажира. Немного попозже телега остановилась у высоких кованых ворот, в которых имелась калитка. Калитка открылась с лёгким скрипом, дядя Миша повернулся, сказал Вадиму:

— Ну прощай.

Вадим слез, решил, что мешок еды брать с собой не стоит и вошёл в калитку. За ней ожидал статный представительный старик в плаще. В руках его коптила масляная лампа. Он молча повернулся и пошёл к особняку, Вадим двинулся за ним. На крыльце их ожидали двое: мужчина и женщина. Старик с лампой низко поклонился, Вадим последовал его примеру.

— Добро пожаловать в резиденцию князя Валицына, вы ведь Тушков Вадим Егорович, не так ли?

Вадим распрямил спину и посмотрел на сказавшего это мужчину.

— Я же опора трона, ведаю всем уголовным сыском Империи, чему вы удивляетесь?

— Ах, Миша, ты несносен! Ты же не на работе! — подала голос женщина. Она сделал приглашающий жест, — ну поднимайтесь же, Вадим Егорович! Вы здесь не как слуга, а как наш друг!

— И надеюсь, вы окажетесь полезны, — холодно сказал князь и скрылся за дверями особняка.

Вадим поднялся по ступенькам, княжна подхватила его под руку и увлекла за собой.

Вадим, увлекаемый княжной за руку, вошёл в вестибюль. Вестибюль был огромен. Неимоверно, запредельно и совершенно несуразно, на его взгляд, огромен. Одно из двух: либо он неправильно оценил размеры особняка, либо же это помещение занимало большую его часть. Хотя, какой же это особняк, это замок. Типичный замок древних западных Витенечей.

В двух десятках шагов от входа стоял князь Валицын. Надо признать, выглядел он впечатляюще. Княжна немного дернула руку Вадима, он повернулся к ней, она скорчила рожицу, до того выразительную, что Вадим всё понял, остановился и приготовился слушать речь князя. Тот повернулся в профиль и начал говорить. Хотя скорее даже — вещать.

— Вот это, — он указал на висящий на стене монументальный портрет, — мой предок. Казимир Валицис. Вообще-то за такое произношение моей фамилии что мои люди, что императорские гвардейцы, что братия господина Плечеева мигом уволочут в места не столь отдаленные, а потом на плаху. Мой предок однажды, охотясь на медведя со своей дружиной, забрёл настолько далеко от замка, что набрёл на неизвестную им деревню. Естественно, по праву того времени, он объявил жителям, что отныне они его подданные, и незамедлительно приступил к сбору дани. Жители воспротивились, и, как гласит семейная легенда, призвали покровителя своего племени — гигантского змея. Предок зарубил змея топором, после чего жители признали его власть. С тех пор, кстати, из тех мест мы нанимаем личную охрану.

Князь прошёл к следующему портрету, княжна с Вадимом пошли за ним. Вадим был этому очень рад, поскольку в огромном зале было прохладно, а в дальнем углу зала пылал камин. Так что приближение к его уютному теплу было весьма кстати. От факелов в руках прислуги ему было неудобно. Хоть бы канделябры взяли, что ли.

— Вот это ещё один из моих предков. Ярослав Валицын. По поручению Великой Императрицы подавил бунт, чуть было не опрокинувший Империю. В битве увлек полки за собой, лично возглавил атаку. Собственноручно пленил главаря бунта, чьё имя предано забвению.

Небольшая процессия, возглавляемая князем, подошла к ещё одному портрету. К счастью Вадима, князь не собирался рассказывать обо всех.

— А вот это Михаил Валицын. Мой отец. Трагически погиб.

Князь склонил голову, его сестра снова дернула Вадима за руку, и он тоже склонился, причём искренне. Отец князя славился щедростью к простому народу, содержал множество приютов, неизменно носящих имя его умершей при родах жены. Погиб трагически. В тот роковой день он, как часто делал до этого, выехал на место преступления посреди ночи. Погиб не в бою с бандитами, а от перелома шеи. Конь споткнулся.

— Вадим Егорович! — сказал князь тоном настолько официальным, что воображение нарисовало оборотню плаху с воткнутым в неё топором, — от вас несёт как от жителя сточной канавы. Слуги проводят вас в помещение, где вы найдёте всё необходимое для приведения себя в приличный вид. После этого будьте любезны явиться к обеду.

Он отвернулся, его сестра отпустила руку Вадима и пошла к брату, начала что-то тихо говорить ему на ухо.

— Пройдёмте, господин, — слуга с факелом выжидающе смотрел на Вадима. Тот кивнул и через некоторое время убедился в том, что князь уважает традиции предков.

Новомодные ванны в его доме заменяла натуральная рубленая баня, стоявшая на заднем дворе.

С наслаждением вымывшись и пожалев, что нет времени как следует попариться, Вадим вышел в предбанник, где обнаружил одежду. Облачившись в хорошо подогаанный по его размерам костюм, в сопровождении слуги он явился к столу, сервированному у камина. Хорошо, что любовь князя к старине не выходила за пределы здравомыслия. Стол был словно в хорошем ресторане. Сев на указанное место, Вадим принялся за еду.

— Надеюсь, вы понимаете, *Вадик*, что сейчас находитесь в полной моей власти, — отставив пустой бокал сказал князь, глядя на него каким-то странным, совершенно пустым, но при этом лишающим воли взглядом.

— Ну зачем ты так, это наш гость в конце концов, — возмутилась Наталья, — не обращайтесь внимания, Вадим Егорович, вы здесь мой гость, а я такая же хозяйка этого дома, как и мой несносный брат!

Князь криво улыбнулся, щёлкнул ногтем по бокалу, тот откликнулся мелодичным звоном. Беззвучный, словно привидение, слуга тут же наполнил его снова.

— Вы способны сами сказать что-нибудь в свою защиту? Или продолжите прежнюю линию?

— Боюсь, я не вполне понимаю вас, князь.

— Сначала мать защищала вас от нападков отца и старшего брата. После — баронесса Эйзенхаузен. Теперь вы спрячетесь под юбкой моей сестры? Остерегайся его, Наталья, баронесса поплатилась за свою доброту. Надо будет поручить кому-нибудь съездить и выяснить, не приключилась ли какая беда с его мамой.

Наталья вспыхнула.

Вадим взглянул князю в глаза.

— Даже в моей глуши, князь, есть книги. К тому же, я очень быстро учусь, а за последние недели я словно вторую жизнь прожил. Вы сейчас ведёте себя со мной как следователь. Запугиваете, хотите сломить. Значит, вам что-то от меня нужно.

— Вы угадали, но это «что-то» не столь важно. Точнее, не столь важно прямо сейчас, можно и обождать годик-другой.

— В камеру посадите? Так поехали!

— У меня своя есть, в подвале. Не камера, скорее — темница Я, как вы могли заметить, чту традиции предков.

Князь широким жестом обвёл всё вокруг.

Сестра яростно набросилась на него, говоря что он варвар, те времена прошли, и вообще... Вадим не слушал. Он прекрасно понимал что происходит. Они играют с ним. Убеждают, что тоже испытывают эмоции. Может быть и испытывают, однако, как Вадим уже успел усвоить, аристократы Александровской Слободы расчётливы, хладнокровны и лишь с виду кажутся обычными людьми. На самом деле, они ничего не делают просто так. Всегда есть расчёт, всегда есть план. Все их действия преследуют цель. Сейчас плохой брат его запугивает, а хорошая добрая сестричка защищает бедненького Вадима. Ну что ж. Игра так игра.

— Вадим Егорович, с вами всё в порядке?

Он понял, что сидит без движения уже какое-то время. Наталья и Михаил смотрели на него обеспокоенно. Наверное, с таким выражением они бы смотрели на внезапно занемогшего породистого жеребца, которого планировали выставить на скачки.

— Прошу простить, должно быть, мой бедный разум не вынес такого большого количества впечатлений, — он ссутулился, — так много событий всего за три дня...

— Что вы, дорогой вы мой, — голос княжны был проникновенен, чист и полон столь искреннего сочувствия, что Вадим почувствовал удовольствие. Такое, сомнительное, но удобное удовольствие. Как с проституткой.

По сигналу князя слуга поставил перед Вадимом стопку. Валицын положил ладонь ему на плечо и сказал:

— Давай, выпей, и пойдём. Покажу кое-что.

— Миша? — княжна удивленно уставилась на брата распахнутыми синими глазами.

— Он пойдёт с нами, — твёрдо ответил ей брат.

Они прошли в сопровождении слуг до тяжёлой, окованной железом двери, князь жестом отпустил сопровождающих. Снял с шеи цепочку с висящим на ней ключом замысловатой формы. Отпер замок, открыл дверь и вошёл. Наталья и Вадим последовали за ним. За дверью оказался полого спускающийся по спирали коридор, в котором даже невысокому Вадиму пришлось пригнать голову, чтобы не задевать потолок.

— Здесь я произвожу небольшой опыт. В этом мне помогает Алексей. На самом деле его по-другому зовут, но вы зовите его Алексей.

Наконец коридор кончился, и они оказались в обширном, пропитанном незнакомыми Вадиму запахами помещении. В центре помещения, вплотную к правой стене располагался стол, заставленный алхимическими приборами. Возле стола, лицом к вошедшим стоял дородный мужчина восточной внешности с роскошными усами.

— Сбрил бы ты усы, Алексей, спалишь ведь.

— Новые отращу, — со странным акцентом ответил мужчина.

— Так ожёг будет. На ожогах волос не растут.

— Тогда бороду отращу.

Они пожали руки, и князь сказал:

— Алексей, Вадим, знакомьтесь. Думаю, видеться вы будете нечасто, но раз живёте в моём доме, лучше вам знать друг друга. Итак, Алексей, мне доложили, что ты намерен произвести очередной неудачный эксперимент?

— Мои эксперименты давно окончены успешно, я создал теорию, осталось воплотить её в материале.

— Что вы изобретаете? — спросил Вадим.

Князь повернулся к нему:

— Полагаю, вы изучали историю. Помните рассказы о памятной осаде Царьграда, чуть было не окончившейся плачевно для нашей будущей морской столицы? Мои предки были там. Предки Алексея, впрочем, тоже. Мои, как и положено носителям силы Огня, жгли корабли противника, подбиравшиеся к стенам великого города. Предки же Алексея соорудили огромное устройство, которое по им мысли, должно было помочь им разрушить стены. Устройство собрать получилось, но оно разорвалось, не нанеся вреда никому, кроме своих создателей. Алексей утверждает, что способен воспроизвести работоспособное устройство, и я предоставил ему для этого лабораторию. Однако, чтобы он не нанес много вреда, поставил условие: устройство не должно быть слишком большим. Даже если взорвется, в этом подземелье стены крепкие, выдержат. Ну что, Алексей, ты готов произвести это, как ты называешь его...эээ...не припомню что-то?

— Выстрел, господин. Всё готово, прошу вас пройти в укрытие.

Они зашли за баррикаду из нескольких сложенных поверх друг друга наполненных песком мешков. Алексей взял со стола устройство, отошёл от подальше, встал к ним спиной шагах в пяти и что-то такое сделал, после чего раздался оглушительный грохот и помещение заволкло вонючим густым дымом. Князь кашлянул, подошёл к лежащему на полу Алексею, осмотрел его.

— Жив. Хотя это, похоже, ненадолго.

— Что же ты говоришь, братец... — Наталья и сейчас не прекращала играть свою роль, немного привалившись к Вадиму. Тот деликатно помог ей встать и повёл к выходу.

— Мне позвать врача? — спросил он у князя.

— Как-будто вы знаете, где его искать, — буркнул тот, продолжая осматривать тело.

Или устройство, лежащее рядом?

— Полагаю, слуги подскажут.

— Резонно. Ступайте, я останусь здесь.

Вадим и Наталья поднялись по спиральному коридору, у входа стоял слуга, Вадим замешкался, не зная, велеть ли ему отвести княжну в её покои, или послать за доктором. Наталья разрешила его сомнения:

— Беги за Антип Петровичем, и вместе с ним вниз. Михаилу нужна помощь.

— Опять? — переспросил слуга, княжна в ответ ожгла его взглядом. Тот понял всё без слов и опрометью бросился вверх по лестнице.

— Идиот, как все слуги. Вы не находите разумным суждение, что простолюдины отличаются от нас не только способностью иметь магический дар?

— Я не возьмусь судить о человеческой природе. У меня нет достаточного образования.

— Вы учились дома? — княжна повела его к висящим на стенах картинам.

— Нет, у нас есть лица для членов тёмных семей.

Она легонько коснулась ладонью его плеча:

— Я лишена предрассудков.

Они шли молча и пройдя десяток шагов оказались у картины.

— Один из наших героических предков, — насмешливым голосом проговорила Наталья, — А хотите историю?

— Кажется об этом человеке, — посмотрев на человека на картине сказал Вадим, — мне сегодня уже рассказывали.

— Да. Но у любой истории есть вторая сторона.

— Думаю, найдётся и третья, и четвёртая.

Княжна мелодично рассмеялась.

— Вы хотите историю или нет?

— Разумеется.

— Могу поведать сразу три. Первая: мой предок, доблестно сразивший змея и тем приведший к покорности деревню, на самом деле напился настоя мухоморов, и бегал с мечом по деревне. Местные его скрутили. Когда его освободила дружина, он велел сжечь деревню. История вторая: великий усмиритель бунта во время той войны не покидал своего поместья. Вся работу проделал его боевой холоп.

Она замолчала.

— А что с третьей историей?

Княжна медленно подняла голову, посмотрела на него большими влажными глазами.

— Наш отец умер и я была рада. Он всю жизнь винил меня в смерти матери.

Княжна порывисто развернулась и убежала.

— Вот бес, — выругался Вадим, — и как мне теперь искать, где мои покои?

— Возможно, я смогу вам помочь?

От неожиданности Вадим вздрогнул. До него только сейчас дошло, что всё это время рядом с ним и Натальей находились двое слуг.

— Нам приказано постоянно сопровождать вас, господин.

Всё-таки пленник, напомнил себе Вадим, и пошёл ведомый своими тюремщиками.

Поднявшись наверх, он вошёл в дверь. Скромно обставленная передняя с двумя топчанами, предназначенными для слуг, в противоположной двери ещё одна дверь, за которой и располагались его покои. Надо признать, весьма достойные. Столь же роскошные, как и его прежние, в доме Эйзенхаузен, но несколько другого стиля. Строже, лаконичнее. Но и мрачнее. Должно быть, человеку, родившемуся и выросшему здесь, обстановка в доме Эйзенхаузен показалась бы безвкусной, кричащей, излишне яркой. А уж что бы сказал такой человек об усадьбе Тушково? На Вадима нахлынули воспоминания. Он разделся, лёг на кровать и погрузился в воспоминания. Его спальня, хоть и маленькая, под самой крышей, но такая уютная, даже зимой. Поле за окном, недалёкая речка, и казавшийся таинственным в детстве лес. После ужина мать провожает до двери, укладывает в кровать и целует в лоб. После задувает свечку, уходит. Когда луна полная, вот как сейчас, в комнате светло, лишь в одном углу отчего-то постоянно тень. В детстве он смотрел туда и иногда ему казалось, что там сверкают чьи-то глаза...

Вадим чуть не вскрикнул. Из дальнего угла на него смотрели чьи-то глаза. Он мигнул. Однажды, давно, когда он только переходил от детского возраста к подростковому, он решил побороть свой страх. Тогда он встал с кровати, хоть и дрожал всем телом. На негнущихся ногах подошёл к углу и взглянул спрятавшемуся там чудовищу в глаза. После этого чудовище исчезло, и больше не возвращалось. Если в тот раз получилось его прогнать, то уж сейчас тем более получится. Он, словно в детстве, поднялся на ноги, и медленно подошёл к углу. По мере приближения чудовище обретало вполне осязаемые очертания. Оно превращалось в женщину. Молодую, невысокую, черноволосую. Вадим подошёл к ней вплотную и протянул руку вперёд. В глазах женщины на мгновение вспыхнул изумрудный свет, и она тут же исчезла. Рука Вадима уперлась в стену. Он несколько раз вздохнул, повернулся, подошёл к кровати и лёг. Наверняка это шутки Валицыных. Да, это, вне всякого сомнения, они.

В нескольких тысячах шагов от него в будуаре баронессы Эйзенхаузен черноволосая зеленоглазая женщина смеялась, держа в руке бокал вина. Баронесса поджала губы.

— Госпожа Велемира, это же ребячество какое-то. В конце концов, мы занимаемся крайне серьёзными делами.

— Это вы занимаетесь серьёзными делами, а я веселюсь.

Баронесса вспыхнула.

— Успокойтесь, Инесса. Да, мы, то есть вы, я, и ещё великое множество людей занимаемся важными делами. Чрезвычайно, невероятно важными делами с высочайшими ставками. Я знаю это, и уж поверьте на слово, не хуже вашего. Но и мне над расслабиться хоть иногда. Я, вопреки расхожим слухам, обычная женщина. У меня даже мужчины бывают, в конце концов. Ладно, к делу.

— Как он?

— Покушал уже да и спит себе ваш обожаемый сыночек.



Баронесса совладала с собой. Расправила плечи и взглянула в глаза сидящей напротив женщине. Та выдержала взгляд, допила вино и поставила бокал. Немного подалась вперёд и произнесла:

— Рада снова видеть прежнюю Инессу Эйзенхаузен. Жаждущую власти и готовую за это платить. Итак, вернёмся к обсуждению дела. Мой господин выслушал ваш доклад, и распорядился о следующем....

Утром Вадим проснулся на удивление бодрым и отдохнувшим, спустился в столовую в сопровождении двух слуг, по-прежнему следовавших за ним по пятам, и там застал Наталью Валицыну. За завтраком они вели типичную салонную беседу ни о чём. Княжна продолжала притворяться дурочкой, но смотреть на неё было приятно. Вадим совсем уже было забыл о том, что он находится здесь на положении почётного пленника, когда в столовую вошел слуга и объявил, что князь Михаил ожидает его в своём кабинете. Вадим вежливо попрощался с княжной и пошёл за слугами.

— Со мной теперь всегда будут ходить двое ваших соглядатаев, притворяющихся слугами? В баню тоже со мной будут ходить? — с порога пошёл он в атаку на князя.

— Вы умеете менять облик. Потому вас и сопровождают двое моих людей, а то прикинитесь ещё кем-нибудь, мной, например, да и охранить вас они смогут, — парировал князь, — Да вы садитесь, Вадим Егорович, не стесняйтесь

— Ваши держиморды не спасут меня от чар баронессы Эйзенхаузен.

— О какого рода чарах мы сейчас говорим? Если они амурного характера, тут, боюсь, я бессилён. С любыми другими можно разобраться.

— Она наложила на меня какое-то удушающее проклятие. Если не будет время от времени его ослаблять, я попросту задохнусь.

Князь положил на столешницу книгу, которую читал до этого и потёр переносицу.

— Вадим, вы хорошо разбираетесь в тёмной магии?

— Лишь в тех её разновидностях, которые практикуют мои соседи.

— А о стихийной магии что знаете?

— Есть четыре разновидности. Огонь, Вода, Воздух и Пламя.

Князь повернул руку ладонью кверху, на ладони вспыхнуло пламя.

— Я маг Огня. Однако, это вовсе не значит, что я не способен заморозить, вызвать ветер, наколдовать немного воды. Если займусь магией стихии неродной моей семье, она будет слаба, но она будет. А вот вы неспособны к стихийной магии в принципе, равно как и я — к тёмной.

— К чему эти прописные истины?

— К тому, что только тёмный маг, к тому же родом из глухой провинции мог поверить в такое заклятие, которым вас баронесса напугала. Ничего подобного просто не существует.

— Я вам не верю.

— Ну и зачем мне врать?

Какое-то время они молча смотрели друг другу в глаза. Вадим рассудил, что князю действительно нет смысла врать. Он явно зачем-то нужен князю, так что примем его слова за правду.

— Но, учитывая характер задания, которую я вам хочу поручить вот, возьмите, — князь открыл ящик стола и выложил перед Вадимом лакированную коробочку.

— Что это?

— Орден. Полагаю, вы слышали о вещицах, которые придают определённые способности, даже лицам, не владеющей врождённой магией?

— Что делает этот орден?

— Поддерживает жизнь в умершем либо убитом человеке до четырёх дней. Разумеется,

если человека проткнуть кинжалом и не зашить рану, кровь вытечет и орден не поможет. Чудес, как известно, не бывает.

У Вадима от удивления вытянулось лицо. Он поражённо смотрел на князя:

— Это орден Лазаря?

— Он самый. Так что, возьмёте его? Если баронесса вас придушит, у вас будет четыре дня для решения проблемы. Срок немалый, да и я подсоблю.

Вадим взял коробочку со стола. Она открылась с лёгким щелчком, и его взгляду предстал небольшой квадрат матового светлого металла со схематичным изображением выбирающегося из гроба человека. Он положил коробочку с орденом в карман.

— Итак, теперь мы можем перейти к сути? — осведомился князь. Вадим кивнул.

— Мне бы сначала хотелось узнать, каким образом я оказался у вас. Ведь дядя Миша не просто так меня к вам привёз?

— Разумеется. Баронесса давно находится под негласным наблюдением, как вы уже поняли. Вы были рядом с ней. Конечно, это продолжалось не так уж долго, но кое-что вы мне рассказать можете. Дело в том, что в доме Эйзенхаузен у меня нет людей. Так что, поделитесь сведениями, прошу вас.

Вадим рассказал о том, что узнал о неизвестном союзнике великого князя Константина и том, что в ближайшие дни у них запланирована встреча. Так же рассказал о том, что Ничацкий через баронессу пересылает солидные суммы неизвестному человеку, но вероятнее всего не союзнику Константина.

— Проблема в том, что это я и был тем осведомителем, который донёс на неё гвардии.

— Думаю, я смогу уладить этот вопрос. Можете считать, что вы больше гвардии ничем не обязаны.

— Благодарю вас.

— Пустое. Вы лишь должны мне пару услуг. Человек с вашими способностями справится без труда. Я распоряджусь, чтобы за великим князем установили наблюдение...

— Простите, а откуда вы знаете о моих способностях?

— Я князь Валицын, — отрезал князь, — Давайте уже к сути. Константин поедет на встречу, а вы поедете за ним и проследите.

— Это каким же образом?

— Притворитесь одним из его охранников, разумеется.

— Если вы осведомлены о моих способностях, то должны знать, что они весьма скоротечны, и требуют немалых энергетических затрат.

— Это потому что мы, стихийные маги, используем природную силу, а вы, тёмные, тратите жизненную энергию, неважно свою или заёмную. Мы решим эту проблему. Дело в том, что наследник престола любвеобилен, и считает свою особу неприкосновенной.

— И небезосновательно, хочу заметить.

— Для государственной машины он действительно неприкосновенен. Однако, вопросы чести обычно решаются иным способом. Один из огненных магов решил отомстить Константину за поруганный им брачный союз. Подкараулил и ударил огнём. Однако, охрана наследника престола состоит из людей фанатичных, один из них и закрыл его собой. Теперь охранник вынужден носить маску, дабы не пугать людей своим ужасающим обликом. У меня, по счастью, имеется копия маски.

— Так подыщите человека подходящего роста, покрасьте ему волосы в нужный цвет и наденьте на него маску. Зачем вам я?

— Вы не первый, кому пришла в голову такая мысль. Я уже отправлял человека, его сразу раскрыли. Охранника в маске регулярно проверяют, он приподнимает маску время от времени. Так что вот, ознакомьтесь. Это тот, в кого вам предстоит обернуться.

Князь вытащил из стола весьма недурно выполненное изображение. Вадим помотал головой.

— Так не пойдёт. Мне нужно видеть объект вживую.

Михаил откинулся к креслу. Немного помолчал.

— Тогда вам придётся сходить в баню.

— Я с удовольствием, у вас прекрасная баня, почти как в деревне. Только как это связано с нашим делом?

— Объект посещает баню. Вы пойдёте туда одновременно с ним и у вас будут возможность ознакомиться с его внешностью во всех подробностях. Однако, придётся постараться. Это заведения особого свойства.

— Там все с особенной внешностью?

— Нет. Там все в масках. Я же говорю — заведение особого свойства. Наш носит там не свою обычную маску. Но у меня есть набросок, вот.

— Но это действительно... набросок, иначе не скажешь.

— В бане не очень удобно рисовать. Мои люди талантливы, старательны, но и у их способностей есть пределы.

Спустя некоторое время Вадим в карете с плотно закрытыми шторами въехал в ворота ничем не примечательного особняка. Карета закатилась прямо в здание, для этого имелись специальные проделанные в стене особняка ворота. Он закрыл лицо маской и вышел. Встречавший его слуга учтиво поклонился и повёл Вадима вглубь помещения.

— Господин, вот ваша комната отдыха. С другой стороны, как вы можете видеть, имеется дверь в общий зал с горячим и холодным бассейнами.

— Благодарю вас, прикройте, пожалуйста, дверь. Я хочу снять маску.

Слуга поклонился и закрыл дверь. Вадим снял всю одежду, оставив лишь маску. Это была не совсем баня. Своеобразный клуб для господ, ищущих особых развлечений и опасавшихся, что об этом станет известно. Его объект потому и выбрал это заведение. Вадим пару раз глубоко вздохнул и вышел в общий зал. Он пошел по кругу, высматривая охранника наследника трона. Вот он. Вадим подошел и опустился в бассейн рядом с ним.

— Ты кто? — недружелюбным тоном спросил охранник. Он говорил немного невнятно, должно быть губы погорели сильно.

— Так, никто. Думаю, мы с тобой похожи.

Охранник повернул голову к Вадиму.

— Нет. Мне девки нравятся. Но не осуждаю. Твои вон в том углу бассейна кучкуются.

— Я не про это.

— А про что тогда? — в голосе охранника послышалось лёгкое раздражение.

— Все остальные носят маски только здесь. А ты и я постоянно.

Охранник хмыкнул.

— Ты что, пошутить вздумал? Поспорил небось с приятелями?

— Нет.

Охранник лёгким движением вылез из бассейна.

— Последний шанс. Не уйдёшь сейчас, плохо тебе будет. Кем бы твой папаша не был, со

мною ему не сладить.

Вадим молча вылез из бассейна и встал напротив охранника, скрестив руки на груди. Чувствовал он себя ужасно неловко.

— Иди за мной, — послышалось из-под маски.

Они вошли в номер охранника.

— Снимай маску, сынок. И если под ней обычное лицо, оно превратится в такое, что ты действительно больше маску никогда не снимешь.

Вадим вызвал в памяти лицо Ерохи. Деревенский дурачок, безобидный, дружелюбный, всегда готовый помочь и безобразный до невозможности. Бабка-повитуха что-то напортила при родах.

— М-да. Извини, — сказав это, охранник снял свою.

— Вот так, — Вадим не знал, что ещё сказать.

— Да, такого никому не понять. Ты с рождения такой?

— Ну.

— Да, друг, дела, — охранник протянул ему руку. Вадим пожал.

Некоторое время они молчали.

— Ты это, — охраннику явно хотелось почесать в затылке, — Если какие проблемы будут, ты заходи. Меня зовут...

— Я знаю, кто вы. Вся Слобода знает.

— Ну да, ну да. А зачем пришёл-то?

— Хотелось встретить кого-то, кто может понять.

— Ты чего, ныть собрался?

Вадим покачал головой. Он просто заговаривал охраннику зубы, стараясь запомнить все мелочи. Обычное лицо запомнить не так уж трудно, но вот такое как у него — значительно труднее.

— Ну ладно, чё. Пошли может, выпьем?

— Почему нет.

Вечером он прибыл в особняк Валицыных будучи изрядно навеселе. Его встретила Наталья и с помощью слуг увела спать. Князь встречать Вадима не вышел. По словам Натальи, у него было в последнее время очень много работы.

Утром Вадим спустился к завтраку немного позже обычного. Князя уже не было, а его сестра улыбнулась Вадиму и сказала:

— Я велела бульона вам приготовить. Откушайте, а после идите к Мише. Он в кабинете, вас ждет. Кажется, вы сегодня куда-то едете.

Вадим сел, понюхал бульон и сказал:

— Благодарю, аппетит сегодня меня покинул. Я пойду, с вашего позволения.

— Конечно, — княгиня подмигнула ему, как озорная деревенская девчонка.

Он встал, собрался было уходить, как ему в голову пришла мысль.

— Ваше сиятельство... — начал было он, как княжна его перебила:

— Просто Наталья, прошу вас. По крайней мере, наедине.

— Хорошо, Наталья. У вас не найдётся письменных принадлежностей и возможности отправить письмо?

— Разумеется, я могу попросить одного из Мишиных офицеров. Савелий!

— Да, госпожа? — дворецкий, как обычно, появился непонятно откуда.

— Письменный прибор Вадиму Егоровичу, и побыстрее! — распорядилась она.

Дворецкий отправился на поиски с живостью, непостижимым образом сочетающейся с величавостью. Через считанные минуты, в течение которых Наталья уговорила-таки Вадима откусать бульона, Савелий вернулся. Вадим сел в кресло и начал писать письмо родителям. В-основном, конечно, матери. Отец в лучшем случае снизойдёт до устного пересказа о приключениях непутёвого младшего сына.

Наскоро набросав письмо, Вадим запечатал его в конверт и передал Наталье. Та заверила его, что есть один равнодушный к ней офицер, который как раз занимается доставкой сверхсрочной корреспонденции, так что не далее чем завтра родители Вадима получат письмо. Вадим поблагодарил её и отправился к князю.

Он тяжело поднялся по лестнице, вошёл в кабинет Михаила и без приглашения упал в кресло.

— Я смотрю вы вчера изрядно приняли. Но ничего, молодость творит чудеса, к вечеру будете как огурчик. Нам, точнее — вам надо выезжать. Мои люди доложили, что во дворе великого князя закладывают экипаж. Особый, по Слободе он в таком не ездит. Без герба, лошади простые. Всё одно к одному, на встречу со своим союзником собрался.

— Ну а коли нет?

— Ну а коли нет, будем ждать дальше. Ничего страшно, поработаешь у великого князя охранником какое-то время.

— А он где?

— Кто?

— Охранник.

— С точки зрения Константина он задерживается после вчерашней пьянки. Благо, о прикрытии вы позаботились основательно. Ты вообще наш план помнишь?

Через полчаса Вадим боролся с тошнотой, сидя в трясущемся по булыжной мостовой экипаже. Карета остановилась, кучер постучал. Пора. Прикрыв глаза он принял облик охранника, выходя якобы случайно выронил маску, дав рассмотреть себя встречающим. Его провели через ворота во двор резиденции великого князя. Вадим чувствовал волнение. Всё-таки наследник престола, второе лицо в государстве. Неподсудное никому кроме своего отца, будущий Император. И вот он, мелкий провинциальный дворянчик Вадим Егорович Тушков, под чужой личиной проник незаконно проник во владения императорской фамилии. За такое положены кары столь ужасные, что даже представлять не хочется. Ставки высоки, раз Валицын решил вслед за баронессой Эйзенхаузен вести расследование в отношении наследника. Если аристократии Слободы удастся дискредитировать второго наследника, императорской фамилии конец. Это если рассуждать как провинциальный дворянчик. Если же думать как житель Слободы, то ничего Константину не сделается. В конце концов, он будущий правитель Империи, если уличить его в участии в придворных интригах, это Его Величество только обрадует. Непутевый сын наконец-то занялся делом!

— Ты уснул там, что ли, Кузьма?

— Да в банях дал вчера...

— Бывает. Слышал, ты там вчера с каким-то молоденьким парнишкой всё вверх дном перевернул? Он кто вообще?

— Да не помню толком. Чей-то сынок, то ли графский, то ли княжеский. А может и

посла какого. Не помню. Дебоширить лучше всего в компании с такими вот молоденькими сынками. Папаша всё равно отмажет.

— Ну а мы что? Нам никто не указ. С кем угодно сладим, кроме личной гвардии Его Императорского Величества, конечно. Вот туда бы попасть, — протянул он мечтательно.

— Тоже верно. Когда выдвигаемся?

— Да сейчас. Тебе повезло, что Главный задерживается. Так бы без тебя уехали. Кого другого мы бы прикрыли, но ты приметный больно, к тому же он ведь пожелал чтобы ты окно охранял. Верит он тебе.

Вадим пожал плечами.

Двери особняка открылись, вышел Константин в охотничьем костюме, за ним слуга, нагруженный самострелом, колчаном с болтами, пикой, парой метательных копий и ещё какими-то экзотическими охотничьими приспособлениями. Константин слыл большим любителем охоты. Хорошее прикрытие для встречи в глухом месте. Мало как далеко может завести великого князя охотничий азарт? Да и расправляться с пойманными шпионами удобно. Смерть на охоте довольно распространена при дворе. Почти так же, как внезапное недомогание во время пиршества или удар табакеркой в висок.

— Выезжаем! — зычно крикнул наследник и вскочил в карету. Охрана вскочила в сёдла. Вадим немного растерялся.

— Кузьма, тебе особое приглашение требуется?

С ужасом Вадим понял, что ему придётся ехать в карете вместе с великим князем Константином, наследником престола. Ну конечно. Кузьма же Его Императорское Высочество собой от колдовского огня закрыл. Вадим забрался в карету и расположился напротив Константина. Как и положено потомку правящей династии Империи, великий князь Константин Андреевич был долговяз, имел непропорционально длинные ноги и руки, глаза навывкате и рано начал лысеть. Он смотрел на Вадима, и хоть раньше они уже виделись, но тогда, на балу, он не произвёл особого впечатления. Теперь же он выглядел очень внушительно.

— Что ты как неродной, Кузьма, снимай свою маску, — сказал он Вадиму, пристально глядя прямо в глаза, — давай, не стесняйся. Здесь все свои.

Вадим снял маску. Константин подался вперёд и положил руку ему на плечо:

— Друг, сколько раз я тебе говорил, что не нужно меня стесняться? Ты ведь столько для меня сделал! Это когда кто-нибудь рядом, тогда я наследник престола, будущий Император, а так, один на один, я Костя, а ты — Кузя.

Он откинулся на спинку.

— Разобраться бы с этим всем поскорее, да махнуть в приморскую столицу. Надоело мне это всё.

Константин вытащил из-за пазухи плоскую фляжку и приложился. Протянул Вадиму, тот покачал головой:

— Мне вчерашнего хватило. Да и вдруг что не так пойдёт, мне свежая голова понадобится. Твоё величество, можно я маску надену? Я уж с ней сросся как-то.

За исключением обращения Вадим дословно процитировал настоящего Кузьму. Именно так он выразился, когда они засели в бане, чтобы вдумчиво и основательно выпить.

— Конечно, валяй. А верно ты заметил: маска, если слишком долго её носить, к лицу намертво прирастает. Ладно, ехать нам долго, я вздремну, пожалуй, а ты посматривай по сторонам и держи ушки на макушке.

Константин вытянул ноги, заставив Вадима едва ли не свернуться клубочком. Его, похоже, вообще не заботили удобства того, кого он едва ли другом только что не назвал. Да и карета одноместная. Вадим понял, что немного понимает тех, кому не нравятся аристократы.

Он прильнул к окну. Карета правила на север от Слободы, но не по столбовой дороге, ведущей к северной столице Империи, а забирала восточнее, туда, где всё заросло заповедным лесом, предназначенным для охотничьих забав элиты Империи. Вскоре хорошо утрамбованный тракт сменился проселком, а после и вовсе лесной дорогой. Карета мерно раскачивалась на ухабах, Константин даже захрапел. Вадима и самого клонило в сон, но он боролся изо всех сил. Сейчас спать нельзя.

Ещё в детстве, зачитываясь приключенческими романами, что специально выписывала для него мать, он думал, что когда начинаются вот эти самые волнующие душу события, человек остро переживает их. А сейчас он ехал в карете с наследником престола, выполняя шпионскую миссию для главы внутренней полиции Империи, с огромным риском для жизни... И единственное что он чувствовал это желание сходить в кусты. Приключения при взгляде изнутри оказались донельзя обыденными. Он уже всерьёз подумывал о том что бы как-нибудь разбудить великого князя, как карета остановилась. Кучер постучал в стену, Константин выпрямился, протёр глаза и сказал:

— Ну вот и приехали.

Вадим замешкался, вызвав недоумённый взгляд наследника, понял что ему следует выйти первым и придержать дверцу. Они покинули карету. Сопровождавшие их всадники рассыпались по окрестностям, прочёсывая кусты и внимательно осматривая вершины деревьев на предмет притаившегося злоумышленника. Великий князь дождался, пока ему доложат, что опасности нет и двинулся по тропинке. Вадим следовал за ним по пятам, провожаемый завистливыми взглядами. Их можно понять. Когда Константин взойдёт на престол, его ближний круг получит множество привилегий, а тот, кто находится ближе всего



к будущему Императору, тот взлетит на поистине недостижимую высоту. Может даже получить наследственное, а не личное дворянство.

Они подошли к небольшой избушке, располагавшейся на свободном от деревьев пригорке. Следовавшие поодаль охранники князя рассыпались цепью и окружили избушку. Князь повернулся к Вадиму:

— Кузьма, встанешь у окна, и смотри, чтобы никто не приближался. Ты-то услышишь, о чём мы говорить будем, но только ты один, и никто что б более, понял меня? Если где полученные сведения всплывут, то я буду знать, кто язык за зубами держать не умеет.

Сказав это он поднялся на крыльцо и вошёл в избу. Вадим занял позицию на возле угла избы, откуда просматривались и дверь и единственное окошко. Он весь обратился в слух.

— Здравствуй, — услышал он голос Константина. Прошло пару мгновений, прежде чем ему ответил немного шепелявый, словно говорящий со странным акцентом голос:

— Я рад тебя видеть, брат. Как идут наши дела?

— Всё согласно плану. У меня есть к тебе просьба.

— Чем же несчастный изгнанник может помочь тебе?

— Ты говорил что церковники могут дать ребенку способности к магии?

Голос тихонько рассмеялся.

— Константин, Константин... Ты так ничего и не понял из моих объяснений. Не злись, я не хотел тебя обидеть. Скажем так: когда ребёнок достигает возраста, когда приходит пора отправляться на обучение, я могу договориться с отцом Неодимом о том, чтобы ребёнок вернулся в семью магом.

— Любой ребёнок?

— Абсолютно. Хоть крестьянский сын, хоть купеческий. Думаю, тебя интересует скорее последний?

— Неважно, подробности обговорим позже. Это поможет привлечь необходимые средства.

— Ну и прекрасно. Кстати, как там наш друг из гвардии?

— Недавно дрался на дуэли.

— Не погиб?

— Нет, напротив. Убил какого-то провинциального дворянчика.

— Отлично. Новые завербованные обходятся недёшево. Кстати, ты привёз деньги?

— Да, конечно, вот.

— Великолепно. А как здоровье папы?

При этих словах Вадима пронзило понимание того, с кем же разговаривает Константин. Кто кроме него называет Императора Андрея папой. Он неожиданности он пошатнулся, под его ногой хрустнула ветка.

— Кто там у тебя? Надёжный человек, надеюсь? — спросил шелестящий голос.

— Полностью.

— Позови его, пожалуйста. Я хочу запомнить в лицо того, кто знает слишком много. На всякий случай.

— Кузьма! — рявкнул великий князь.

Вадим поднялся по ступенькам крыльца. Ему было страшно. Он действительно только что узнал слишком много. Да, Константин Кузьме явно благоволил, но вот как к нему отнесётся великий князь Роман, а в том, что именно его сейчас увидит, Вадим не сомневался.

Он вошёл в избу. Грубая постройка, такие крестьяне в Тушкове используют под складирование всякой всячины, которая вроде и не нужна, но и выкинуть рачительная крестьянская душа не позволяет. Великие князья сидели на табуретах. Роман сильно отличался от Константина. Он был весь какой-то мягкий, расслабленный, черты лица более округлые, даже детские. Но вместе с тем от него исходила угроза. Нет, не такая угроза, которая грозит кинуться на вас и разорвать горло. Не такая, которая запугивает, подавляет волю и заставляет вас что-то делать. Это была угроза сродни той, которую мышь могла бы увидеть в глазах змеи. Да, именно змеи, Вадим ярко вспомнил сказки старухи-няньки о людях, что жили на этой земле до прихода племён, потомки которых и основали царство, впоследствии ставшее Империей.

— А почему в маске? Это мода такая нынче в Слободе? — прошепелявил Роман.

— Нет, помнишь я тебе рассказывал про то как немного позабавился с одной молоденькой княгиней, а её муж отчего-то решил обидеться? Словно это что-то плохое!

— Да он от счастья должен прыгать, что его выбор одобрен великим князем!

— Согласен, брат. Так вот, он подкараулил меня и как жахнет по мне зарядом пламени, хорошо что не боевым, иначе бы Кузьма не выжил. А так просто попортил лицо. Мужественнее стал. Стесняется только теперь отчего-то. Маску носит.

Константин вёл себя совершенно не так, как раньше. В карете и на приёме он был высокомерным, холодным, но так и положено высокородному. Он вёл себя так, словно ему на всех плевать. Неприятно, но объяснимо. Если тебе с раннего детства внушают, что ты выше всех просто потому что родился в благородной семье, то что должно получиться? Аристократы поголовно высокомерны и немного нахальны. Однако, сейчас с Константином произошла разительная перемена. Ему явно нравилось унижать Кузьму. Того самого человека, который его спас от смерти.

— Ну-ка, Кузьма, давай снимай маску. Хочу показать тебя брату.

Вадим подчинился.

— Хм... — Роман встал, подошёл к Вадиму и придвинулся к его лицу так близко, что они едва не соприкоснулись носами, — Кто вас лечил?

— Он просил не называть имени.

— Что!?! — возмущению Константина, казалось, нет предела, он вскочил на ноги и занёс руку для удара, но Роман лёгким движением ладони погасил его порыв.

— Спокойно, братец. Готов поспорить, что здесь приложил руку один знакомый мне мастер.

Он прошёлся вокруг Вадима.

— Мне интересно лишь, вы просили его сделать ваш облик привлекательнее или страшнее? Если первое, трудно представить, что с вами произошло.

— О, выглядел он страшно. Я не думал что выживет.

Роман резко повернулся к Вадиму спиной и словно потерял к нему всякий интерес.

— Брат, продолжай делать как договорились, а я продолжу свою работу.

Константин встал, пожал Роману руку и вышел. На этот раз Вадим проявил расторопность и открыл перед великим князем дверь. Они сели в карету и поехали обратно в Слободу. Вадим всю дорогу думал, что его тревожит. Уже у ворот Слободы понял, что. Он был неплохим следопытом, как и любой житель леса. Так вот, он мог бы поклясться, когда они с Константином подошли к избушке, никаких следов, ведущих к ней не было. Великий князь Роман словно по воздуху прилетел. Можно было бы предположить, что в избушку

ведёт подземный ход, но Роман был одет в безукоризненно чистый костюм. Странно. Но кто что знает достоверно о способностях членов императорской семьи? Об их магии вообще нигде ничего не говорилось.

По прибытии во дворец великого князя Вадим некоторое время потолкался среди его людей, избегая разговоров. Он боялся, что в разговоре может легко попасться, ведь если внешне он был неотличим от Кузьмы, то внутренне оставался Вадимом Тушковым. Наконец, ему удалось улизнуть под благовидным предлогом и немного попетляв по улицам Слободы прийти в условленное заранее с князем Валицыным место, откуда он смог в закрытой карете проехать в особняк Валицыных.

Князь встретил его в своём кабинете, он был погружен в работу, собственно, как и всегда.

— Узнали что-нибудь стоящее? — спросил он, не поднимая головы от бумаг.

Вадим был почти обессилен от множества превращений, но не смог удержаться от шутки.

— Ну здравствуй, Миша, — сказал он, приняв облик великого князя Романа. Валицын, надо отдать ему должное, сумел не вздрогнуть. Он аккуратно положил бумагу на стол, поднял взгляд на Вадима. Тот с трудом удержал облик Романа ещё несколько секунд, после чего вернулся к своему.

— Разрешите присесть?

— Помнится, вы не утруждали себя просьбами в прошлый раз, — холодно сказал князь, — впрочем, прошу садиться, а то вы ведь в обморок грохнетесь. На столике есть печенье, угощайтесь, я велю подать чаю. Но сначала расскажите, что сие означает?

— Вы уже всё поняли, князь.

Князь смотрел на Вадима в упор.

— Это очень серьёзное обвинение. Чтобы указать такое в докладе Его Величеству, мне потребуются веские доказательства.

— Я думаю, мы сможем их найти в месте заключения великого князя.

— Он не в заключении. Его Высочество пребывает в монастыре, изучая науки.

— Готов поспорить, этот монастырь уже под его негласным управлением.

— Думаете?

— А как ещё объяснить тот факт что великий князь регулярно выбирается оттуда на встречу со своим братом?

— Действительно. Что ж, надо нанести визит в этот монастырь. Я займусь, а вы пока отдохните, Вадим Егорович. Вы хорошо потрудились. Не подумывали пойти на службу в моё ведомство? Могу составить протекцию.

— Благодарю вас, я подумаю.

— Не смею больше задерживать.

Вадим открыл дверь, в последний момент развернулся, и спросил:

— А что будет с Кузьмой? Вы же не можете позволить ему спокойно вернуться.

— Разумеется нет. Сегодня его найдут мёртвым.

— Мёртвым?

Михаил поднял голову от бумаг:

— А как вы хотели, Вадим Егорович? Мне его в плену держать прикажете?

— Почему бы нет?

— Так по-вашему, пожизненное содержание в тайной тюрьме, которой, разумеется, не

существует, лучше, чем быстрая смерть? Не отвечайте, это риторический вопрос. Если это успокоит вашу совесть, покойный был конченной сволочью. Насильник, убийца, да и вообще, есть основания полагать, что это бывший разбойник. Великий князь вообще... Прикройте дверь, Вадим. И сядьте.

Вадим сел в кресло, Михаил сложил руки на столе и начал говорить:

— Некоторое время назад великий князь Константин резко переменялся. Это заметили все, кроме, пожалуй, его отца. Император витает в столь высоких эмпиреях, что высоты полета его мысли понятны лишь князю Плечееву-старшему. Так вот, великий князь не перестал посещать салоны, устраивать дебоши и так далее. Но его обычные друзья, гуляки и пропойцы, как-то резко отошли на второй план. Он окружил себя отпетыми негодьями. Думаю, именно они стоят за серией побегов из тюрьмы. Он немного напоминает мне Иоанна, построившего эту Слободу. Тот тоже окружал себя сомнительными личностями, преданными исключительно ему. Так что, боюсь, расчёты нашего высшего света на то, что после прихода Константина к вершинам власти он поделится ею с вельможами, неверны. Он скорее возвысит своих теперешних приближенных, а старую аристократию попросту перебьёт. Знать бы, каков интерес Романа во всём этом... Его Величество ведь такое не простит, даже если придётся Константина лишать права наследования. В конце концов, есть закон Великого Петра, согласно которому Император может назначить своим наследником кого угодно.

— Кого угодно?

— Да, только не распространяйтесь об этом. Тот закон редко применяется. Но, вполне может быть, что придётся, если Константин пойдёт вслед за своим братом.

— Так что такого Роман натворил?

— Его Императорское Высочество Роман Андреевич, — холодно поправил его Валицын. Он встал, сложил руки за спиной и принялся шагать по комнате.

— Великий князь увлекся вещами, которыми не стоит увлекаться. Связался с людьми, с которыми не стоит связываться. Они наделали много того, чего делать не стоит. Это всё, что вам можно знать.

— Скажите, — аккуратно спросил Вадим, — а у этих людей не было рисунков, статуи или ещё чего-нибудь с рисунком змеи?

Валицын встал как вкопанный.

— Что!? — Вадим впервые в жизни услышал, как кричат шёпотом.

— Да так, пришло в голову случайно одно воспоминание...

— Говорите.

— Дело в том, что в детстве мне нянька рассказывала про тех, кто жил на этой земле до того как...

— До того как пришли мы? Здесь жили вы, тёмные племена.

— Нет, те, кто жил до нас. Люди, которые молились змеям.

Михаил посмотрел на него очень внимательно.

— Вадим Егорович, — сказал он мягко, но настойчиво, — Идите спать. Вы устали.

Вадим встал и вышел. Он чувствовал себя круглым дураком. Дёрнуло же его начать эти сказки рассказывать...

Следующие несколько дней он провёл в особняке Валицыных. Вкусно ел, отсыпался, читал книги из удивительно богатой библиотеки особняка, и в целом чувствовал себя

хорошо. Впервые за долгое время он обрел душевное равновесие. И вот однажды вечером, когда он листал редчайший экземпляр древней рукописи, описывающей события, сопровождавшие окончание войн центральных и западных земель будущей Империи, в библиотеку вошла Наталья Валицына. Она была необычно тиха и смотрела на него как-то странно.

— Вадим Егорович, скажите, вы были близки с родителями?

— Да, разумеется. К чему вопрос?

Вместо ответа она протянула ему конверт.

— Вам не положено это читать, но я взяла на себя смелость.

— В чем же дело?

— Прочтите.

Вадим вытащил из конверта письмо, адресованное Михаилу Валицыну, и прочитал его.

— Это правда? — спросил он у Натальи, после того как дочитал. Она кивнула.

В письме сухим казенным языком говорилось, что в уезде Н. губернии Я. в селе Тушково произошли крестьянские волнения. В результате была разграблена и после сожжена усадьба помещика Егора Тушкова. Семья помещика исчезла.

— Вадим Егорович, — Наталья положила свою тёплую ладонь ему на предплечье, — Тел не нашли. Мой брат сидит внизу, он только прискакал. Он сам привёз письмо.

Вадим поднял голову и сказал деревянным голосом:

— Так чего же мы сидим!?

Вадим поднялся и зашагал к выходу. Когда проходил мимо Натальи, заметил, что она прятала что-то за спиной. Он остановился и спросил:

— Что у вас там?

— Нюхательная соль, — девушка робко показала пузырёк, — я решила, что от такой новости вы...

— Могу хлопнуться в обморок? Ни за что. Надо ехать.

Князь ожидал его внизу. Он окинул Вадима быстрым взглядом, оценивая его душевное состояние. Удовлетворенно кивнул.

— Похоже, сестрице впервые изменило её знание человеческой души.

— Она хотела предложить мне нюхательной соли, словно расчувствовавшейся барышне.

— И, видимо, зря. Я хочу предложить вам другое.

— Что именно?

— Роту своих солдат. Ребята надежные, в подавлении бунтов поднаторевшие, к тому же приученные, что грабить собственное население плохо. Думаю, вам они пригодятся. И вот ещё, — с этими словами он протянул Вадиму бумагу, скрепленную императорской печатью.

— Это поможет вам уладить проблемы с местной властью. Такого документа, с подписью и личной печатью Его Величества, убоится даже губернатор.

— Вы дали себе труд выпросить у Императора такой документ? Для меня? — Вадим был готов растрогаться.

Михаил в ответ посмотрел на него как на идиота.

— Вадим, вы меня удивляете. Конечно же, я не бегал к Императору. Он, знаете ли, чрезвычайно занятой человек. У меня есть некоторое количество подписанных им пустых бланков. Держите, и бегите спасать свою семью. Да, Вадим Егорович, вы помните тот придорожный кабак, в котором вы познакомились с господином Ямзевым?

— Разумеется, помню, — помрачнел лицом Вадим.

— Он будет вас там ждать. Я переговорил с нужными людьми, так что ваш долг перед гвардией отныне закрыт. Господин Ямзев отдаст вам вашу расписку о сотрудничестве, а так же поделится кое-какой информацией.

— Какой же?

— Это имеет отношение к второму заданию. Интриги великого князя Романа это, конечно, серьёзно, но для Императора это мелочи. Нужно бы ещё разобраться с господами ниспровергателями престола.

Вадим замолчал на мгновение.

— Скажите, князь, а всё это для чего? Какова цель?

— Невежливо отвечать вопросом на вопрос, но тем не менее: а зачем вы приехали в Слободу, Вадим Егорович?

Отвечать было незачем. Вадим взял у него из рук бумагу и вышел на двор, где его уже ожидали два десятка всадников. Слуга держал под уздцы лошадь, предназначенную для Вадима. Он на мгновение замешкался, ведь ранее ему приходилось ездить только на низкорослых крестьянских лошадёнках, да и то в детстве, баловства ради. Сейчас перед ним стоял рослый, длинноногий конь с гордо поднятой головой. Вадим приблизился к нему с некоторой опаской.

— Не переживайте, барин, конёк смиренный, — тихо сказал слуга и ободряюще улыбнулся Вадиму. Тот решительно выдохнул, вставил ногу в стремя и наконец взгромоздился в седло. Он повернул коня мордой к выстроившимся всадникам. В книжках в такой момент главный герой обязательно произнёс бы племенную речь, но одного взгляда на валицынских головорезов становилось ясно: им не требуются речи. Они не герои, они на работе. Вадим тронул бока коня пятками и направил его к воротам. Всадники потянулись за ним. Лёгкой трусцой они добрались до выезда из Слободы, и Вадим направил коня на юго-восток. Домой.

От Александровской Слободы во все стороны расходились дороги. Император Андрей сумел побороть главную беду Империи, сумел связать её хорошими дорогами, по которым можно было ездить в любое время года, не утопая в грязи или снеге. Однако, это касалось лишь основных магистралей, связывающих между собой крупнейшие города. Города поменьше с основными магистралями соединяли дороги поплотнее, а уж в медвежьих углах вроде городка, в окрестностях которого находилось Тушково, вели дороги из рук вон плохие.

После нескольких часов скачки Вадим чувствовал себя так, словно его нещадно высекли, к тому же изуверским способом, уделив особое внимание внутренней поверхности бёдер. Наконец показался памятный ему трактир, в котором ему довелось свести знакомство с господином Ямзевым. Указанный господин ожидал его, сидя за предусмотрительно накрытым на двоих столом. Когда в помещение начали входить один за другим бойцы Валицына, посетители кабака сразу вспомнили о неотложных делах и поспешно удалились, остался лишь забывшийся пьяным сном крестьянин. Он расположился в дальнем углу и Вадим велел бойцам его не трогать.

— Вы, Вадим Егорович, сразу видно, человек неопытный. Мои люди ваш отряд ещё на свороте со столбовой дороги срисовали, да так и вели до самого сюда. Потому и, можете видеть, горячий супчик на столе вас поджидает.

Вадим сел на скамью, огромным усилием воли подавив желание поморщиться от боли.

— А может быть я и желал горячего супчика прямо к своему приезду?

— Вадим Егорович, это не я вам зад натёр, а седло, вот на него и злитесь. А супчик ешьте, вкусный.

— Благодарю, — Вадим быстро съел суп и отставил тарелку.

— Сергей Данилович, меня заверили серьёзные люди, что у вашего ведомства отныне нет ко мне претензий.

Господин Ямзев в ответ вытащил из-за пазухи и протянул Вадиму сложенный пополам листок бумаги.

— Лучше сожгите, — посоветовал Ямзев. Вадим подошёл к печи, бросил в неё листок и смотрел, пока тот не обратится в пепел, после чего для верности пошерудил в топке кочергой.

— Удовлетворены? — спросил Сергей Данилович.

— Личные проблемы решены, остались проблемы общего характера.

— Я, Вадим Егорыч, человек простой, можно даже сказать — грубый. Привычный решать проблемы которые могу глазами увидеть да руками потрогать. Такие, которые, с позволения сказать, по лбу дать могут. Так что ежели хотите чего сказать — говорите. Заверяю вас, всеми силами постараюсь вам помочь. А вы, коли в гору по государевой службе пойдёте, может и вспомните старика Ямзева, и запомните не то, как я свою работу делал, когда вас вербовал, а то, как я вам помог.

— Что ж, договорились. Мне нужны сведения о радикальном подполье.

— Я не в Слободе работаю, и не в столицах. Тут, в глубинке, какой может быть для вас интерес?

— Подполье может и не едино, но организовано. Если потянуть за ниточку здесь, можно выйти на самый верх.

Ямзев ухмыльнулся.

— Вадим Егорыч, помилосердствуйте. Отсюда вы наверх никак не выйдете, хоть пытайте их. Я вам могу полный список выдать всех, кто на полсотни вёрст окрест в подполье состоит. Только вы хоть всех их со своими нукерами задержите — ничего не добьётесь.

— Они столь стойки при допросах?

— Вовсе нет. Стоит чуть надавить, поют что твои соловьи. У меня, если уж совсем начистоту, почти все они на подписке о лояльности.

— Тогда зачем их терпеть? Пересажайте, да и дело с концом.

— К северу отсюда, верстах опять же в полусотни, работал ранее мой старый знакомец. Тем же делом занимался, что и я, только более ретиво. Хватал подпольщиков, сажал, слал наверх победные реляции... так его за заслуги досрочно на пенсию и отправили. А я на пенсию не хочу. Потому работаю себе потихоньку. Не рвусь поперёк батьки в пекло.

— То есть, у подполья есть покровители?

— Ну конечно же есть. Только то, чем я занимаюсь, всё шушера мелкая. Настоящие подпольщики скрываются, и имеют высоких покровителей. Но помочь я вам, думается мне, могу.

— Каким же образом?

— Ко мне в последнее время зачастили ребятишки, что по глупости попались и подписали лоялку, вроде как вы недавно. Вы уж не обижайтесь на правду.

— Продолжайте.

— Так вот, ребятишки все как один вдруг понесли мне деньги. Ну, взятки предлагать начали, чтобы я им лоялку отдал. Отсюда вывод: у подполья появились деньги, и немалые. Раз уж у этих скоморохов, которых держат для отвода глаз, есть средства, трудно представить, какого порядка суммы имеются у людей по-настоящему серьёзных.

Вадим покивал головой.

— С этим понятно. А что с моей деревней случилось?

— Я же писал наверх, вы, я думаю, читали, раз здесь во главе эскадрона всадников появились. Понимаю, родителей спасти — дело святое.

Вадим испытывающе посмотрел на Ямзева:

— Сергей Данилович, вы ведь не хотите на пенсию, я вас правильно понял?

— Ещё как правильно. Мой приятель как дела лишился, пить начал горькую. Сгорел за год, я его схоронил недавно.

— А заниматься вот этим, чем вы занимаетесь, вам по нраву?

Ямзев грустно усмехнулся, почесал в затылке, крикнул.

— Как вам сказать... Другого дела у меня нет.

— А что бы вы сказали, если бы вам предложил помощь человек, вращающийся в самых высших кругах Александровской Слободы? Там ведь достаточно пары слов кому надо, и ваша судьба переменится. Империя большая, а как говорил мне один мудрый человек, полезных людей у нас постоянный недостаток.

— Хм... интересно, интересно. А чего бы это человек хотел от старого служаки?



— Хотел бы, что бы *опытный* служака помог разобраться, что случилось в имении Тушково и куда подевалась семья тамошнего помещика.

— Что ж, это можно. В конце концов, это моя работа, с беспорядками разбираться. Думаю, переночуем, а с утра выдвинемся.

Кабатчик притащил запечённого поросенка с гречкой, они плотно поели. Сергей Данилович поделился мазью от потертостей, оказавшей чудодейственное воздействие. Боль утихла, и Вадим уснул.

Его разбудили посреди ночи, зажав рот.

— Тихо, Вадим Егорович, тихо. Это я, Ямзев. Я сейчас ладонь уберу, только вы не кричите.

— Что происходит? — шепотом спросил Вадим. Ему хотелось умыться. Ладони Ямзева пахли чесноком.

— Мы сейчас очень тихонько спустимся, сядем на лошадей и поедем.

— Куда?

— А вон за тем господином. Вы в окошко посмотрите.

Вадим встал с кровати и осторожно выглянул в окно. Ночь была безлунной и фигура человека, выводящего лошадь из конюшни, была с трудом различима.

— Помните ханурика, который в углу дрых? Я его сразу заподозрил, да и следил за ним незаметно. Как все спать разошлись, он встал и сразу в конюшню, а я к вам.

— Может быть он просто проспался и домой едет?

— У него морда не опухшая была, как встал.

— Серьёзный аргумент.

— Чего серьёзный?

— Аргумент.

— Я всё равно ничего не понял, ну да ладно. Надо за ним ехать. Неспроста это всё, нюхом чую.

Другой человек может и посмеялся бы над старым служакой, но Вадим и сам ощутил то самое чувство, когда судьба берёт тебя за руку. В такой момент лучше не сопротивляться и идти куда она ведёт. Иначе потащит силой — хуже будет.

— Едем, — коротко ответил он Сергею Даниловичу.

Они тихонько. Стараясь не скрипеть половицами, спустились в конюшню, накинули сёдла на лошадей и поехали.

— Как мы поймём, куда он поехал? — спросил Вадим.

— Тут дорог немного. У развилок останавливаться будем, смотреть, куда свернул.

На том и порешили.

Они ехали не торопясь, шагом, время от времени останавливаясь и вслушиваясь. На развилках Сергей Данилович слезил с лошади и осматривал землю. Каким-то чудом в полной темноте он ухитрялся определять куда именно свернул крестьянин, которого они преследовали. Через пару поворотов Вадим сказал:

— Сергей Данилович, можете больше не стараться. Я знаю, куда едет наш таинственный незнакомец.

— Куда же?

— В имение Дроковых. Это старинный приятель моего отца.

— Дроков? Интересно, какой ему резон отправлять своего слугу следить за вами?

— Вот и узнаем. Но сначала нам следует перестать таиться и догнать крестьянина. У

меня есть план.

План был прост: догнать крестьянина, перекинуться в его облик, да и разведать всё в усадьбе. Однако ж, крестьянская лошаденка почуяла дом, и припустила рысью. Догнать не получилось.

Имение Дроковых располагается на небольшой поляне посреди большой липовой рощи, которая и составляет основное богатство помещика. У него даже никогда не имелось деревни, только усадьба, липовая роща да пасека. Липовый мёд Дроковых издавна славился не только среди окрестных помещиков, его покупали даже столичные рестораны, благо в столице входил в моду староимперский стиль. Дроковы считались способными управлять пчёлами и прочими небольшими животными, но Вадим знал, что их магия не в этом. Они умели заговаривать еду или напитки. Человек, съевший или выпивший заговоренное, оказывался под властью чар. Чары Дроковых не были сильны, к примеру, они не смогли бы внушить человеку жажду убийства или ещё что подобное. Однако, заставить испытывать симпатию или почувствовать приятные ощущения они вполне могли. Возможно, именно этим объяснялась популярность их мёда. Человек, один раз его попробовавший, хотел ещё. Конечно, привязанность не была столь сильной, как у курильщиков опиума, но тем не менее, к ним иногда приезжал попить чайку с липовым мёдом сам губернатор.

— Так это ж карета губернатора! — прошептал Ямзев.

Они с Вадимом засели в кустах неподалёку от усадьбы и наблюдали за усадьбой.

— Кажись, зря я с вами связался, Вадим Егорыч.

Вадим в ответ перевернулся на спину, вытащил из-за пазухи и развернул полученную от Валицына бумагу. Ямзев прочитал, его брови поползли вверх от удивления.

— Нет, точно, не туда я влез, — пробормотал он.

— Вы же хотели нормальную должность, а не возиться с этими поддельными радикалами? — спросил Вадим, пряча бумагу.

— Хотел, но повозмущаться-то надо. Что делать будем, барин? Ждём помощь или идём вдвоём?

— Какую помощь? — не понял его Вадим.

— Так ваших людей. Зуб даю, они как проснутся и поймут что вас нет, пойдёт по следам. Вскоре здесь будут. Злые и с клинками наголо.

Вадим подумал минутку.

— Ну тогда пошли. Зайдём в гости к другу моего отца.

Ведя под уздцы лошадей они подошли к ограде, сделанной по древнему обычаю из наклоненных наружу брёвен. Никто не спешил открывать ворота, потому Вадим подошёл к ним и толкнул. Ворота не поддались. Он счёл, что кричать ниже его достоинства, взобрался в седло и не без труда перемахнул через ограду. Отпер ворота изнутри и впустил Ямзема с лошадьми.

— Странно это всё, — заметил Вадим, — карета губернатора стоит, а никого нет.

— Вадим Егорыч, здравствуйте, — крикнула из окна женщина в платке, — а барина нету, они с губернатором на дальнюю пасеку поехали! Нескоро будут!

— Так мы подождём, — каким-то очень ровным тоном ответил её Ямзев, шаря взглядом по земле, — когда, красавица, говоришь, барья уехали?

— Да ранненько утром, ещё темно было!

Сергей Данилович крикнул и выразительно посмотрел на Вадима.

Вадим поморщился. Этого ещё не хватало, пускаться в переговоры с дворовой девкой!

Он поднялся на крыльцо, толкнул входную дверь, та не поддавалась. Он молча посмотрел на девку. Та отчего-то испуганно ойкнула и скрылась из виду.

— Вы поаккуратнее, Вадим Егорыч. Зачем девку-то пугать?

— Я не пугал.

— Ну да, ну да. Не подумайте плохого, Вадим Егорович, но я тут послушал что к чему, у вас репутация та ещё.

— Интересно, какая же?

— Да говорят, вы околдовали баронессу в Слободе. Нянька ваша опять же слухов распустила про вас, что едва ли не своими глазами видела, как вы оборачивались.

— Так я оборотень и есть. От дедов-прадедов дар достался. Вся округа про это знает. Никаких проблем с этим у меня не было.

— Как скажете, барин. С дверью-то чего делать будем? Ломать? Навес хилый, могу плечом выдавить.

— Валяй.

Сергей Данилович подошел к двери, примерился, и с разбегу высадил её.

— Вот народ пошёл беззаботный. Раньше в этих лесах ставили такие двери — тараном не выбьешь.

— Такие и ставят, просто Дроговых вроде как никто не трогает. Никогда не трогал.

— Дела... я у вас тут второй десяток лет, а так и не научился вас, лесовиков, понимать.

— Чтобы понимать лес, надо родиться в лесу.

— Да что вы все, сговорились, что ли! Все одно и тоже талдычат.

Пока шёл разговор, они поднялись на второй этаж, где традиционно жила семья барина. Перед закрытой дверью стояла давешняя девка в платке. Она собралась было что-то сказать, но Сергей Данилович попросту поднял её за плечи и переставил, словно тумбочку. Он открыл дверь, Вадим вошел в комнату и с трудом удержался от того чтобы не раскрыть рот от удивления.

— Мама? Папа? Братец? Вы что тут делаете?

— Господин губернатор, моё почтение, — согнулся в земном поклоне Ямзев. Вадим удивленно посмотрел на мужчину с роскошными бакенбардами и кивнул ему.

— Здравствуй Вадик, — сказала мать, — мы тебе сейчас всё объясним.

Вадим не замер с открытым от удивления ртом, не разразился гневной речью, не упал в обморок от избытка чувств, словом, он не сделал ничего из того что надо было бы сделать герою одного из столь любимых им в детстве приключенческих романов. Он повернулся к Ямзеву и сказал спокойным тоном:

— Сергей Данилович, будьте добры, езжайте навстречу солдатам и передайте им мой приказ: взять в блокаду село Тушково. Никого не впускать, никого не выпускать, насилия по возможности не чинить, но действовать решительно. Дождаться меня. Выполняйте.

Старик если и удивился, то виду не подал, а отправился исполнять приказ. Вадим же высмотрел незанятое кресло, уселся в него, закинул ногу на ногу и обратился к присутствующим:

— Господа, прошу объясниться.

— А с чего это нам перед тобой объясняться? — спросил отец, грозно нахмутив брови. Губернатор же лишь усмехнулся и раскурил трубку.

— До меня дошли сведения из заслуживающих доверия источников, что крестьяне взбунтовались, сожгли усадьбу. Семья исчезла. И что я вижу?

— Вы видите свою семью, чудесно спасающуюся, — сказал губернатор, — так чего вам не хватает? Радоваться надо, молодой человек.

— А это что? — Вадим указал на бумаги, которые держала в руках мать, — если мне не изменяет зрение, это документы для выезда за границу. Мама, разреши взглянуть?

Он взял документы из рук жалобно смотрящей на него матери.

— Паспорта для пересечения границы, вид на жительство в землях кайзера, купчая на дом... Кто ж так расщедрился-то? У нас на это денег не хватило бы. Думаю, всё должно было выглядеть так: я получаю письмо о том что моя семья пропала. Сегодня, пока я был бы занят в нашей родной деревне, вёл переговоры с взбунтовавшимися крестьянами и опрашивал свидетелей, вы бы спокойно выехали по единственной дороге, добрались до железной дороги и отправились бы в земли кайзера. Скажи, мама, а ты понимаешь, что дальше было бы? Ты, папа? Вы, господин губернатор? Молчите? Так я вам расскажу. Я заставил бы своих людей по бревнышку разобрать остатки сгоревшей усадьбы. Через сито бы пепел провеял, косточки бы искал. Не нашёл бы, и решил что крестьяне вас убили. Разозлился бы страшно, и пользуясь своей новообретённой властью, покарал бы наших крестьян. Всех до одного. Кого плетью засёк, кого на каторгу сослал бы.

— Да кто их считает-то, землепашцев? — хохотнул губернатор, — я вот, к примеру, и не знаю, сколько их у меня. Ну посёк бы ты их, Вадим Егорович, что с того-то?

— Я сиротой бы остался при живых родителях, это вы понимаете!?

Мать тихонько заплакала. Вадим замолчал.

— Сын, — тихим, но внушительным голосом проговорил отец, — Имение третий год в убытке. Нам хорошие деньги предложили, выезд за границу, пенсия мне назначили. Одно условие поставили: ты должен счесть нас погибшими.

— И ты согласился?

— Да, я согласился, — вскинул голову отец, — я думаю о семье.

Вадим не нашел, что ответить. Он повернулся к губернатору:

— Кто оплатил это представление?

Губернатор молча смотрел на него, попыхивая трубкой. Вадим достал императорскую бумагу и развернул её под носом у губернатора, тот пробежался по ней глазами. Встал.

— Пойдёмте на свежий воздух, молодой человек.

Они вышли на крыльцо, губернатор выбил трубку, потерял её в руках. Ему явно было неловко.

— Ко мне обратились из дворца. Велели устроить всё. Бунт обещали сами организовать, на мне лишь вывоз ваших родителей. Знали бы вы, на какие ухищрения мне пришлось пойти, чтобы ваших маменьку с папенькой безопасно вывезти сюда. Крестьяне с факелами уже вверх по склону бежали, когда мой человек их через лаз в ограде выводил.

— Я должен был счесть их погибшими?

— Мне откуда знать? Вы сами, молодой человек, влезли в такие дела, занимаясь которыми чистым остаться не выйдет. Пеняйте себе, я-то при чём? У вас вон бумага какая есть. Расследуйте.

Губернатор пошёл внутрь.

— Пойдите, — окликнул его Вадим, — скажите матери. Что адрес запомнил. Буду писать.

Губернатор кивнул. Вадим вышел на двор, вскочил в седло и поскакал к Тушково. Что ж, если неведомый кто-то ставил задачу разорвать связи Вадима с семьёй. Он её достиг, они всё равно что умерли. Вопрос лишь в том, кто этот «кто-то».

Прискакав в Тушково Вадим обнаружил, что село засело в глухую оборону, словно во времена набегов степных кочевников на земли Империи. Промежутки между домами на окраинах были завалены деревьями с обрубленными и заостренными ветками, из-за которых выглядывали угрюмые бородатые крестьянские физиономии.

— Еды у них припасено много, колодец в селе есть, так что измором брать не получится, — докладывал ему командир эскадрона, — надо штурмовать. Пойдём в отвлекающую атаку от леса, они все туда сбегутся. Так всегда происходит.

— И сколько погибнет?

— Человек пять наших, кто в первой волне пойдёт, потом, если упрутся, ещё человек пять. Ну что поделаться, такая у нас работа.

— А крестьян сколько?

— Да какая разница. Они всё равно уже не жильцы.

Вадим с точкой смотрел на село. Он мальчишкой бегал по этим улицам, и всегда жители села были к нему добры. А сейчас солдаты пойдут в атаку. Сначала будут осторожничать, но после прольётся кровь, они остервеенеют, и начнётся мясорубка. Солдаты, безусловно, победят, и после победы отомстят оставшимся в живых крестьянам за своих погибших друзей. Они изрубят всех. Если же кто выживет, то после пожалеет об этом. Быстрая смерть от удара копья или палаша гораздо лучше, чем медленное угасание на каторге.

— Я пойду поговорю с ними.

У командира от удивления распахнулись глаза, но он не посмел возразить. Армия держится на субординации.

Вадим пошагал к баррикадам. Не дойдя десятка два шагов, поднял руки и замедлил шаг.

— Вадим Егорыч, это вы? — послышалось из-за завала бревен.

— Да, Игнат, я это.

— Чего хочешь?

— Поговорить.

— А чего говорить? Солдаты нас покрошат всех, нету выхода нам.

— Я подойду?

За баррикадами зашушукались. Вадим замер.

— Ну подходи, барин.

— Руки-то можно опустить?

— Опускай. Ты их поднимал-то зачем?

Вадим подошёл вплотную к завалу из брёвен, неловко вскарабкался наверх, а во время спуска зацепился ногой и свёрзился в уличную грязь. Крестьяне заржали, помогли подняться на ноги. Вадим осмотрелся. Люди вокруг него были вооружены, причём не только топорами, кольями и дубьём, как это обычно подавалось в газетах, описывающих крестьянские бунты. У некоторых в руках были самодельные арбалеты, причём не самого примитивного вида. Другие были вооружены пиками, очень похожими на армейские, было видно, что бунт не спонтанный. Даже если вспыхнул он внезапно, а не по плану, но подготовка явно велась, оружие готовилось заранее.

Вадим преодолел сословную гордость и протянул руку для рукопожатия. Крестьяне начали недоуменно переглядываться. Один выдвинулся вперёд и пожал руку Вадиму. За поясом у него был здоровенный, угрожающего вида тесак.

— Ты, барин, не помнишь меня, наверное. Я Терёха Медоед. Бобыль с окраины, сапоги чиню, прочий мелкий ремонт.

— А теперь ты тут вроде как главный?

— Со вчерашнего дня.

— Не понимаю. А до этого кто был главным?

— Долгий рассказ будет, барин.

— Время есть. Отойдём?

— Нет, барин, говорить при всех будем. Ты только своим для начала приказ дай, чтобы со штурмом повременили. Мы ведь подготовились, знаем их главную уловку. Пойдут сначала в отвлекающий маневр, а потом навалятся с другой стороны.

Вадим усмехнулся.

— Любопытно, где вы премудростям обучились.

— И про это расскажу. Так отдашь приказ?

— А то что?

— Ничего. Ничего не будет. Ни разговора, ни мира. Мы тебя отпустим, солдаты в атаку пойдут. Нам терять нечего, всё одно — каторга, если не смерть. Бабы с детишками отвара выпьют, отойдут в тихости и благости. Мужики кто пожелает, с ними. Кто захочет со мной, с боем на тот свет прорваться, милости просим.

— Что ж, пусть по-твоему будет.

Вадим забрался на баррикаду, помахал рукой. От изготовившихся к атаке солдат к нему подбежал вестовой.

— Передай командиру, что б ранее чем через два часа штурма не начинал. Наблюдайте за этим местом, если подам знак, снова подбежишь за указаниями. Сохранять бдительность. Ступай.

На этот раз он спустился с баррикады без приключений.

— Ну что, рассказывай, Терёха. Что тут произошло?

Терёха сел на чурку и предложил Вадиму сделать то же самое. Он начал рассказывать.

После отъезда Вадима в Слободу дела в хозяйстве шли по-прежнему плохо. Его отец отказывался слушать, когда крестьянский сход в очередной раз обратился к нему с просьбой немного снизить оброк, дабы было с чего оплатить удобрения и инструмента, да и не мешало бы дать земле отдохнуть немного. Лес тоже рубить барин отказывался, хотя можно было бы поправить дела. Мужики попросту вынуждены оказались заняться лесорубным промыслом без ведома барина. Тот узнал, и разозлился сильнее прежнего. Словом, обстановка в деревне была недобрая. И вот тогда появился в Тушково человек один. С виду и не поймёшь, кто таков. Не купец, не бандит, не благородный и не бродяга. Даже как он пришёл никто не видел, просто однажды в деревенском кабаке оказалось на одного посетителя больше, чем обычно. Сначала он сидел тихо, потягивал самогон и помалкивал. Потом, когда все к нему уже привыкли и стал он вроде как свой, тем более что время от времени угощал безденежных да страждущих опохмелиться мужиков, завел человек разговор. Про барина, который книжки свои никому не нужные пописывает, но оброк взимать не забывает. Про барыню, платья которой обходятся селянам в бочки пота и надорванные спины. Про сынка старшего, что упротил папу не рубить лес, поскольку он там фазанов ловит. Ну а потом, когда к нему прислушиваться стали, одним вечером он заговорил о том, что от Тушково до города далеко, и ведёт туда всего одна дорога. Про то, что барская магия в сущности безобидна, ледяными глыбами или сполохами пламени кидаться он не умеет. Про то, что убивать никого не потребуется, да и жечь барскую усадьбу незачем. Надо просто поугатать немного, что бы понял помещик, что он в глухом лесу, а вокруг него мужики, серьёзные да решительные. Про то ещё говорил, что у многих мужиков такие мысли. И ведь не врал. Давно уже бродяги да мелкие торговцы письма приносили, в которых говорилось, что надо готовиться к большому делу. Давно мужики втайне от бар на сэкономленные с великим трудом деньги покупали боевое железо. Это было чем-то вроде игры, втайне от помещиков. Между собой говорили мужики, что время придёт, и тогда они возьмут свою меру, только это было делом будущего. Далекое, смутного будущего. Никто и не ожидал, что это начнётся сейчас. А оно началось.

Мужики собрались толпой и пошли к барину переговорить. Вытребовать наконец, у него отсрочку платежа. О лесе поговорить. Хозяйство-то общее, доходы барина берутся из мужицких доходов. Непонятно только, кто усадьбу поджёт, и куда барин с женой и сыном делится. Но ведь солдатам-то не докажешь?

— Вот так и произошло, что сидим теперь в осаде, да собираемся к предкам подаваться. На этой земле нам места, похоже, нет больше.

— А где тот человек, что воду мутить начал?

— Так он сбежать хотел. Мы его посадили под замок. Он кашу заварил, так что и хлебать её будет с нами.

Вадим оперся лбом о подставленную руку и наморщил лоб. Надо, чтобы крестьяне решили, что он думает тяжкую думу. Может ещё начать губами шевелить? Нет, это будет уже перебор. Он на само деле уже всё придумал, но привыкшие к неторопливой, рассудительной жизни крестьяне не поверят, что вот так быстро было принято важное решение. Так что надо посидеть, поморщить лоб. Потом встать. Заложить руки за спину и вперить взор вдаль. Глубоко вздохнуть. После рубануть по воздуху ладонью, повернуться ко всем и сказать:

— С одной земли мы, братцы. От одного корня, с одной ветки листья. Не могу я вас отдать солдатам!

Крестьяне заволновались, придвинулись поближе, ловя каждое слово Вадима.

— Родителей моих не вы взяли, в том я уверен. И усадьбу не вы пожгли, так?

Неровный гул собравшихся был ответом.

— А раз не вы, то и спроса с вас быть не может. Пока отца не найду, я на этой земле владетель. Согласны?

— Согласны!

— А раз я владетель, то и вину вам прощаю. Разбирайте завалы, я отзову солдат!

Недоверчивое молчание было ему ответом.

— А с боевым железом что делать будем, барин? — спросил Терёха.

— Нету никакого боевого железа. Я не видел. И ещё, человечка того солдатам отдайте, на суд.

Терёха почесал в затылке. Протянул тесак стоящему рядом рыжему мужику:

— На вот, спрячь где-нибудь, — и пошёл к завалу, принялся вытаскивать бревно. Следом за ним потянулись остальные, попутно сбрасывая на руки и под ноги рыжему запрещённое оружие. Вадим же дождался, пока в завале образуется проход, и вышел через него под одобрительные крики мужиков. На прощание он ещё раз пожал руку Терёхе, чем взвал новый шквал одобрительных криков.

Когда Вадим вернулся к солдатам, командующий первым делом спросил:

— Что это сейчас было?

— Бунты надобно не подавлять, а предотвращать, — назидательным тоном сказал Вадим, — правильно я говорю, Сергей Данилович?

Старик одобрительно кивнул.

— Беспорядки прекращены. Расследование пропажи семьи я беру в свои руки. В докладе упомяну высокий профессионализм приданного мне эскадрона. Возвращаемся домой.

При первой же возможности Вадим сменил седло на удобное, а главное — мягкое сиденье в карете. Однако ж, хоть он не прекратил пользоваться целебной мазью, у него болело всё, что ниже пояса и выше коленей. Он терзался вопросом, как ухитряются иметь детей те, кто постоянно ездит верхом. После долгих размышлений он решил, что есть два варианта: либо детей заводят до того как начинают ездить в седле, либо пользуются услугами детских приютов.

Карета въехала в ворота особняка Валицыных, Вадим вышел и сразу же направился в рабочий кабинет князя. Тот явно его ожидал.

— Входите, вадим Егорович, располагайтесь. Я уже читал доклад о ваших действиях в родовом поместье, должен признать, действовали вы профессионально, без лишних эмоций.

— Вы тоже, князь, действовали профессионально и без лишних эмоций.

— Что вы хотите сказать, Вадим Егорович?

— Я привёз с собой человека, который по сути и устроил бунт. Сначала я было решил, что это агент радикалов, но после, сопоставив все факты, понял, что это провокатор. Стало быть, по вашему ведомству числится.

— И зачем же мне эта провокация? — иронически выгнул бровь князь.

— первой моей мыслью было что это, так сказать, инициация. Вы хотите разорвать мои связи с семьёй, взрастить в моей душе ненависть к радикалам...

— Дилетантский подход, — небрежно обронил князь.



— И я пришёл к такому же выводу. Не того калибра я личность, что бы так со мной возиться. Это просто совпадение, не так ли? Для вас произошедшее в моём поместье это небольшая операция, сродни вскрытия набрякшего гноем чирея, для предотвращения заражения всего организма в целом. Судя по услышанному мной, идет планомерная подготовка полномасштабного восстания, которое охватит земледельческие районы Империи. Вы рассылаете провокаторов и сбрасываете копящееся в крестьянских массах напряжение через локальные восстания.

— А заодно наращиваю своё влияние при дворе, — с улыбкой сказал князь, и добавил:

— Всё так, как вы сказали. Верны обе версии. Если вы намерены работать со мной, ваша семья — рычаг влияния на вас. Я вывез её из страны.

— Знаю. Я видел документы.

— Это липа.

— Что!?

— Я не уверен в благонадёжности губернатора. Если ему взбредёт в голову поделиться с кем-то новым адресом вашей семьи, злоумышленников там будут поджидать мои люди.

— Я смогу с ними увидеться?

— Да, но очень нескоро. Ну а сейчас отдыхайте. У нас ещё очень много работы.

Сквозь плотно задернутые шторы пробивалось солнце. Вадим натянул одеяло на голову и попытался снова уснуть. Не получилось, сколько бы он ни ворочался с боку на бок. Отшвырнув одеяло он сел на кровати. Что ж, если уж встал, надо что-то делать. Вадим оделся и пошёл добывать завтрак. Он осторожно выглянул из-за угла, убедился что в столовой никого нет и уже смелее пошёл к столу.

— Доброе утро.

Вадим вздрогнул. Князь Валицын стоял у стены и разглядывал картину. Разумеется совершенно случайно он стоял в том самом месте, которое от входной двери не просматривалось.

— Доброе утро, князь.

Он сел за стол, слуги засуетились и вскоре перед ним появился поднос с завтраком. Валицын терпеливо дождался, пока Вадим доест свой омлет, и заговорил:

— Я понимаю, что вы тяжело переживаете потерю связи с семьёй, но дела не ждут. Вам пора возвращаться к работе.

— Может быть, отпустите меня домой? — внезапно даже для самого себя спросил Вадим.

— Нет, Вадим Егорович, не отпущу. Давайте расставим все точки над «і»: вы теперь работаете на меня. Будете работать хорошо, будете жить хорошо, и когда я говорю «хорошо», это означает «по высшему разряду». Карета, рестораны, охранная грамота с личной подписью Императора, орден Лазаря, да всё что угодно. В конце концов, моё личное покровительство.

— И ко двору меня представите? — иронически протянул Вадим.

— Как в воду глядите, Вадим Егорович. Именно это я и намерен сделать. В следующем месяце Её Величество Императрица Елена даёт бал во дворце. Я могу провести вас туда в качестве приглашенного гостя.

— Солидный пряник. Думаю, и кнут имеется.

— Само собой, Вадим Егорович. Откажетесь работать на меня, и я вас уничтожу. Вашу, разумеется, семью тоже.

Вадим посмотрел в глаза Валицыну. Князь смотрел на него словно на запись в бухгалтерской книге.

— Что ж, — сказал Вадим как можно более покорным тоном, — между смертью и жизнью в достатке я выбираю второе.

— Ну и отлично. У меня для вас есть задание. Надо выяснить, кто стоит за радикалами, злоумышляющими против власти Его Величества. Начните, пожалуй, с господина Ничацкого.

— Где мне его искать?

— Понятия не имею. Поищите по ресторанам, отелям, салон. Можете попробовать заглянуть к нему домой, но Орест Лейбович не любит принимать гостей.

— Князь, рестораны Александровской Слободы довольно дороги.

— Разумеется. Пишите расходы на мой счёт, я оплачу.

— Прошу прощения за мои сомнения, но я попал к вам из Гнилушки, где меня завербовали в качестве дешевого заменителя слуги, мне сказали что ваши дела идут не

лучшим образом и вы даже не можете себе позволить нормального дворецкого...

— Вадим Егорович, вас привезли сюда потому что я распорядился. Вы неплохо проявили себя на службе у баронессы Эйзенхаузен. И не будем больше об этом. Как узнаете, кто является конечным получателем денег Ничацкого, дайте мне знать. До тех пор прошу не беспокоить.

Сказав это князь вышел. Вадим встал и пошёл к себе. В конце концов, ехать в ресторан утром не лучшая затея. До вечера куча времени, надо подготовиться. А ещё надо поразмыслить над словами князя о семье. Он угроза.

Вечером Вадим при полном параде уселся в карету — роскошную, но без герба на дверце — и велел кучеру ехать в «Царскую охоту». Раз уж князь дал понять, что расходы не имеют значения, хоть побывать в самом дорогом ресторане Империи, если не всего мира. Учитывая то, какие суммы проходили через счета баронессы Эйзенхаузен от господина Ничацкого, развлекается он наверняка именно здесь.

Вдоль колоннады, обрамляющей вход в здание выстроились слуги с факелами в руках. Вадим поднялся по пологим ступеням и вошёл в ресторан.

— К сожалению, свободных мест нет, — с низким поклоном сказал слуга.

— Для князя Валицына тоже нет?

— Прошу прощения, но вы не князь Валицын.

— Конечно нет. Князь уступил мне на сегодняшний вечер своё место и распорядился отнести все мои расходы на его счёт.

После секундного колебания слуга пригласил Вадима за столик. Он глянул в меню, ничего там не понял и решил наугад заказать несколько блюд, ориентируясь на высокую цену. Раз уж князь решил, что Вадим его собственность, пускай платит.

Уткнувшись с умным видом в меню, одновременно с этим Вадим осматривался. Ресторан был заполнен цветом имперской аристократии: от баронов, князей, графов, финансовых воротил и иностранных послов рябило в глазах. В нише за столом расположился рыжебородый великан — Феофан Домидов, один из богатейших людей Империи, самый высокопоставленный из Тёмных магов. Собственно и во внутренней иерархии тёмных семейств Домидовы стояли выше всех. Для стихийных магов все тёмные были существами второго сорта, не столь низкими как простолюдины, вовсе лишённые магического дара, но всё равно ниже стихийных. Официально в Империи все владеющие магическими способностями были равны, относились к одному сословию, но древние предубеждения невозможно было отменить императорским указом к тому же, во всех остальных странах тёмные были вовсе вне закона.

Среди тёмных тоже была своя иерархия, в которой верхнюю ступеньку занимали те, кто мог управлять сознанием, внушать иллюзии и брать людей под контроль. За такими особо пристально следила церковь и императорская гвардия. Один из прошлых императоров проявил мудрость и всех тёмных высшей категории переселил в Слободу и её окрестности, дабы было проще за ними наблюдать. Домидов, возможно, не был сильнейшим тёмным магом. Но уж точно был самым богатым и влиятельным, он даже приятельствовал с самим князем Плечеевым, сыном и наследником второго по значению рода после императорского.

Вадим размышлял, имеет ли смысл подойти к Домидову и представиться, или же лучше остаться для него незаметным. Второе было предпочтительнее, его с детства учили, что для мага со столь слабым даром лучше жить незаметно, не попадаясь на глаза сильным мира

сего. Но кто сказал, что это правильно? Родители? К бесу их, они его продали за уютный домик в кайзерских землях. Вадим решительно встал, собираясь подойти к рыжебородой живой легенде, но вовремя увидел, что к нему за столик садится невысокая женщина с чёрными волосами. Она показалась Вадиму смутно знакомой. Где он мог её видеть? Женщина сидела к нему спиной, и не представлялось возможным разглядеть её лицо... тут её окликнули, она повернулась и Вадим мельком увидел изумрудно-зелёные глаза. Его словно молнией ударило. Тот кошмар в первую ночь в доме Валицыных, видение из детства, исчезнувшее как только он собрался прикоснуться. Он принял тогда эти зеленые глаза за шутку князи и его сестры, но, похоже, они не имели к этому никакого отношения. Вадим ощутил острое желание познакомиться с ней.

— Вы уже определились с выбором?

Официант выжидающе смотрел на Вадима. Тот решительно захлопнул меню и сказал:

— Мясо по-татарски. Оно у вас свежее?

— Разумеется.

— Я бы хотел не мясо с ледника, а свежее. То, которое будет забито сейчас, а не до того как я вошёл сюда. Это можно устроить?

— Безусловно. Мы располагаем запасом живой... ээээ.... — официант явно не знал, какое слово употребить.

— Скотины, — подсказал Вадим, — ещё мне хотелось бы отведать одно блюдо, которое готовят у меня на родине. Жареная кровь. Это тоже возможно?

— Заказ необычен, но, думаю, мы справимся.

— Отлично. А не могли бы вы принести мне свежую кровь перед приготовлением? Я бы хотел убедиться, что всё будет сделано как дома.

Официант поклонился и отправился восвояси.

Князь Валицын сказал недавно, что стихийные маги используют в своей волшебстве силы природы, а тёмные — жизненные силы людей. Он был прав лишь отчасти. Да, тёмное волшебство требовало траты жизненных сил. Что обидно, управление сознанием не отнимало много энергии и творящие такое колдовство вполне обходились внутренними запасами. А вот оборотничество потребляло просто прорву сил. Хотя было намного менее эффективно. Стихийные маги и простолюдины были уверены, что темные маги могут восполнить недостаток энергии за чужой счёт. Отсюда эти сказки о вампирах, человеческих жертвоприношениях и прочая дичь. На самом деле свиная или коровья кровь в этом вопросе ничем не отличается от человеческой. Вадиму потребуются заёмные силы, чтобы обратиться и удерживать облик достаточно долго, так он сможет подобраться к женщине с зелёными глазами поближе. Свежее сырое мясо и кровь дадут ему необходимые силы. Однако, следует быть предельно осторожным. Пользоваться заемной силой темным магам строжайше воспрещено, если его поймают, кара будет жестокой, не спасёт даже Валицын.

— Извольте убедиться, — официант держал поднос с глубокой миской, тщательно скрывая брезгливость. На дне миски темнела кровь. Вадим наклонился, внимательно осмотрел. Кровь свежая, ещё не начала сворачиваться. Он окунул в миску палец и сунул его в рот. На лице официанта отразилось омерзение.

— Действительно, свежая. Можете унести на кухню. Мой заказ готов?

— Сейчас же принесу.

Официант ушел с видимым облегчением. Вадим ощутил прилив сил, энергии, которая рвалась наружу. Хотелось бегать, плясать, кричать в полный голос. Давно забытое

ощущение. Он пользовался запретной силой только один раз, в детстве, под присмотром родителей. Они тогда отвели его в глухой лес, на поляну, окруженную замшелыми, утонувшими в земле валунами. Отец зарезал курицу. О случившемся после этого Вадим предпочитал не вспоминать. Так проще было держать жажду под контролем.

Ему принесли мясо по-татарски, он съел всё до последней крошки и понял, что теперь может держать облик хоть всю ночь. Прикрыв глаза, он вызвал в памяти образ сына помещика из соседнего села. Они были ровесниками, и в детстве часто играли вместе, и после регулярно ходили на речку, рыбачить. Он всегда нравился девушкам. Приняв облик, Вадим встал и направился к столу Домидова.

— Разрешите представиться, Мирослав Ершов, — сказал он и поклонился в пояс.

Домидов посмотрел на него недовольным взглядом.

— А вы, собственно говоря, кто вообще такой? — прогудел он.

— Я же сказал — Мирослав Ершов.

Граф Домидов выпучил глаза, встопорщил бороду и, похоже, всерьёз собирался встать и безо всякой магии разобраться с наглецом. Его остановила зеленоглазая девушка:

— Успокойся, Феофан. Мальчик ведёт себя вежливо, так зачем хамить?

Домидов в ответ пробурчал что-то неразборчиво и принялся перемалывать салат своими мощными челюстями. Он был похож на медведя вдруг решившего полакомиться лопухами. Вадим невольно улыбнулся. Девушка решила, что улыбка адресована ей и улыбнулась в ответ.

— Что ж вы стоите, присаживайтесь. Вина?

— Благодарю, сударыня, я не принимаю подарков от незнакомых людей, даже если это красивые женщины.

— Кавалер, да к тому же знаток старинных традиций! Что ж, меня зовут Велемира Воронова. Теперь примите от меня кубок?

— Даже если он отравлен.

Велемира расхохоталась. Домидов смотрел на Вадима зверь зверем.

— Если не ошибаюсь, — Велемира очаровательно наморщила лобик, — род Ерша происходит из Орловских лесов?

— Именно так, сударыня.

— И что же привело вас в Слободу?

— То же, что и всех. Желание добиться большего.

— Вы младший сын?

— Нет, сударыня, я унаследую земли после смерти отца, но, боюсь, этого мне мало.

— Насколько я помню, Ерши испокон веков занимались управлением животными?

— Вы всё помните верно.

Домидов хмыкнул.

— Не очень-то полезный в городе дар. Хотя, можете в цирке выступать. Могу составить протекцию, если угодно.

— Отчего же. Я, к примеру, могу заставить мошку влететь вам в рот, граф.

— Какой ужас, я закашляюсь.

— Это смотря куда её направить. Можете и задохнуться.

— Да как ты... — начал граф и тут же осёкся под взглядом своей спутницы.

— Что ж, это было приятное знакомство, вынужден откланяться.

Велемира протянула ему руку для поцелуя, Домидов продолжал поглощать салат, делая

вид, что Вадима не существует. Вадим вернулся за свой стол, ему подали жареную кровь, он немного поел, попросил записать всё на счёт князя Валицына и вышел на улицу. Похоже, Велемира Воронова крутит Домидовым как хочет. Учитывая, что граф располагает едва ли не безграничными финансовыми ресурсами, вполне возможно, что он и платит мятежникам. Непонятно, зачем это ему, но может быть он делает всё против своей воли. Но кто же эта девица? Она очень сильный маг, раз смогла явиться Вадиму. А после исчезнуть. Настолько сильные маги, к тому же тёмные, не берутся из ниоткуда. У неё есть прошлое, есть предки, такая сильная семья должна была оставить след в истории в конце концов. Есть два варианта: попробовать проследить за ней, или же попросить Валицына о доступе к его архивам. К тому же, у него наверняка есть сведения обо всех прибывающих в Слободу. Что выбрать?

От мук выбора Вадима избавила сама Воронова, она вышла из «Царской охоты» и встала на ступенях. Вадим набрался смелости и подошёл к ней:

— Рад снова приветствовать вас, простите, не запомнил, как вас титуловать.

— Я не признаю титулы. Скажите, у вас карета есть? — неожиданно спросила она.

— Разумеется.

— Отвезёте меня куда скажу?

— К вашим услугам, — как можно галантнее ответил Вадим.

Он жестом подозвал свой экипаж, открыл дверцу и помог Велемире сесть, после забрался в карету сам.

Кучер понял ситуацию по-своему и направил экипаж прямо, никуда не сворачивая. Велемира молчала, глядя в окно. В желтом свете фонарей она была чудо как хороша.

— Скажите, Мирослав, а как вы относитесь к стихийным магам? — спросила она тихим голосом, не отрывая взгляда от окна.

— Никак, — ответил он равнодушно, — а как к ним относиться?

— Вас не смущает, что наши собратья находятся в подчинённом положении? Что наше естество под запретом?

— Это несправедливо, — осторожно ответил Вадим. К чему она клонит?

— Несправедливо, — горько произнесла она, — Несправедливо. Слишком мягкое слово для того что происходит на нашей древней земле.

— По крайней мере, нас не жгут на кострах.

— И вы благодарны им за это? — она наконец повернулась к нему лицом. Вадим с трудом удержался от того что бы отвести взгляд. Он не знал что ответить. И, хоть ему и не хотелось в этом признаваться, она была отчасти права.

— Остановите здесь, — попросила Велемира.

Вадим постучал по передней стенке, кучер притормозил. Девушка выпорхнула из кареты и растворилась в темноте. Вадим помолчал немного, после велел кучеру править в сторону отеля «Сераль». Пора переговорить с господином Ничацким. Уже есть кое-какая информация, можно попробовать взять его на блеф.

Карета подкатила ко входу в «Сераль», Вадим уже знакомым по прошлому посещению путём добрался до номера и постучал в дверь. К его огромному удивлению, ему открыла дверь Велемира. Как она умудрилась добраться сюда раньше его, да ещё переодеться, было совершенно непонятно.

— Ну входи, раз пришёл — промурлыкала она.

Внутри номера Орест Лейбович возлежал на подушках и попыхивал кальяном, словно

не двигался с места с того самого дня, когда Вадим навещал его в компании баронессы Эйзенхаузен. Велемира улеглась рядом и указала Вадиму на место напротив.

— Итак, сыночек баронессы сам пришёл в мои мягкие лапки.

— Баронесса вышвырнула меня, и я теперь ищу способ ей отомстить, — сказал Вадим первое, что взбрело в голову.

— Сыночек хочет отомстить мамочке? — Велемира плотоядно улыбнулась.

— Хватит называть меня сыночком! Баронесса использовала меня!

— Она не в первый раз так делает. Видишь ли, баронесса потеряла любимого сына при трагичных обстоятельствах. Теперь у неё слабость к молодым людям определённого типа, — сказал Ничацкий.

— Так что привело тебя к нам? — спросила Велемира.

Мысли в голове Вадима понеслись вскачь.

Вадим неторопливо улегся на подушки напротив Велемиры, поёрзал немного, устраиваясь поудобнее — словом, он тянул время, и это не осталось незамеченным господином Ничацким. Он умудрился выразить своё отношение к простодушной хитрости Вадима затянувшись дымом из кальяна. Вадим никогда раньше не думал, что бульканье кальяна может звучать насмешливо.

— Дело в том, — сказал он, — что я работаю на князя Валицына и направлен им сюда для слежки за вами.

— О как, — деланно удивилась Велемира, — продолжай, мне становится интересно. А тебе, Орест Лейбович?

— Это сулит прибыть?

— Не знаю. Думаю, нет.

— Тогда мне не интересно.

Вадим подождал, пока они перестанут и продолжил. В голове у него начал вырисовываться рискованный план.

— Как я сказал, меня направили следить за вами, Орест Лейбович. Я должен выяснить, снабжаете ли вы деньгами радикалов из подполья, кто эти люди, где находятся и так далее. Валицын хочет выслужиться перед Императором, раскрыв заговор.

— Да, позиции князя при дворе в последнее время пошатнулись, — небрежно обронил Ничацкий, — даже сестра работает против него.

— Империи нужны перемены, — улыбнулась Велемира, — вы так не считаете?

— Если честно, мне плевать. Я прибыл в Александровскую Слободу чтобы достичь высокого положения и соответствующего дохода.

— А он начинает мне нравиться, — Ничацкий глянул на Вадима с интересом.

— И зачем же вы ввалились к нам и откровенничаете? — спросила Велемира, — вы ведь только что предали главу полиции Империи. Это либо смелость, либо глупость.

— Ни то, ни другое. Это хладнокровный расчёт. Работая на Валицына я не займу иного положения, чем то, которое занимаю сейчас. С вами же возможно получить больше.

— С чего вы так решили?

— Вы хотите совершить переворот. Значит, вам потребуются люди, старую элиту вы ведь если не уничтожите, то уполовините. Появятся свободные места.

Велемира и Ничацкий переглянулись.

— Продолжайте, — велела она.

— Я предлагаю вам сведения о работе князя. Я живу в его доме, я ем за его столом. Я вхож в его кабинет. Дайте мне что-нибудь, что я смогу выдать ему за успех, и я продолжу работать на него. Вы будете знать всё, что узнаю я, а это немало.

Ничацкий снова забулькал кальяном. Теперь он смотрел на Вадима так же, как смотрел Валицын недавно, как на цифры в бухгалтерской книге. Молчание затянулось, наконец Орест взял с низкого столика колокольчик и позвонил в него. Через несколько мгновений открылась неприметная дверь и в номер вошёл невысокий, но невероятно широкоплечий мужик со сломанным носом и низким покатым лбом.

— Убей его, — будничным тоном приказал Ничацкий, ткнув в сторону Вадима мундштуком кальяна.



Вадим опешил. Он не успел как либо отреагировать, как мужик сгрёб его за шею, поднял и начал душить. Лицо его не выражало эмоций. Он словно дрова рубил или чистил зубы, всё происходило совершенно обыденно. В глазах у Вадима потемнело.

— Отпусти, — велела Велемира.

Мужик уронил Вадима на пол. Тот закашлялся.

— Так не интересно. Лучше зарежь его. Только чтобы крови много не было, я запах не переношу.

Мужик вытащил из-за пояса узкий нож, замахнулся. Вадим смотрел на лезвие. В голове его пронеслось: сейчас и узнаем, как работает орден Лазаря. Как там говорил князь, четыре дня может жизнь поддерживать? Не страшно. Хотя волосы на затылке зашевелились.

— Хватит, можешь идти, — распорядился Ничацкий, и мужик так же спокойно сунул нож обратно за пояс и скрылся за потайной дверью.

— А ты смелый, — с улыбкой сказала Велемира.

— И совершенно аморальный. Продажный, эгоистичный и нахальный тип. Думаю, он нам подойдёт.

Велемира протянула Вадиму мундштук. Он затянулся и тут же закашлялся. Велемира негромко рассмеялась.

— Выйди на террасу, подыши, а мы пока обсудим, что можно тебе поручить.

Продолжая кашлять, Вадим вышел на террасу. Вид, надо признать, отсюда открывался отличный. С такой высоты вся Слобода была как на ладони. Вадиму раньше не приходило в голову, что Александровская Слобода настолько правильной формы. Оказывается, она совершенно круглая. Он постоял немного, дыша свежим воздухом. Надо признать, его план небезупречен, и сильно зависит от того, повезёт ему или нет. Поверить они ему не поверят, но если решат вступить в игру, уже хорошо. Вадим не надеялся переиграть столь опытных заговорщиков, но вот князь Валицын вполне может. Главное сейчас любыми путями выбраться отсюда.

Зазвонил колокольчик. Вадим решил, что на этот раз зовут его, заглянул в комнату и вопросительно посмотрел на Велемиру. Что-то подсказывало ему, что главная здесь она.

— Входи.

Вадим подошёл к ним, но садиться не стал.

— Возьми конверт, — сказал Ничацкий. Вадим наклонился и взял конверт со столика.

— Отнесёшь его по адресу, который на нём написан. Там тебе скажут, что делать дальше.

— К утру мне необходимо попасть к князю Валицыну. И мне надо что-то ему дать.

Ничацкий смотрел на него как на комнатную собачку, нагадившую на персидский ковёр.

— Скажешь ему что деньги Домидова через банк Ничацкого и баронессу Эйзенхаузен переводят подпольщикам. Они готовят крестьянское восстание в центральных губерниях. Перед этим начнутся волнения на заводах Домидова. Граф попросит Его Величество о помощи, помощь, само собой, будет оказана. Войска отправятся на восток, а в это время восстанут крестьяне. Они блокируют Слободу. А стоят за всем этим островитяне.

Ничацкий уставился на Воронову. Та игриво улыбнулась в ответ.

— Естественно, всё сразу говорить не надо, дозируй информацию. Нам с тобой предстоит долгое и очень плодотворное сотрудничество. Только не надо ехать на карете, пройдите пешком. Тут совсем близко.

Вадим поклонился и вышел. Пока спускался на лифте он прочитал адрес. Действительно, это недалеко, пешком минут пять идти. Вадим отпустил кучера, и пошагал по адресу. Вскоре он подошёл к нужному особняку. Небольшой, неприметный особнячок, без сада и ограды, так что Вадим поднялся по ступенькам и постучал. Дверь открылась. Вадим ожидал увидеть обычного дворецкого, с прямой осанкой, надменным взглядом и благородной сединой. Однако, дверь открыл низкорослый мужичок, с короткой бородой, в рубахе навывпуск и хромовых сапогах. Он молча смотрел на Вадима. Тот почувствовал неловкость.

— Меня послала к вам Велемира Воронова.

Мужик по-прежнему храня молчание сделал шаг назад, освобождая проход. Внутри особняка было темно, ни свечей, ни светильников.

— У меня послание. Кому я могу его передать?

— За мной иди, — просипел мужик.

Он пошёл вглубь особняка быстрым шагом. Похоже, видит в темноте как кошка. Вадим старался не отставать. Глупо будет потеряться в незнакомом здании. Миновав коридор и два лестничных проёма они оказались в скупом освещённом помещении с низким потолком. Окон не было видно, либо они отсутствовали, либо были задрапированы. Вдоль стен расставлены кровати, на которых лежали, сидели, читали, курили и негромко беседовали между собой мужчины и женщины. У некоторых были перебинтованы головы и руки. Запах стоял ужасный, словно в переполненной крестьянской избе. На вошедших никто не обратил ровным счётом никакого внимания.

Вадим покрутил головой, пытаюсь определить, кто тут главный. Наконец, не сумев понять, он просто подошёл к ближайшей кровати, на которой сидел молодой человек в очках. Он читал книгу.

— У меня послание от Велемиры Вороновой, — сказал Вадим. Парень оторвал взгляд от книги, посмотрел на него поверх очков.

— Говорите, я слушаю.

Вадим протянул ему конверт. Парень распечатал его, вытащил письмо, быстро пробежал по нему глазами.

— Сергей, отменяй вылазку, — сказал он. Все замолчали, — парня проводи в подвал. Его Велемира прислала.

С соседней кровати поднялся рослый парень, выглядящий так, словно долго пробыл на каторге, бежал оттуда и только недавно оказался в Слободе. Возможно, так оно и было. Он подошёл к Вадиму, смерил его цепким взглядом.

— Оружие есть?

— Нет.

— Посиди пока... где-нибудь. Я скоро вернусь.

Каторжник ушёл, а Вадим остался стоять. Он с интересом разглядывал людей на кроватях. Значит вот они какие, радикалы-подпольщики. С виду обычные люди. Разговаривают, едят, книжки читают. Интересно, а как они сюда попали? В таком виде по улицам Слободы разгуливать нельзя, гвардейцы сразу задержат.

Вскоре вернулся каторжник.

— Иди за мной.

Когда они шли вдоль ряда кроватей, Вадим чувствовал на себе колючие, неприятные взгляды. На одной из кроватей сидела девушка. Она смотрела на него широко распахнутыми

глазами. Сидящий рядом с ней парень обнял её за плечи. Она уткнулась парню в плечо. Кажется, заплакала.

В дальнем конце помещения была дверь, за которой начиналась крутая винтовая лестница. По ней Вадим в сопровождении каторжника спустился вниз и, наконец оказался в подвале. Скорее даже, это был не подвал, а пещера. Похоже, особняк был построен над ней, а саму пещеру приспособили для хозяйственных нужд. В пещере даже небольшой ручей имелся, он вытекал из одной стены, и исчезал в яме у противоположной. Под потолком пещеры закреплён магический светильник, Вадим даже прищурился. Каторжник толкнул его в спину. Перед Вадимом полукругом стояли странно выглядящие люди, словно сошедшие с иллюстраций книг о древних временах. Звериные маски на лицах, звериные шкуры на плечах.

Каторжник сзади накинул на шею Вадима верёвку и повалил его на землю. Кто-то навалился на ноги, его подняли и понесли к плоскому камню в дальнем углу пещеры. Положили, растянув руки и ноги в стороны, человек в маске совы держал его голову обеими руками. Другой, в маске с оленьими рогами, занёс над головой короткий деревянный кол. Второй раз за день убивать будут, пронеслась в голове Вадима неуместная мысль. Он даже улыбнулся.

— Подождите немного! — от лестницы послышался знакомый бас.

Человек с оленьими рогами повернул голову.

К ним спешили двое: рыжебородый здоровяк Домидов и незнакомый Вадиму худощавый человек.

— Ты что творишь, Феофан!? — пророкотал человек с рогами.

— Мой дом, что хочу то и делаю, — парировал Домидов. Он, похоже, был изрядно навеселе, — мой друг желает увидеть ау. аут. а-у-тен-тич-ный обряд. Тёмный и кровавый. Так что давайте там, режьте. Кого режем, кстати?

Он растолкал людей в шкурах, посмотрел на Вадима.

— Не повезло тебе, парень. Но что поделаешь, судьба твоя такая. Вы откуда его взяли?

— Велемира прислала, — подал голос каторжник, — он про нас разнюхивал.

— Эх, вот угораздило же меня связаться с этой ведьмой... В доме подпольщики, в подвале тёмные колдуны. Кошмар!

— Феофан, — сказал его спутник со странным акцентом, — так что, будут резать?

— Только давай без призывов всяких, — сказал Домидов рогатому.

Рогатый не удостоил его ответом, и с размаху всадил Вадиму кол к грудь.

Это было больно. Очень и очень больно. Просто до невозможности больно. Уже теряя сознание, Вадим с удовлетворением заметил, что кол остался торчать в его груди, так что кровь не вытекала.

Он пришёл в себя от того что ему было жарко. Открыв глаза Вадим понял что лежит в придорожной канаве, солнце уже высоко, и жарит со всей силы. Похоже, орден Лазаря всё-таки сработал, и он не умер. Кол, торчащий из груди, доставлял неприятные ощущения, но вытаскивать его было нельзя, князь предупредил, что от кровопотери колдовство не защитит. Он с трудом встал на ноги. Нет, с колом в груди идти в Слободу нельзя. Пошатываясь, он выкарабкался из канавы, осмотрелся. Хорошо что перед тем как воткнуть ему кол в грудь, люди в звериных шкурах расстегнули пиджак и рубашку. Вадим сел на землю, набрал в ладони земли, скатал в шар, выдохнул, схватился за кол и с силой дернул.

Кол вышел из груди с противным хлопанием. Из раны потекла тягучая, густая кровь. Вадим спешно залепил дырку в груди комком земли, застегнул рубаху, пиджак и поднялся на ноги. Ощущения были более чем странные, но боли Вадим не чувствовал. Он потрогал себя за шею. Пульса не было. Задержал дыхание, подождал немного. Понял, что необходимости дышать тоже нет. Ему пришло в голову, что орден действует очень даже неплохо, но в этот момент он почуял неприятный запах. Вот же чёрт. Он сейчас фактически мёртв, а мёртвые в такую жару быстро начинают гнить. Надо поторапливаться. Обмануть стражу у ворот он ещё сможет, если со смертью его способность оборачиваться не пропала. Он прикрыл глаза, вызвал в памяти образ князя Валицына. Посмотрел на грудь. Залепленная комом земли дыра исчезла. Что ж, не всё так плохо. Вадим вернулся в свой неприглядный облик и поковылял по дороге, надеясь, что выбрал нужное направление.

Вечером он лежал в кровати, над ним колдовал вызванный князем Валицыным лекарь. Он долго ковырялся в ране, что-то сшивал, что-то вычищал. Хорошо что Вадим практически ничего не чувствовал. Наконец, после многих часов стараний лекарь окончил свою работу. В завершение он дал Вадиму выпить что-то просто невероятно неприятное на вкус и сердце начало биться. Тело Вадима свело судорогой, ощущения вернулись к нему. Стало больно. Почти так же больно, как когда его убивал человек в рогатой маске.

— Отлежитесь, молодой человек, и лучше больше никогда не прибегайте к такому способу выживания, — он бросил неприязненный взгляд на орден Лазаря, который Вадим сжимал в руке.

— А если другого способа нет?

— Есть. Он называется «осторожность». Иными словами, не лезьте на рожон, думайте перед тем, как что-нибудь предпринять. Найдите себе, в конце концов, безопасное занятие!

— Боюсь, господин Исупов, для этого уже поздно, — сказал князь Валицын. Он присутствовал в комнате на протяжении всей операции.

Лекарь поджал губы, собрал инструменты в саквояж, сухо попрощался и вышел.

— Что ж, Вадим Егорович, надеюсь, вы узнали что-нибудь важное. Всё-таки умерли вчера, не хотелось бы чтобы это было напрасно.

Вадим вкратце пересказал всё что с ним произошло.

— Самое важное что я заметил, это то, что все сплошь радикалы носят грим. Парики, накладные усы, прочие способы изменить внешность. Так что, возможно, я смогу проникнуть в их ряды.

— Не побоитесь?

— Думаю, умирать страшно только первый раз, — попытался сыронизировать Вадим. Князя его попытка не впечатлила.

— Не обольщайтесь. Орден Лазаря больше одного раза одним человеком не применяется.

Вадим постарался скрыть досаду.

— Всё равно, надо с ними бороться.

— Желаете отомстить за собственную смерть?

— Не только. То, что я там видел — это самое настоящее зло. Не стану скрывать, наша Империя имеет множество недостатков, но человеческие жертвоприношения, убийства, сотрудничество с островитянами, восстания и прочее — это слишком. Моё поместье было сожжено бунтовщиками, я не хочу чтобы таким же образом сгорели сотни поместий. И ещё

меньше я хочу, чтобы ваши солдаты начали стрелять в восставших крестьян и рабочих на заводах.

— Им не впервой, — заметил князь.

— Знаю. Но всё-таки надо попытаться остановить бунт до того как он начнётся. И накрыть этих тёмных колдунов.

— Вы говорите так, словно сами вы не тёмный колдун, Вадим Егорович. Я ведь порылся в архивах относительно истории вашего семейства. Ваши предки немало человеческой крови пролили.

— Я знаю. Я был на нашем семейном капище, ныне заброшенном. И я знаю, что там происходило в старейшие времена. Именно потому я и говорю: нельзя допустить возвращения тех времён. Не думаю, что Велемира Воронова искренне ратует за свободу, равенство и братство. Ей просто нужно, чтобы пролились реки крови. Она хочет вернуть древние порядки.

Князь посмотрел на него долгим взглядом. Ничего не ответил и вышел. Вадим откинулся на подушки и провалился в глубокий сон без сновидений.

Оказывается, умирать не только неприятно, но и болезненно. Вадим больше недели пролежал в кровати, страдая о болей в пробитой колом груди. Зато появилось время подумать и хоть как-то осмыслить всё произошедшее. Всё время, проведённое в Слободе, он просто реагировал на происходящее, действуя по принципу: вязаться в события, а том уже как получится. Поразмысли в над произошедшим он с ужасом понял, что до сих пор жив только благодаря счастливому стечению обстоятельств. Люди, в интриги которых он вязался, были намного могущественнее его. Просто несопоставимо могущественнее. Сыновья Императора, Роман и Константин, самые родовитые люди Империи, государства, к котором право крови имеет решающее значение в любых ситуациях. Велемира Воронова, женщина с неясным статусом, но судя по всему, обладающая огромным влиянием в среде тёмных семейств и наделённая магическом даром невероятной мощи. Орест Ничацкий и Феофан Домидов, богатейшие люди Империи, если не всего мира. Радикалы, намеренные свергнуть монархию. Князь Валицын, возглавляющий всю полицию. Наконец, Его Величество, наверняка осведомленный обо всём происходящем. И как вишенка на торте — островитяне, извечные соперники Империи. Жернова интриги подобного масштаба перемелют Вадима не заметив. Хотя... В его родовом поместье есть мельница. Новая, и двух лет не прошло с постройки. Раньше была другая, никто не упомнит уже, когда построенная. Она взорвалась. Такое случается. Когда мельник не уследит за подмастерьями, и в жернова попадёт камушек. Вообще-то ничего страшного обычно не происходит, камушек перемальвается и потом хлеб. Испеченный из такой муки немного скрипит на зубах. Но иногда попадает особенный камушек, очень прочный. Он даёт искру, когда попадает в жернова, и мелкая мучная пыль, которой постоянно висит в воздухе на мельнице, вспыхивает. Взрыв тогда был страшный, все кто был на мельнице погибли, пришлось строить новую. Вот таким камушком Вадим и станет. Взорвет всё к бесу. Хотя, остаётся риск быть перемолотым в муку и скрипеть на зубах. Вадим вдруг с теплотой вспомнил свою деревню. Она ведь теперь в полном смысле его. Семья уже за границей, он официально вступил в права наследования, подписал необходимые бумаги и проинструктировал старосту, как теперь они будут жить. Может быть, уехать туда, да и жить в тишости да благости? Нет. Слушком уж глубоко он влез в придворные интриги. Теперь даже если уедет домой, покоя ему не дадут. Не хочется жить в постоянном ожидании визита тёмных. Они ведь сильны в провинции.

Он с детства слышал рассказы о старых временах. Да, официально тёмные маги в Империи были равны стихийным, древние роды формально не уступали ни потомкам Рарога, ни западным аристократам. Но это на бумаге. На самом же деле, они учились в других школах, редко занимали высокие посты и иногда. Находясь в кругу своих, с тоской вспоминали те времена, когда этой землёй правили они. Это было много веков назад, но память хранилась свято. Когда Вадим подрос, отец отвёл его в лес. Они вышли из дома затемно и шли весь день. К тому месту, куда отец привёл Вадима, не вели тропинки, они пробирались сквозь лесную чащу. Там, на заповедной поляне, стояли в круг пять поставленных торчком больших валуна, и ещё один лежал плоским в центре. Отец рассказал ему о том, как пришлые стихийный маги запретили тёмным использовать силу крови. С тех пор они могли пользоваться только своей силой, что сильно ограничивало их возможности. Любой стихийный маг, даже слабый, без труда мог одолеть тёмного. Да, можно было

использовать для удара всю свою силу, но это означало смерть от истощения.

Так, стоп. От неожиданной мысли Вадим сел на кровати и ойкнул от боли в груди. Воронова творит такую волшебку, которая гарантированно убила бы её, пользуйся она только своей силой. Не исключено, что она от рождения одарена небывало большим запасом жизненной энергии, хотя такие люди обычно отличаются высоким ростом и физической силой, как, например, Домидов. Велемира же невысокого роста, и не производит впечатление пышущей здоровьем особы. Получается, она пользуется заёмной силой. В принципе, тёмные давно научились обходить запрет на ритуалы жертвоприношения. В конце концов, люди едят мясо, и в любой деревне скотину регулярно режут. Несложно замаскировать ритуал под забой скота. Однако, церковь и императорская гвардия прекрасно знают об этой уловке и тщательно следят, чтобы ей не злоупотребляли. К тому же, древне традиции предписывали пользоваться именно человеческими жертвами. Считалось, что это даёт значительно больше энергии, а уж если принести в жертву человека, наделённого магическим талантом... выходит, его пытались заколоть не просто чтобы заткнуть рот, для этого хватило бы и стрелы или удара дубинкой в тёмном переулке. Вороновой и её пособникам была нужна жертва. Нужно большое количество энергии. А это, в свою очередь, означает, что они к чему-то готовятся. К чему-то очень серьёзному. Например, к покушению на Его Величество.

Вадим позвал слугу и велел передать князю просьбу о личной встрече. Валицын этим же вечером нанёс ему визит, и Вадим поделился с ним своими соображениями.

— Нет, покушение на Императора им сейчас без надобности. То есть, покушаться-то они вполне могут, но зачем это делать при помощи тёмной магии? Это невозможно будет скрыть, и Его Величество тут же объявит тёмных вне закона. Да и общество их осудит. К вам ведь большинство населения Империи относится, скажем так, не очень хорошо. Вас попросту перебьют. Те, кто попадёт в руки правосудия, будут считать что им чрезвычайно повезло.

— Не могу не согласиться. Но что если в этом и состоит план Вороновой? Поставить лояльных власти тёмных перед выбором: сдаться и умереть, или открыто бросить вызов стихийным?

— Скажите, Вадим Егорович, вы считаете госпожу Воронову круглой душой?

— Разумеется, нет.

— Я тоже считаю её очень умной женщиной. Именно потому она и не поступит описанным вами образом. В случае открытого противостояния у тёмных нет никаких шансов. Даже если вы начнёте резать своих крестьян на лесных капищах, всё равно проиграете. Насколько я могу судить, у Вороновой иной план. Она ведь сказала вам правду. Видимо, считала что вы не успеете никому рассказать. Я проверил добытые вами сведения. Действительно, ведётся подготовка к масштабному восстанию на заводах Домидова и в центральных губерниях. Воронова рассчитывает погрузить Империю в хаос и восстановить старые порядки, хотя бы на части территории. Островитяне же используют её в своих интересах. Пока Империя будет занята решением внутренних проблем, они потеснят нас на юге. Радикалы же думают, что используют и островитян и тёмных.

— Очень запутанно получается.

— Это политика. В ней всегда всё запутанно. Дело осложняется ещё и тем, что внутри каждой из сторон конфликта действуют агенты других сторон. Словом, не забивайте себе этим голову. Отдыхайте. Вы достаточно сделали.

— Да уж, я даже умереть за отечество успел, — попытался пошутить Вадим. Князе ободряюще улыбнулся ему и собрался было уходить, но Вадим остановил его:

— Князь, у меня есть ещё одна мысль, которой я хочу с вами поделиться.

— Я слушаю.

— Думаю, если им не удалось принести в жертву меня, они сделают это с кем-нибудь другим. Вы сможете отследить, не пропал ли в последние дни кто-нибудь из наделённых даром?

— Знаете, это дельная мысль. Даже если они не собираются убивать Его Величество для чего-то им потребовалась такая прорва силы. Хорошо, я поручу это своим лучшим людям.

Князь ушёл. Вадим попытался заснуть, в последнее время он в основном этим и занимался, делая перерывы на еду, но у него не получилось. Ему хотелось действовать. Он не без труда встал, кое-как оделся и крадучись вышел на улицу. Голова немного закружилась от свежего воздуха, но вскоре всё прошло и он ощутил бодрость. Прогулочным, неспешным шагом он дошёл до особняка, в котором держал представительство своей компании господин Ничацкий. Вадим вошёл внутрь. В вестибюле стоял стол, за которым сидел молодой человек, похожий на манекен из магазина модной одежды. Он и сидел, словно манекен, не обращая на вошедшего Вадима ровным счётом никакого внимания.

— Я хочу видеть Ореста Лейбовича.

Молодой человек посмотрел на него абсолютно равнодушным взглядом.

— Орест Лейбович принимает только по предварительной записи.

— Меня он примет.

— Он ожидает вас?

— Думаю, напротив. Меня он совершенно точно не ожидает увидеть.

Молодой человек моргнул. Плавно так, словно дорогая кукла ручной работы.

— Как о вас доложить?

— Вадим.

— Можно поточнее? Отчество, фамилия, должность? — в голосе молодого человека прорезалось еле заметное раздражение. Вадим уловил это, и почему-то почувствовал удовлетворение.

— Уточнения не потребуется. Просто скажите Оресту Лейбовичу, что пришёл Вадим, очень хочет поговорить. Вопрос жизни и смерти. Буквально.

Манекеноподобный парень встал и скрылся за дверью. Через несколько секунд он вышел и пригласил Вадима войти. В кабинете. За огромным пустым столом его ожидал Ничацкий. Он разительно отличался от себя в «Серале», был собран и деловит.

— Присаживайтесь, Вадим Егорович. Не стану скрывать — удивлён.

— Удивлены что я жив? — уточнил Вадим.

— Нет. Из раздраженной речи госпожи Вороновой несколько дней назад, я понял что вам каким-то чудом удалось выпутаться из той передраги. Я удивлён, что вы пришли ко мне. Мстить будете?

— Нет, не буду. Нет смысла в мести тому, кто не желал мне зла. А вы, я уверен, не желали.

— Рад что вы понимаете. Занимаясь столь масштабными делами рано или поздно начинаешь действовать не по собственной воле. Наивысшей судьбе — наименьшая свобода. Слышали, наверное?



— В лесу, откуда я вышел, есть неплохая библиотека.

— Рад слышать. Так с чем пожаловали?

— Я хочу убедить вас, что сотрудничать с тёмными и радикалами вам не выгодно.

— А вы весьма самоуверенны, Вадим Егорович. Даже не сказали «попытаюсь убедить».

Так уверены в успехе?

— Совершенно уверен, так же как и в том что вы, Орест Лейбович, не дурак. Вы же понимаете, чего хотят радикалы и Воронова?

— Они хотят власти.

— И вы думаете, ваши дела при их власти будут идти так же хорошо, как сейчас?

— А какая, простите, разница? Что при Императоре, что при тёмных, что при радикалах, люди будут покупать мои товары.

— Уверены?

— Уверен.

— Но ведь ваши дела и сейчас идут весьма неплохо. Зачем тратить деньги на их нужды?

— Подстилаю соломку, так сказать. Страхую риски. Кто бы не пришёл к власти, они будут у меня в долгу.

Вадим усмехнулся.

— Что вы знаете о тёмных?

— Что они умеют колдовать.

— Не совсем. Понимаете, Орест Лейбович, сказки про то, что тёмные злы по своей природе, это вовсе не сказки. Мы действительно зло. С точки зрения обычных людей вроде вас, разумеется.

— То есть вы, молодой человек, есть порождения зла? Младенцев едите, девственниц на алтарях режете? Может быть, устраиваете разнузданные оргии? Я б не отказался поучаствовать. Когда у вас запланирована ближайшая оргия?

Вадим терпеливо дождался, когда поток сарказма иссякнет, и сказал:

— С устройством оргий вы и без меня прекрасно справитесь. А вот насчёт младенцев, девственниц и прочего — это всё будет. Подумайте, вы действительно этого хотите? Принесения жертв в императорском дворце?

— Думаю, если тёмные придут к власти, они быстро забудут о своих обычаях.

— Это не просто обычаи, Орест Лейбович. Это наша суть, которую сейчас стихийные маги держат в узде. Если выпустить это наружу, прольются реки крови, и это не фигура речи.

Ничацкий странно посмотрел на него.

— Вам не претит это самоуничижение?

— Это признание собственной сути. Я человек. И я не собираюсь идти на поводу своей природы. Да, я рождён тёмным, и от этого факта никуда не деться. Но это вовсе не означает, что я не могу прожить жизнь нормально, без крови и тьмы.

— Ладно. Давайте-ка отставим в сторону пафос и рассудим по-деловому. Что вы мне хотите предложить?

— Встать на сторону победителя.

— Хм. То есть, вы уверены, что стихийные победят? Они слишком разобщены. Рароговичи с Витеничами не так давно сцепились не на жизнь а на смерть. Возможно, князе Валицын, который лично принимал участие в тех событиях, рассказывал вам о битве в монастыре, когда погиб Друбецкой?

— Они вечно грызутся между собой, но как только появляется внешняя угроза, они объединяются.

— Это вы про тёмных? Спесь стихийных не позволит им увидеть экзистенциальную угрозу со стороны тёмных семей. Они их попросту не считают ровней. Вам ли не знать этого.

— Говоря о внешней угрозе, я имею в виду вовсе не тёмных. Я имею в виду островитян. Ничацкий задумался, постом рубанул ладонью воздух и сказал:

— Ладно, убедил. Что от меня требуется?

— От вас требуется рассказать, зачем Вороновой потребовалось приносить меня в жертву.

— Будет покушение на великого князя Константина. На приёме у Императрицы От удивления у Вадима вытянулось лицо.

— Зачем ей это?

— Покушение постановочное. То есть, радикалы, которых она при помощи своей магии проведёт во дворец, будут действовать всерьёз, но она спасет Константина в последний момент. Неудачное покушение придаст великому князю вес. Это поможет преодолеть сложившееся о нём в свете мнение.

— Он перестанет быть кутилой в глазах высшего общества, а станет пострадавшим от рук радикалов, — понял Вадим, — возможно даже, он объявит им войну...

— Именно. Ну а заодно свои позиции укрепит Воронова. Константин станет ей доверять.

— Хорошо. Я понял.

Вадим встал, пожал Ничацкому на прощание руку и пошёл назад, в особняк Валицыных.

В вестибюле его встретила княжна. Вокруг глаз у неё были небольшие припухлости, словно она только что плакала. Вадим спросил у неё что случилось, но Наталья не ответила. Она взяла его за руку и отвела в личные покои князя. Остановившись перед входом в спальню Валицына, она обернулась к Вадиму и сказала:

— То что вы сейчас увидите — тайна. Вы никому не расскажет об этом. Поклянитесь.

— Клянусь.

Они вошли, и Вадим увидел князя, лежащего на кровати. Он был без чувств, дыхание почти не было.

— Что с ним?

— Думаю, вы лучше меня разбираетесь в тёмных проклятиях.

— К сожалени, в этой области тёмных искусств я полный профан, — с горечью ответил Вадим. Он был в растерянности. Ему нужен был совет князя.

Наталья тихонько тронула его за плечо.

— Где вы были, Вадим Егорович? Во что опять ввязался мой брат?

И он рассказал ей всё.

Следующим вечером к крыльцу императорского дворца подкатила богато украшенная карета с гербом княжеского рода Валицыных на дверце. Она была не первой в веренице карет прибывших на бал к Императрице, но далеко не последней. Лакей в роскошном камзоле открыл дверцу и на ковровую дорожку ступили князь и княжна Валицыны. Они поднялись по ступеням и предстали перед четой правителей Империи.

— Рад видеть вас, дорогой друг, — проскрипел Император. Он напоминал иссохшуюся

мумию, лишь пронизательный взгляд выдавал в нём живого человека.

Императрица моложе, и хоть она давно миновала возраст юности, но была по-прежнему красива. Она ласково улыбнулась гостям.

— Михаил, Наталья. Рада приветствовать вас. Прошу, проходите внутрь. И обязательно подойдите ко мне во время бала.

Великий князь Константин, стоящий позади своего отца коротко кивнул князю и поцеловал руку Наталье.

— Не сутулься, — тихо сказала она своему брату, когда они вошли в зал.

— Не так просто притворяться перед Императором.

— Что поделать, Вадим Егорович.

— Не называйте меня так, прошу вас.

Наталья посмотрела на него. В глазах её плясали бесенята.

Вадиму оставалось только надеяться, что сил, почерпнутых им вчера во время ритуала в подвале особняка, хватит на удержание образа князя в течении всего вечера.

В нахождении под личиной князя Валицына был очевидный положительный момент: княжна была рядом. Вадим был воспитан в строгости, можно даже сказать в аскезе, даже не в силу того что его семья блюла нравственность, просто даже теоретически подходящие по статусу девушки жили далеко. С крестьянками связей у него не было, что служило предметом постоянный насмешек старшего брата. В общем, Вадиму было тяжело даже самому себе признаться в том, что ему нравится блистательная княжна Валицына. Однако ж, пришлось признать очевидное. Она словно нарочно плотно прижималась к нему, когда они вошли в зал, наполняя Вадима трепетом.

— Ты так очаровательно смущаешься, милый братик, — шепнула она ему на ушко, улучив момент, когда никого не было рядом.

— Дорогая сестра, — деревянным от смущения голосом ответил Вадим, — тебе не кажется, что от того как ты себя ведёшь, веет...

Он запнулся, не будучи в силах произнести это слово вслух.

— Инцестом? — сказала она, заглядывая ему в лицо своими огромными, синими и какими-то нездешне невинными глазами. Она немного помариновала его, наслаждаясь ситуацией, после продолжила, понизив голос:

— Вадим Егорович, в Александровской Слободе не иметь какого-нибудь постыдного порока просто неприлично. Я смогла в своё время убедить брата, что слухи о нашей противоположенной связи невозможно остановить. К чему сопротивляться?

Вадим мотнул головой. Высказаться искренне о подобном в присутствии дамы представлялось ему невыносимым. Он просто слов приличных не мог подобрать.

— Ну что же вы, — улыбнулась Валицына, — Если будете иметь репутацию человека честного и порядочного, вас здесь попросту заклюют. Такова природа вещей. Стоит испачкаться в грязи, как все чистые сразу начинают казаться ханжами. Да и к тому же, мне приятен ваш интерес.

— Я бы не хотел, чтобы всё было так. Мне хочется всё изменить.

— Это вполне достойная цель. Труднодостижимая, но вне всякого сомнения, достойная.

— Наверное, эта зараза пришла к нам из-за границы. Весьма причудливо. Подобных мне там давно извели под корень, а сейчас там царит мода на тёмные ритуалы.

— Да, и вы чуть было не пали под жертвенным ножом на потеху островитянину. Кстати, ваш вчерашний ритуал ему бы понравился.

Вадим повернулся к ней.

— Это было необходимо.

— Вы очень плохо владеете лицом, милый братец. Сейчас поползут слухи о том что мы поссорились на балу у Императрицы.

Она улыбнулась кому-то, перекинулась парой фраз с дамой и кавалером в блестящих нарядах. Увлекла Вадима за руку и когда они вновь оказались вне досягаемости любопытных глаз, сказала:

— Вадим, а вы знаете, за что великого князя Романа отлучили от двора?

— Не знаю точно, но когда я его видел, мне показалось, что за ним стоит что-то очень древнее и очень темное.

Княжна фыркнула:

— Вы принимаете его актерскую игру за чистую монету.

— Тогда ему не перед кем было играть.

— Если долго носить маску — она прилипает к лицу, — парировала княжна, — на самом деле он просто марионетка островитян. Будучи молодым человеком он долго гостил у их короля, что немудрено, ведь они родственники. Там он, очевидно, попал под их влияние. В этом нет ничего плохого, но великий князь настолько увлекся островной культурой, что искренне уверился в её превосходстве над отечественной. Допустить к трону такого наследника Его Величество, разумеется, не мог. Он вызвал его домой, и отправил в заточение, лишив права наследовать трон. Кстати, о наследниках. Вот и Константин появился. Должна признать, он хорош.

Вадим посмотрел на великого князя и ощутил укол ничем не обоснованной ревности. Наталья усмехнулась.

— Пойдёмте выкажем почтение будущему наследнику престола Империи.

Константин стоял в окружении своей свиты и принимал приветствия от придворных, выстроившихся для этого в очередь строго согласно таблицы о рангах. Причём скорее неформальной, чем официальной. Княжна уверенно обошла большую часть очереди и они с Вадимом предстали перед великим князем. Константин пожал руку мнимому Валицыну, дружески улыбнулся.

— Скажите. Князь, вы знакомы с методами принуждения рабочих к труду, применяемых на землях Островного Королевства?

— Ну что вы, ваше Императорское Высочество! Вы хотите поговорить об этом на балу? — Валицына попыталась, как ей казалось, спасти Вадима.

— Я читал об этих методах, — сказал он.

— И как вы их находите?

— Думаю, следует понаблюдать за ними повнимательнее. Если они покажут свою эффективность, их можно будет внедрять и у нас.

— Да что там цацкаться с отребьем! — воскликнул один их новых друзей великого князя. Судя по нездоровому блеску глаз, он принимал что-то отличное от подаваемого на балу шампанского, — Пару ударных батальонов в боевом строю сомнут толпу бунтовщиков любого количества!

Его одобрительными возгласами поддержала свита наследника. Не все возгласы показались Вадиму искренними.

— А вы знаете, сколько у меня на заводах людей работает?

Это заговорил Домидов. Он в сопровождении Вороновой подошёл к беседающим. Вадим заметил, что вокруг них незаметно собрался цвет имперской аристократии, и даже Император с Императрицей стояли неподалёку.

— Да какая разница, сколько их там! Вы их боитесь, что ли?

— Предлагаете воевать с собственным народом? — спросил Вадим, — Проигрыш, само собой, неприемлем, но и победа нас уничтожит. Нас просто некому будет кормить.

Великий князь одобрительно улыбнулся. Воронова скользнула по Вадиму холодным как у змеи взглядом.

— Нет господа, — сказал наследник, — история учит нас, что воевать с народом дело неблагоприятное, да и постыдное. Не те сейчас времена, на крестьян как на скотину безмолвную и покорную смотреть. Запрет на продажу человеческих жуш не даром ещё мой дед отменил.

Он заложил руки за спину и начал вещать:

— Я считаю, что проявивших непокорство следует не смертию карать, а исправлять. Для того неплохо бы было учредить соответствующие заведения, где полезный труд и пастырское слово поможет мятежным умам обрести покой!

Все слушали его как заморожённые. Лишь Вадим смотрел по сторонам. Он видел, что неподалеку стоит непонятно как пробравшийся сюда господин, строчащий сейчас в блокнот. Наверняка речь великого князя уже сегодня окажется в газетах. Самое время для покушения. Великий князь, наследник престола, перед высшей аристократией Империи защищает крестьян и рабочих. А неблагодарные радикалы нанесут в этот момент удар. Тем самым, князь, чудом спасшийся, станет героем, а радикалы потеряют поддержку в обществе.

Он увидел как Воронова шевелит пальцами, меж которых словно сплетается клубок тёмных нитей. Что бы она ни задумала, надо её остановить. Пользуясь тем, что все увлечены речью великого князя, он тихо подошёл к Вороновой сзади, схватил за запястье руки. Которой та творила волшебство и резким движением поднял её.

— Измена! — выкрикнул он слово, издревле побуждавшее обитателей роскошных дворцов немедленно приступать к решительным действиям. Поднялась жуткая суматоха. Свита великого князя прикрыла его своими телами, неведомо откуда появившиеся гвардейцы выводили из зала императорскую чету.

— Ты что творишь, мразь! — прошипела Воронова. Если бы сейчас она показала раздвоенный язык, Вадим бы решительно не удивился, — Какая измена!? Он лжёт!!!

— Нет. Князь говорит истинную правду. Вы только что пытались покушаться на жизнь Его Императорского высочества. Отличная работа, князь.

Сухонький старичок, вся грудь которого была усыпана почетными орденами, встал рядом с Вадимом.

— Я наблюдал за вами, и готов подтвердить сказанное под присягой. Думаю, Его Величество прислушается к моим словам. К тому же, мой сын выследил вашего наймита из радикалов. Вот он, собственно.

Молодой светловолосый парень крепко держал человека с неприметной наружностью.

— Павел Петрович, вы как всегда на высоте, — промурлыкала Валицына. Она теперь полностью переключилась на светловолосого. Тот передал задержанного подоспевшим гвардейцам и учтиво поклонился княжне. Похоже, это сами Плечеевы, понял Вадим. Никто другой просто не имел права титуловаться князем при живом отце.

— Вы тоже не сплеховали, — протянул он руку Вадиму, — прошу пройти со мной. Надо обсудить некоторые детали.

Они покинули зал. В котором гвардейцы пытались восстановить хоть какое-то подобие порядка. Когда за Вадимом закрылась дверь, Павел Плечеев повернулся к нему. В его руке заплясал водяной шар. Учитывая, что юный князь едва ли не самый сильный маг Воды в Империи. Угроза было более чем очевидной и недвусмысленной.

— А теперь, — сказал он, — говорите, кто вы такой?

— Я... — в голове Вадима мысли понеслись вскачь. Надо потянуть время, что-то придумать...

Плечеев поднял руку.

— Не трудитесь. Я знаю, что вы не князь Валицын. Он сейчас лежит без сознания. Его прокляли. Дело в том что с моим отцом не так давно произошло почти то же самое. Так что сейчас над ним колдует лейб-медик Его Величества. Вы один из них? Отвечайте!

— Смотри кого вы имеете в виду, — осторожно проговорил Вадим, — темных колдунов, практикующих жертвоприношения? Нет. Я сам чуть было не попал под нож.

— Кто там был, узнать в лицо сможете?

— Того кто там был узнать в лицо может каждый. Граф Феофан Домидов собственно персоной. В компании какого-то островитянина. Ещё там был человек в маске оленя.

Плечеев принялся шагать из угла в угол. Наконец, он остановился:

— Об этом не болтать. Вам ясно? И ответьте наконец на вопрос, кто вы?

Вадим прикрыл глаза на мгновение и принял свой обычный облик. Павел Плечеев прищурился:

— Тёмный. Интересна у вас родовая магия. Вы знакомы с Валицыным лично?

— Я вроде как работаю на него.

— Больше нет. Теперь вы работаете на моего отца. А теперь выкладывайте всё.

Вадим рассказал всю свою историю. Павел внимательно выслушал его, после чего вызвал гвардейца.

— Проводите молодого человека в изолированную комнату.

— Я арестован?

— Нет, но вам будет лучше под охраной. Ступайте.

Императрица пила кофе из малюсенькой чашечки. Лейб-медик запретил её пить кофе, но сейчас его в комнате не было. И она решила себя побаловать. Тем более, что было что отпраздновать.

— Что. Наталья, как это ни удивительно, но у нас всё получилось.

Княжна Валицына присела в реверансе.

— Мой брат не может больше исполнять свои обязанности. Врачи не велят.

— Так приступайте вы. Как только этот так называемый совет утвердит мои полномочия, я назначу указом вас в качестве главы рода. Благо, мой супруг сделал нужные шаги. Нельзя с места в карьер начинать реформы. Моё положение всё ещё непрочное, хотя этот молодой человек с вашей помощью поделился очень занятными подробностями относительно моего сына.

— Как Его величество?

— Очень плох. Вокруг него множество медиков, но старость это болезнь от которой невозможно вылечить.

— Обстоятельства благоволят вам. Ваше Императорское величество.

— Не стоит скромничать. Вы немало потрудились над своим планом. Воспользоваться заговором Вороновой как инструментом для достижения нашей цели было весьма и весьма остроумным решением. Я вам благодарна. Надеюсь, вы и далее будете давать мне полезные советы.

Княжна вновь сделала реверанс. Вошёл медик. Он увидел чашку с кофе в руках Императрицы и посмотрел на неё осуждающе. Её Величество сделала жалобное лицо.

— Не гневайся, Ринат Вагитович. Столько дел навалилось...

— Ваше Величество не должны утруждать себя оправданиями.

Императрица улыбнулась.

— Что ж, — сказала она, вставая, — пойду расстрою посла. Он уже достаточно ждал.

Из личных покоев Её Величества в тронный зал вёл отдельный коридор, оканчивающийся прямо за тронном. Выйдя оттуда, Её Величество села на своё обычное

места, на небольшое сиденье справа от трона. Правда, она не смогла удержаться, и положила руку на подлокотник императорского трона.

Перед ней застыл в поклоне мужчина с платиново белыми волосами. Это был посол островного королевства.

— Короне стали известны подробности ваших занятий, господин посол. Неприятные подробности. Вы самым беззастенчивым образом вмешались в политику короны и придворные заговоры. Что вы можете сказать в своё оправдание?

— Лишь то, что всё мною содеянное является моей личной инициативой. Ни мой король, ни кабинет министров, никто из членов парламента не связан с этим.

— Что ж. Я верю вам. Ваше присутствие при дворе более нежелательно. Корона предписывает вам покинуть пределы Империи в самый короткий срок.

Как положено истинному островитянину, бывший посол сохранил абсолютное хладнокровие.

— Хочу представить Вашему Величеству моего заместителя. До прибытия нового посла он будет исполнять мои обязанности.

— Хорошо. Он, как и весь состав нынешнего посольства, обязан покинуть пределы Империи сразу после прибытия нового посольства. Никому из вас корона не может более доверять. Вы бросили тень на дружбу между нашими странами.

Она встала, что служило сигналом окончания аудиенции. Уже собралась было уходить, но обернулась и спросила:

— Господин бывший посол, а кто прибудет вам на замену?

— Это решать королю.

— Всем выйти, вы останьтесь.

Тронный зал быстро опустел. Императрица спустилась по ступеням, подошла вплотную к островитянину.

— Кто прибудет вам на замену? Вы не могли не предвидеть, что я вас выгоню из своей страны.

— Я полагал, это сделает Его Величество. Его внезапная болезнь...так внезапна и неожиданна. Даже можно сказать — подозрительна.

— Ещё хоть слово, и вы прямо отсюда отправитесь в темницу.

Посол склонил голову:

— На моё место прибудет герцог Одинбургский. Вы знакомы, не так ли?

Императрица не удостоила его ответом. Она вышла из зала, прошла в свои покои и села у окна. На неё нахлынули воспоминания.

Новоиспечённый тайный агент имперской охраны Вадим Егорович Тушков положил исписанный мелким почерком лись бумаги в конверт, и собрался уже было его запечатывать, как его перехватил за руку мужчина с аккуратной бородкой. Это был Тихон Игоревич — его наставник на новой службе.

— Дай-ка я погляжу, чего ты там накалякал, — сказал он своим обычным добродушным тоном. Он вытащил письмо из конверта и принялся за чтение.

Окончив читать он посмотрел на Вадима.

— Вадим Егорович, прости за откровенность, но ты балбес.

Вадим аж опешил от такой наглости. Он просто не ожидал подобного обращения от простолюдина.



— Не ершись. У нас неважно в какой семье ты родился, важно как ты работу работаешь. А ещё у нас принято говорить открыто, не пряча правду за вежливыми словесами. Вот сам подумай. Зачем писать о твоей работе родителям?

— Да кому они расскажут?

— Они может и никому, хотя гордый за своё чадо родитель обязательно прихвастнет. Особенно мать. Но дело даже не в этом. Вдруг твоё письмо кто-то перехватит и прочитает? О нашей работе никому ничего знать не положено

— Так что мне теперь, всю жизнь молчать?

— Зачем же молчать? — удивился Тихон Игоревич, — нет, молчание в нашей работе вещь крайне вредная. Тебе не молчать надо, а постоянно врать.

— Что!?

— Врать.

— Я аристократ.

— И что? Князь Плечеев тоже аристократ, а даже упомянуть не могу. Когда бы он всю правду говорил. Слишком важным мы тут делом занимаемся, что бы позволить какой-то там родовой гордости помешать. Мы Империю защищаем, понимаешь? За такое дело не грех и в грязи выпачкаться. Ты жизнью готов пожертвовать за отечество и государя, то есть, государыню?

— Конечно!

— Так вот знай, жизнью пожертвовать дело лёгкое. А нам честью жертвовать приходится, и награды нам не положены. Хотя у меня, честно говоря, нету никакой чести. Я ведь сын мясника.

Вадим поёжился. От слов его наставника веяло какой-то безысходностью.

За окном накрапывал дождь.

**Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**